

56
204

1921

графъ

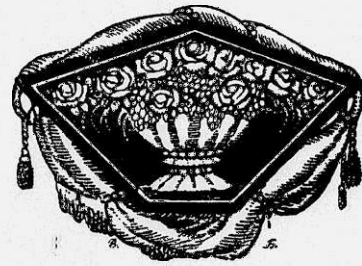
Александръ Николаевичъ Толстой

ПОВѢСТИ

и

РАЗСКАЗЫ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

M $\frac{56}{204}$

Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ

СОЧИНЕНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ

Р А З С К А З Ы

(Повѣсть о совѣтливомъ мужикѣ).

*Посл. А. С. Яценко.***Г р ѣ х ъ.**

По горячимъ плитамъ зеленого монастырскаго двора медленно шель, скрестивъ на грудяхъ ладони, великій постникъ—отецъ Андрей. Зной былъ такой остѣпительный, что птицы на вѣткахъ присѣли, разинувъ клювы, а кипарисы, вдоль бѣлыхъ стѣнъ, распушились, потемнѣли и капали смолой. Въ густой ихъ тѣни стояла монашія братія, въ клобукахъ и скуфейкахъ, и, когда отецъ Андрей приблизился, всѣ ему низко поклонились, прикрывая отъ смѣха рты.

Андрей смиренно отвѣтилъ, скосивъ при этомъ глаза на самаго толстаго изъ монаховъ—отца Пигасія, сдвинулъ густыя брови, въ тоскѣ оглядѣлъ синее, словно раскаленное, небо и, вновь уронивъ голову, повернуть къ страшной кельѣ игумена.

Братія двинулась-было встѣдъ, но направо, въ окнѣ монастырскаго лавочки, появился малаго роста монахъ, поднимая сухонькую руку и тонкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Остановись, напуцу труса!

Братія, любопытствуя, окружила окно, и отецъ Пигасій, двигая длиннѣйшимъ, раздвоеннымъ на концѣ, носомъ, сталъ спрашивать у воскликнушаго отца Нила: за что гнѣвается?

Отец Пигасій (что значитъ: „источающій воду“) имѣлъ легкій нравъ, любилъ въ трапезной хорошо покушать и потомъ, не въ силахъ подняться съ лавки, стоналъ отъ удовольствія, морщился и подмигивалъ, надъ чѣмъ братія много смѣялась.

Нилъ же, читая духовныя и свѣтскія книги, на поляхъ писалъ замѣчанія автору, вродѣ: „Ты уменъ, а скажи: не есть ли это мѣсто жестокой блудъ и больше ничего“. Послѣ нѣкоторыхъ книгъ постился голодомъ, истязалъ себя, и тогда отъ маленькаго его, блѣднаго, въ черной бородѣ, лица исходило кроткое сіяніе.

Но выше всѣхъ и крѣпче, какъ дубъ среди березняка, стоялъ до вчерашняго дня отецъ Андрей. Вчера же приключилась съ нимъ такая исторія, что Нилъ, сторукая ревностью, вѣдшился пальцами въ подоконникъ и усталился на монаховъ, глотая слюну, не въ силахъ пересохшимъ горломъ молвить слова.

„Посмотримъ, какъ онъ напуститъ труса“, — подумалъ Пигасій, засунувъ большіе пальцы за кушакъ; монахи нагнули головы, и Нилъ произнесъ:

— Дождались... Да какъ вамъ близко-то подходитъ къ Андрею не совѣстно. Онъ воздухъ сквернитъ; вокругъ него бѣсы, какъ у осинаго гнѣзда, толкуются; забилась и къ вамъ они за подрясники да въ бороды. А кто, спрашиваю, бѣсовъ нашлодилъ?... Прочь отъ меня! Была одна надежда — отецъ Андрей, молитвенникъ, и того заѣли... вопить надо. Кто теперь спасется? Никто. Попомните: придетъ великій трусъ, а будетъ поздно... Прочь...

— Охъ, — вздохнули монахи.

Отецъ же Пигасій, отойдя къ стоявшему поодаль старенькому отцу Гаду, весь даже промокъ, говоря:

— Знаю я, все знаю, не могу этого слышать.

А въ это время Андрей, нагнувъ широкія плечи, перешагнуть порогъ игуменовыхъ сѣней, взялся за скобу, да такъ и задумался. Но не то что боялся Андрей криковъ стараго игумена или жестокой эпитиміи, а просто, къ уди-

вленію своему, не могъ ни унизиться, ни почестъ во вчерашнемъ невиданномъ грѣхѣ себя виновнымъ.

Три года назадъ Андрей, безродный, одинокій мужикъ, пришелъ сюда пѣшкомъ изъ-подъ Ярославля. Хозяйственно оглядѣлъ монастырскія крѣпкія постройки, поковырялъ землю и попросился на послушаніе. Приставили его къ іеромонаху Нилу, который, мучаясь глазами, тогчасъ обучилъ Андрея грамотѣ и заставилъ въ постные дни читать духовное, а въ скоромныя и изъ свѣтскихъ книгъ избранныя мѣста.

Андрей обычно садился у окна на обрубкѣ и, придерживая русую бороду, чтобы не лѣзла въ книгу, ровно, густымъ басомъ, не понимая ни слова, съ особеннымъ удовольствиемъ, читалъ; Нилъ же, заложивъ руки за спину, хаживалъ по бѣлой келейкѣ и восклицалъ:

— Вотъ, видишь, и проглянуло невѣріе!.. Истина скрыта отъ свѣтскаго человѣка.

Вѣки у Андрея нависали козырьками, и не то что хотѣлось спать, а было необыкновенно пріятно слушать, какъ выходятъ сами собой складныя, непонятныя, чудесныя слова.

Иногда Нилъ до того разгорался, что выхватывалъ съ полки скоромную книжку и самъ читалъ срывающимся на гнѣвъ голосомъ:

Какъ испанецъ, ослѣвленный вѣрой въ Бога и любовью,
И своею опьяненный и чужою красной кровью,
Я хочу быть первымъ въ мірѣ, на землѣ и на водѣ.
Я хочу цвѣтовъ багряныхъ, мною созданныхъ вездѣ...

„Что съ нимъ“, — думалъ Андрей. Нилъ же кричалъ, захлопнувъ книгу:

— Развѣ я могу перенести такое распутство? Я, можетъ быть, больше него испанецъ, а истязуюсь и молчу... Становись, Андрей, на колѣни, молись: „Отче нашъ... избави насъ отъ лукаваго“... Все, что видимъ, слышимъ и трогаемъ — есть тѣло лукаваго — вся земля, и, стало быть, великъ нашъ духъ, если можетъ еще бороться съ плотью. Одна есть молитва — „дай отрясти прахъ земли отъ ногъ монахъ:

не видѣть, не слышать, не чувствовать“... Страшно это и невозможно... Все во власти земли.

Послѣ такихъ разговоровъ отпрашивался Андрей на черную работу; и, пошлютъ ли его на высоченную гору — нхитъ рубить,—съ утра до вечера стучить наверху его топоръ и валяться съ грохотомъ внизъ по каменному желобу тяжелыя бревна. И во всякомъ рукоеслѣ Андрей—мастеръ: плотину ли загатить, плести корзинки, или расписывать на морскихъ камушкахъ красками монастырской видѣ... Въ церковь приходитъ Андрей раньше всѣхъ и поклоны кладесть съ такимъ умилениемъ, что игумень однажды улыбнулся, глядя на него, подозревалъ къ себѣ, расспросилъ, возлюбилъ и возвысилъ чиномъ.

Вотъ тогда-то Андрей, какъ мужикъ совѣстливый, и рѣшилъ оправдать милость: заперся въ кельѣ и пересталъ бѣть совѣмъ.

Подивились ему монахи, а отецъ игумень, все провидя, немедленно приказалъ отвести Андрея въ пещеру за монастыремъ, близъ озера, а пищу и питье подавать черезъ сутки на концѣ шеста.

Пошли слухи о новомъ пещерникѣ, полетѣли далече за монастырь, и заѣзжая богомолки, становясь на колѣни передъ крутой тропой, ведущей въ пещерку, умиленно поглядывали на орѣховыя кусты и шептали: „Сподобилась раба, сподобилась раба“.

Пуще отъ этого совѣстно стало Андрею, и до того онъ истощилъ себя, что могъ только лежать близъ выхода навзничъ, поглядывая помутнѣвшими глазами черезъ зеленыя вѣтки на небо, по которому со свистомъ проносились стрижи и плавали медленно ястребы.

И въ то же время сталъ догадываться, что дальше идти некуда и приходится смертью помереть.

Возмущенъ такимъ мыслямъ Андрей, но ничего не придумалъ путнаго, кромѣ какъ ночью сползать внизъ и набѣдаться орѣховъ.

Богомолки, видя множество скорлупы у пещерки, порѣ-

шили, что орѣхи затворнику щиплетъ и приноситъ врань, возревновали и по близости на сучкахъ стали привѣшивать маленькіе, вырѣзанные изъ жести, ноги, глаза или голову,— что у кого болѣло...

А осень къ тому времени окончилась, настали прохладные дни; по ночамъ опускался на желтую и алую, увидящую листву сизый иней, богомолки набѣжали все рѣже, и Андрей въ пустой пещерѣ сталъ пробирать лютый морозъ.

Тогда онъ, не глядя даже на совѣсть, сошелъ въ монастырь, упалъ передъ игуменомъ и попросился послушникомъ къ самому послѣднему изъ монаховъ, отцу Гаду.

Отецъ Гадъ былъ сѣденькій, немудрый монашекъ, за великое пристрастіе къ нюхательному табаку назначенный чистить поганья мѣста.

— Любишь нюхать, такъ у меня нанюхаешься,— сказалъ ему игумень разъ и навсегда;—ужъ подлинно—Гадъ: набиваешь носъ эдакимъ зельемъ и вывертываешь при этомъ пальцы въ видѣ шиша.

Ревностно заработалъ у Гада отецъ Андрей, а по вечерамъ, лежа на камнѣ, слушалъ длинные рассказы про монастырское житье: какъ Пигасій, напримѣръ, въ лѣсу чадо-родилъ съ богомолкой, какъ послушники играли въ хлюсть, какъ отецъ Ипатъ нашлся въ четвергъ и ревѣлъ верблюдомъ, за что его три раза спускали въ студеный водопадъ.

Про всѣхъ узналъ Андрей подноготную, и стало ему тошно отъ лѣниваго, ненужнаго такого житья.

Опять пришла весна; зацвѣли акаціи и магноліи, запахла остро эвкалипты, залиловѣли лѣсныя горы, побѣжали мутныя рѣки съ горъ, снѣгъ сталъ вѣтѣи и ярче, загрохоталъ первый громъ, зашумѣли дожди. И заметался Андрей... Попросился опять въ пещеру, но не смогъ, затомился, и, увидя однажды, какъ за плугомъ, подгоняя лѣнливыхъ буйволовъ, шель армянинъ, ударилъ Андрей ладонью о землю: такая взяла его досада—никчемный онъ мужикъ, къ Богу не знаетъ какъ и подстуниться, а въ міръ идти незначѣмъ. И какъ разъ подвернулась въ то время захожая

бабенка изъ Андреева села. Поговорила она съ Андреемъ, подперевъ румяную щеку, повздыхала на великия его муки, и, по-бабьи, не къ мѣсту, усмѣхнулась, опустивъ сѣрые глаза; а на утро, чуть свѣтъ, когда вышелъ Андрей полоть капусту, явилась бабенка на огородъ, сѣла аккуратно у плетня въ травѣ, сорвала соломину и говорить:

— Какъ же ты, Андрей, безъ насъ обходишься?

— Что ты, что ты, — воскликнулъ Андрей, уронивъ мотыку,—великій это грѣхъ.

— Какой же это грѣхъ, — опять говорить молодая бабенка,—Богъ женщину сдѣлалъ, для чего-нибудь сдѣлалъ Онъ ее...

Поглядѣлъ Андрей на землячку, потомъ на затуманенное утренникомъ море, на ясное небо, вдохнулъ изо всей мочи душистый вѣтеръ, засмѣялся вдругъ и отвѣтилъ:

— А говорятъ люди, что грѣхъ.

Присѣлъ около бабенки и, повернувъ ее за полныя плечи, поцѣловалъ въ ротъ... На этомъ ихъ и накрыли монахи и завели такую исторію, не дай Богъ.

Долго держался Андрей за скобу игуменовой двери, раздумывая—неужто капли не найдеть въ себѣ покаянія, и вдругъ догадался, что игумень-то улыбнется на его рассказъ, покачаетъ сѣдой головой и скажетъ: „Ахъ, милый ты человекъ, ситъ въ тебѣ много, ну, иди, работай съ Богомъ“.

— Вѣрно,—воскликнулъ Андрей и, стукнувъ три раза, вошелъ.

Въ пустой, бѣлой и низкой кельѣ, передъ огромной образницей, на некрашеномъ, чистомъ полу, освѣщенный косымъ лучомъ изъ окошка, лежалъ маленькій старичокъ, весь въ черномъ; изъ-подъ клобука выбивалась у него сѣдая прядь.

Игумень, не замѣчая, долго лежалъ ницъ, какъ мертвый; когда же Андрей, переминаясь, неумѣстно напомнилъ о себѣ, старикъ уперся о полъ костяшками рукъ, поднялся съ великимъ трудомъ, еще разъ поклонился, всталъ, ока-

завшись маленькимъ, какъ ребенокъ, и вдругъ рѣзко обернулся, причемъ исказилось землистое его, иконописное, въ бѣлой бородѣ, лицо и стали кровавыми глаза.

Ужаснулся Андрей и рухнулъ на колѣни.

— Въ чемъ грѣшнѣе? — спросилъ игумень шопотомъ.

И дернуло Андрея сказать: „Не знаю, молъ, грѣха“... Тогда отшатнулся игумень; ухватилъ прислоненный къ образницеѣ посохъ и ударилъ Андрея по головѣ. Андрей зажмурился, выставилъ плечи и старался не дышать, пока игумень обѣими руками поднималъ трость и колотилъ. Потомъ, утомясь, пихнулъ Андрея ногой и сказалъ, словно плюнулъ:

— Поди прочь!

П о б ѣ г ѣ .

Выскочивъ изъ кельи на солнцепекъ, пощупалъ Андрей съ огорченіемъ голову, молвилъ: „Ишь ты, какой сердитый“, — и, оборотясь, увидѣлъ монаховъ, которые держались отъ сѣха за животы.

„Вотъ отчаянные“, — подумалъ Андрей, — „пойду-ка я къ Нилу, онъ мнѣ разъяснитъ“.

Ниль стоялъ въ прохладной лавочкѣ, за прилавкомъ, подперевъ кулачками щеки, и странно глядѣлъ на подходящаго; когда же Андрей попросилъ благословить, Ниль отскочилъ и воскликнулъ:

— Не подходи, замараешь!

— Да чѣмъ же я замараю, Господи,—сказалъ Андрей.— Вонъ Пигасій и не такія шутки выковыривалъ, да не били же его палкой.

Но Ниль, всплеснувъ ладошами, устремился къ иконкѣ, прибитой на столбъ, поддерживающемъ сводъ лавки, и, бормоча, нарочно неприятнымъ голосомъ, сталъ читать молитвы отъ злого духа.

Андрей подождалъ; потомъ молвилъ жалобно:

— Отецъ Ниль, да пожалѣй ты меня, голова вѣдь, кругомъ пойдетъ: неужели я хуже бѣса, — и, ударивъ себя по

бокамъ, онъ побрелъ медленно къ морю, гдѣ съѣлъ пониже мостковъ у воды.

Недалекъ вливалась горная рѣчка, и желтый слѣдь отъ нея уходилъ въ море. Вдоль берега плыли гагары, приподнимаясь отъ находившей волны, которая потомъ медленно влизывалась на песокъ. Солнце, склоняясь къ лѣснымъ горамъ, золотило облака у окоема, легкую пыль надъ бѣлымъ шоссе, монастырскія стѣны и надъ кипарисами пять куполовъ огромнаго храма.

— Никому не угодилъ, — сказалъ Андрей, — кругомъ тишина Господня, а я отверженъ и мятусь.

И, пересыпая горстью песокъ, припомнилъ Андрей, что никогда не могъ найти себѣ покоя: всегда, казалось, — жилъ ли онъ въ тѣ поры въ батракахъ, гонялъ ли плоты по Волгѣ, ходилъ извозомъ въ Москву, или нанимался въ знойныя степи на страду, — что временное это житье, случайное и не важное. Въ самомъ дѣлѣ: неужто нѣтъ другого занятія, чѣмъ щи хлебать, будь онъ и первѣйшій, или въ праздникъ, сидя на завалинѣ, смотреть, сладко зѣвая, какъ Шарокъ и Катокъ — дворовыя собаки — прыгаютъ на кучѣ золы, хватая другъ друга за пестрыя уши. И не для работы же опредѣленъ человѣкъ, если тоскуеть, не устраиваясь даже на отягченныхъ мѣстахъ.

Много хуторовъ и деревень исходилъ Андрей, а одно лѣто взялся гнать деготь: такъ ему понравилось пожить одному въ лѣсу. Тутъ-то и нашелъ на него чудесный странникъ; былъ странникъ невеликъ ростомъ, сутулъ и слезливъ, а какъ принялся рассказывать про монастыри — голова кругомъ пошла у Андрея, и представилъ онъ себѣ съдыхъ и высокихъ монаховъ, сидя на горахъ ликующихъ въ Божьей славѣ... Тотчасъ Андрей бросилъ все и пошелъ, не останавливаясь, на югъ, и никогда еще сердце его такъ не ликовало...

И такъ теперь стало Андрею обидно за то время, когда шелъ онъ, безъ шапки, постукивая палкой, не въ силахъ наглядѣться на солнце, ни послушаться птичьего свиста, что, воскликнувъ: „Нѣтъ, не повѣрю я, чтобы не было на

свѣтѣ чистаго мѣста“, — вскочилъ и, увязая въ песокъ, побѣжалъ прямо къ себѣ въ келью.

Отецъ Гадъ сидѣлъ у стѣны на лавкѣ и ухмылялся во весь ротъ, раздвигая ежомъ сѣдую бороденку. При видѣ Андрея онъ вытеръ слезы и сказалъ:

— Смѣялся я надъ тобой, милый человѣкъ. То есть дураковъ такихъ и не слынешь: ну, кто же днемъ на огородѣ съ бабой занимается? Теперь про монастырь такая слава пойдетъ — богомолокъ навалитъ видимо-невидимо. Сейчасъ я съ Пигасиемъ о тебѣ бесѣдовать — много смѣялись.

И вновь отецъ Гадъ захихикалъ, держась за лавку, Андрей же сказалъ угрюмо:

— Ухожу я, не хочу съ вами жить...

— Куда ты пойдешь, любезный мой, отберись, прими муку...

— Прощай, отецъ Гадъ, — отвѣтилъ Андрей угрюмо, поклонился Гаду до полу, надвинулъ колпакъ на глаза и вышелъ на волю.

Звонили въ ту пору къ вечернѣ, и послѣдніе монахи, медленно поднимаясь по залитой краснымъ солнцемъ тропинкѣ, неспѣшно оборачивались, заслоня глаза рукой, и скрывались за кипарисами у высокаго храма. Зацемило сердце у Андрея, и самому захотѣлось взойти наверхъ, благословляя вечеръ; но, вспомнивъ все и особенно сегодняшнюю молитву отца Нила, мотнулъ Андрей головой и побрелъ прочь вдоль берега синяго моря.

На шоссе.

До вечера шелъ Андрей по шоссе, раздумывая и колеблясь — правильно ли онъ поступилъ, покинувъ такъ монастырь; а когда потемнѣлъ поздній закатъ, надъ моремъ высыпали крупныя звѣзды и на горахъ стали виднѣе горящія круглыми полянами костры, присѣлъ Андрей на щебенъ у дороги, положилъ около посохъ и поднялъ лицо, котораго внезапно едва не коснулась неровнымъ полетомъ летучая мышь.

Недаром говорят, что ночь, приподнявъ широкій рукавъ, выпускаетъ оттуда крылатыхъ мышекъ, чтобы не допускали они къ вечернимъ сумеркамъ нечистую силу. Поэтому черти въ потемкахъ по глухимъ оврагамъ ловятъ мышекъ и отрываютъ имъ крылышки. А ты, когда носишься она вблизи по кустамъ, будь спокоенъ и забудь о суетѣ.

Такъ, улыбаясь, думалъ Андрей, и показалось вдругъ ему непонятнымъ — для чего маялся онъ весь годъ, когда здѣсь, напримѣръ, да и повсюду — спокойно, радостно и тихо...

— Неужели опять нужно метаться, искать чего и самъ не знаю, — сказалъ Андрей; — останусь сидѣть вотъ здѣсь. А куда вѣтеръ подуетъ, туда и пойду. Будь въ горахъ тропинка кверху, пошелъ бы по ней черезъ колочки, ободрался бы весь, безъ воды затомился и, когда насталъ бы смертный часъ, сдѣлалъ бы послѣдній шагъ и очутился бы въ раю, гдѣ ключи бьютъ, ходятъ звѣри и надъ травой виситъ бѣлое облако.

Въ это время, нарушая Андреевы думы и дребезжа, словно кузница, подѣхала по шоссе плетушка. Андрей зажмурился, чтобы глаза не запорошила пыль; но лошадь вдругъ отпрукнула, и женскій голосъ воскликнулъ негромко:

— Конечно, это Андрей, вотъ встрѣча...

Андрей открылъ глаза, взглядываясь. Передъ нимъ въ кривобокій плетушкѣ, запряженной хромымъ меринкомъ, тоже обернувшимся къ Андрею старую морду, сидѣли двое — баклушинскіе помѣщики: тетушка, худая барыня, въ черномъ платьѣ, старенькой шляпкѣ блиномъ, изъ-подъ которой внимательно выглядывало узкое лицо, съ длиннымъ носомъ, въ золотомъ пенснѣ, и рядомъ, лѣвнво улыбаясь, сидѣлъ сутулый и тонкій племянникъ, въ американскомъ картузѣ.

— Здравствуйте, Анфиса Петровна, здравствуйте, Сергѣй Алексѣевичъ, — сказалъ Андрей, вставъ и кланяясь. — Изъ монастыря ѣдете?...

— Оттуда, конечно, — заговорила Анфиса Петровна быстро. — У Нила въ лавочкѣ покупала чай и всякую всячину... Нилъ все про тебя рассказывалъ... Всѣ, конечно, возмущены. Но я, Андрей, иначе смотрю на это дѣло... — Анфиса

Петровна передала веревочные вожжи племяннику, чтобы, разговаривая, свободнѣе размахивать руками. Андрей же, потупясь, держался за желѣзо тельжжки, стоя у колеса. — Ты, Андрей, поступилъ очень грязно, но естественно. Ты меня чрезвычайно интересуешь, какъ типъ. Но, заранѣе говоря, я никакихъ отношеній не признаю, кромѣ братскихъ, между людьми. И ты, Сережа, мнѣ глубоко непонятенъ, даже чуждъ, устраивая свои попойки...

— Да перестаньте вы, тетка, языкъ трепать, поодио вѣдь, когда ужинать будемъ, — перебилъ Сергѣй Алексѣевичъ. — Ты, Андрей, куда теперь пойдешь?...

Андрей вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Не знаю...

Анфиса Петровна вдругъ схватила его за руку:

— Отлично. Знаешь что? Поступай къ намъ въ караульщицы и управляющіе; за послѣднее время ужасно сколько здѣсь разбойниковъ развелось, а ты сильный, и будешь насъ защищать, да? Хочешь?

— Гдѣ же онъ, тетка, жить будетъ, вотъ ей Богу...

— Въ бесѣдкѣ, гдѣ гуси... Андрей, это прямо судьба... Что?

Андрей поглядѣлъ на тощее лицо Анфисы Петровны, оглянувшись темно-лиловое, теперь звѣздное, небо, вздохнулъ и полъзъ на козлы.

Господа Баклушины.

Усадьба Баклушинныхъ лежала у самаго моря, между монастыремъ и городомъ N. Подѣвжающему нужно было подняться по кипарисовой, черной и звѣздной вверху, аллеѣ на пригорокъ, гдѣ росли огромные эквалипты и стоялъ низенькій бѣлый домъ съ крыльцомъ и мезониномъ, отъ крыши котораго до земли шла трещина, заткнутая паклей.

На облупленныхъ стѣнахъ, двухъ колонкахъ, ставняхъ и полусгнившемъ крыльцѣ играли зайчики, а передъ окнами благоухала пять разъ въ году бѣлая акація.

Подъ широкими ея вѣтвями было устроено ложе съ воз-

вышеи́емъ для головы; здѣсь любилъ полеживать Сергѣй Алексѣевичъ, слушая, какъ съ тихимъ трескомъ лопаются и падаютъ стручки. Весь садъ кругомъ одичалъ и не вычищался. Кустами заросли рухнувшія надворныя постройки, а въ заколоченномъ мезонинѣ по ночамъ бѣгали мыши.

У Баклушинныхъ была, конечно, земля гдѣ-то и въ тульской губерніи, но отецъ Сергѣя Алексѣевича, большой любитель садоводства, постигшилъ ее заложить и, арендовать здѣсь сорокъ десятинъ, завелъ первое въ Россіи садоводство. Но одинъ только каталогъ, въ которомъ каждому предлагалось выписать букетъ изъ всевозможныхъ цвѣтовъ за 75 копеекъ, обошелся во столько, что Баклушинъ руками развелъ—деньги были просажены, въ саду дышать было нечѣмъ отъ запаха розъ, нарцисовъ, гіацинтовъ и резеды, надъ фонтанами играли радуги, развѣвались флаги вездѣ, а подлый этотъ російскій мѣщанинъ не выписалъ ни одного букета... Вотъ, взять бы всѣмъ да въ морду и ткнуть.

Съ этою мыслью Баклушинъ и померъ отъ дворянской сложной болѣзни, оставивъ круглымъ сиротою восемнадцатилѣтняго сына, Сергѣя Алексѣевича, который, во время отцовскихъ увлеченій, отбился отъ рукъ, самовольно вышелъ изъ гимназіи и рѣшилъ себя посвятить исключительно охотѣ.

Узнала объ этомъ тетка Сергѣя Алексѣевича—Анфиса Петровна, жившая въ тульской разоренной усадьбѣ, тотчасъ собрала чемоданъ съ полезными книгами и свалилась на безпутнаго племянника, чтобы сдѣлать изъ него человѣка.

На пепелищахъ старыхъ имѣній рождаются такія милая женщины, всегда неопредѣленнаго возраста и необыкновенной доброты; никогда онѣ не выходятъ замужъ, берутъ на себя всевозможныя тяготы, воспитывая удрученныхъ племянниковъ, и, воспитыавъ, перебираются, все въ томъ же черномъ платѣ и съ картоннымъ футляромъ для очковъ, на новое пепелище, мечтая о прочитанныхъ книгахъ и всемирномъ добрѣ.

Анфиса Петровна терпѣть не могла Кавказъ, безпокойное море, страдала мигренью отъ запаха цвѣтовъ и боялась

разбойниковъ, но все претерпѣла; только, не желая ничего этого видѣть, на воздухъ выходила рѣдко и все время сидѣла на продранномъ креслѣ въ прохладной спальнѣ, читая книги, или говорила вслухъ, чтобы не мѣшали жучки-точильщики или куры, отъ жары стонущія за окномъ.

Ущипнувъ большой носъ золотымъ пенснѣ, осторожно перевертывала Анфиса Петровна страницы журнала; надъ курьезными мѣстами несмыслно смѣялась, закрывъ сухонькій ротъ—словно ворковала; если же попадался портретъ автора, вырѣзывала его и вѣшала на стѣнку въ гостиной, гдѣ повсюду валялись пыльные книжки, заложеныя тряпочками или окуркомъ.

Рядомъ со спальней Анфисы Петровны помѣщался ободранннй кабинетъ Сергѣя Алексѣевича, куда тетка заглядывать прямо боялась: повсюду на двухъ столахъ, сундукахъ и полу навалены были—дробь, пыжи, патроны, звѣриныя шкуры, банки съ порохомъ, клыки, рога, нечищенная ружья, изъ которыхъ пахло тухлыми яйцами и тряпками. Подъ кроватью же проживалъ старый котъ, пускакая ночью ударя когтистыми колъыками въ стѣну, и тѣмъ пугалъ тетку.

Изъ кабинета и гостиной двери вели въ длинную, выкрашенную охрой, столовую, съ выцѣтпшей занавѣской, за которой Анфиса Петровна на двухъ керосинкахъ готовила ужинъ и обѣдъ.

Таково было хозяйство и домъ, гдѣ Анфиса Петровна прожила съ племянникомъ шесть лѣтъ, и, несмотря на терпѣніе, туго ей приходилось.

Особенно не любилъ Сергѣй Алексѣевичъ чтенія. Собирается ли на охоту или въ городъ—ходитъ около него Анфиса Петровна съ книжкой въ рукахъ, все не рѣшается, потомъ скажетъ мягко:

— Почитали бы лучше Щедрина вслухъ, Сережа...

— Что такое, — спрашиваетъ Сергѣй Алексѣевичъ, — меня, кажется, безъ воздуху умерить хотять.

— Ахъ, Сережа, ты прежде всего долженъ выработать идеалы; и притомъ ты уже лежалъ сегодня подъ акаціей.

Растроясь, уходила Анфиса Петровна въ спальню, долго еще не то воркуя, не то покашливая отъ огорченія. Сергѣй же Алексѣевичъ, тронутый, наскоро просилъ прощенія и убѣгалъ, свиснувъ собакъ, которая уже прыгала, стараясь лизнуть въ лицо.

Сутулый, съ рыжими усами и бритой головой, прикрытой чашкажкой, безъ усталы бѣгалъ Сергѣй Алексѣевичъ по горамъ; ночью зажигалъ костеръ, ложился въ сторонѣ за камень, чтобы на огонь не подстрѣлили разбойники; а на другой день, бодрый и безъ ненужныхъ мыслей, возвращался домой, принося иногда козла на плечахъ...

Анфиса Петровна, обрадованная, что племянникъ и на этотъ разъ не завалился гдѣ-нибудь въ трещину, жарила ему ѣду, не переставая размышлять о важномъ, и такъ иногда задумывалась, что все пригорало; Сергѣй же Алексѣевичъ ворчалъ, кусая усики...

— Что ты все ноешь, нытикъ,—говорила Анфиса Петровна,—вотъ у меня, напримѣръ, времени не хватаетъ передуумать все, что дать человѣческой умъ; развѣ можно нить? Учиться нужно.

— Я ѣсть хочу, а вы ко мнѣ съ науками пристаеете,—отвѣчалъ Сергѣй Алексѣевичъ.

— Меньше всего, Сергѣй, нужно думать объ ѣдѣ и удовольствіяхъ. Боже мой, что изъ тебя выйдетъ?

Анфиса Петровна ставила на столъ сковородки и присаживалась съ папирской напротивъ; Сергѣй Алексѣевичъ поѣдалъ все молча, потомъ на красномъ лицѣ его расплзалась улыбка, онъ потягивался, растегивая пуговку и говорилъ:

— Вы, тетка, ужасно оригинальная женщина, развѣ можно меня обижать, когда я сирота, дайте я васъ въ носикъ поцѣлую.

— Ну, замолоть глупости,—отвѣчала Анфиса Петровна и уходила въ спальню, но, тотчасъ вернувшись, отвѣчала:

— Знаешь, я не люблю, когда меня называютъ оригинальной женщиной или цѣлуютъ; у тебя, Сергѣй, всегда одна гниль въ головѣ.

Послѣ ужина Сергѣй Алексѣевичъ садился на крылечкѣ, насвистывалъ собакъ, стравливалъ ихъ, или, увидѣвъ гусыню, кричалъ:

— Эй, баба, возьми пруть, поськи гусыню, почему на яйцахъ не сидить...

Солнце въ это время направо закатывалось за гору, откуда тянулись по зеленоватому небу алья облака; вѣтеръ съ моря шевелилъ листья; позванивали буйволы вдалекѣ бубенцами; быстро опускалась ночь, зажигались надъ темными кипарисами крупныя звѣзды, и Анфиса Петровна говорила, стоя въ балконныхъ дверяхъ, позади племянника:

— Конечно, это—не важно, но мнѣ, Сергѣй, иногда хочется въ Россію вернуться, посидѣть на пруду подъ ветлами... хоть передъ смертью...

— Подождите, тетенька, умирать, вотъ я на ноги встану,—кобенился Сергѣй Алексѣевичъ,—а сейчасъ мнѣ еще поведиться хочется... Варенька-то, что мнѣ сказала: можетъ быть, въ окошко васъ и впущу ночью... а? Тетенька, зачѣмъ это она впустила хотеть...

— Ну, замолоть... противно слушать... Сергѣй. Твоя Варенька и всѣ ея подруги какія-то обжоры... Я не люблю, когда ты даже такъ шутишь...

— Я не шучу,—отвѣчалъ Сергѣй Алексѣевичъ, поднимая къ теткѣ веселое, масляное отъ воспоминаній лицо.— У Вареньки былъ уже любовникъ... а теперь я.

Анфиса Петровна послѣ такихъ словъ едергивала пенснѣ и тыкалась во всѣ углы, покашливая, потомъ зашпирала ставни и ложилась въ постель...

И, лежа въ темнотѣ съ открытыми глазами, перебирала всѣ слова свои и Сережи, ужасалась, что опять пропелъ пустопорожній день, обѣщалась взять себя въ руки и, далеко уже за полночь, когда Сергѣй давно похрапывалъ, ботая иногда колѣнкой въ стѣну, зажигала свѣтъ, накидывала

паль, и, войдя къ племяннику, трясла его за костлявое плечо, со словами:

— Сергѣй, очень важно... полно тебѣ спать!..

Сергѣй Алексѣевичъ, дико оглядываясь, щурился на свѣчку, дрожащую въ теткиной рукѣ, натягивалъ рыжее одѣяло, засовывалъ грязную подушку за спину и зѣвалъ, приговаривая слушать; онъ зналъ, что теперь лучше не возражать. Анфиса же Петровна начинала длинный разговоръ о жизни, воздержаніи и объ идеалахъ.

Такъ у Ваклушинныхъ проходило время, нарушаемое отлучками Сергѣя Алексѣевича въ городъ. За послѣднее время сталъ онъ пропадать все чаще, и Анфиса Петровна, боясь оставаться безъ собесѣдника и сторожа одна, ужасно была рада, найдя вѣрнаго Андрея. Во всю дорогу, пока плетушка крутилась по извилинамъ шоссе надъ моремъ, тетушка взволнованно молчала. Андрей же глядѣлъ на шоссе и звѣзды, думая: „Вотъ бы уйти по этой дорогѣ одному, не зная куда“.

Въ плѣну.

Подъѣзжая къ дому, Анфиса Петровна воскликнула:

— Да, Андрей, мы больше пяти рублей дать тебѣ не можемъ, у насъ совсѣмъ нѣтъ денегъ.

— Все равно,—сказалъ Андрей, сыгивая съ козелъ, чтобы легче было мерину влѣзать по кипарисовой аллеѣ,— я и такъ послужу.

Навстрѣчу подъѣхавшимъ приближала собака съ перебитой ногой, другой песь гремѣлъ цѣпью въ будкѣ и лаялъ. А домъ казался облытымъ и чистенькимъ при свѣтѣ звѣздъ.

Анфиса Петровна, говоря: „Слава Богу, вотъ мы и дома“, захватила кулечки и вошла на балконъ, Сергѣй же Алексѣевичъ еще немного постоялъ, прислонясь грудью къ периламъ—потому что торопиться было некуда.

Андрей, отрягая и проваживая мерина, видѣлъ, какъ въ столовой зажгли жестяную лампу на стѣнѣ и сѣли ужинать... Потомъ Анфиса Петровна вышла на черное крылечко

съ подушкой, кошмой и свѣчкой въ рукахъ и, крикнувъ Андрея, повела его въ бесѣдку, неподалеку отъ крыльца, въ кустахъ... Позади бесѣдки стояли высокіе пеньки, на которые Сергѣй Алексѣевичъ садился по своей надобности, а у стѣнокъ спали гуси... Гуси, увидѣвъ Андрея, зашипѣли по-амѣниному, и Анфиса Петровна сказала:

— Они не тронуть, вотъ здѣсь и ложись; когда встанешь, разбуди меня, мы обсудимъ твои обязанности.

Андрей разостлалъ на полу кошму и легъ, оглядывая бесѣдку... Въ досчатой ея стѣнѣ чернѣло разбитое окошко, въ которомъ, освѣщенные свѣчей, толкались два комарика; съ пыльных стропиль висѣли паутиновые сѣти, и надъ дверью, межъ двухъ синихъ колонокъ, была надпись стертымъ золотомъ: „Вотъ въ чемъ мое блаженство“.

Андрей вслухъ повторялъ эти слова и, дунувъ на свѣчу, сталъ думать, отчего ему все-таки неясно на душѣ.

Въ полночь проснулся вдругъ Андрей отъ свѣта, поднялся на локтѣ и въ разбитомъ окнѣ увидѣлъ фонарикъ, которымъ былъ освѣщенъ глазъ Анфисы Петровны, подбродокъ и длинный носъ въ пещенѣ.

— Лежи, лежи,—поспѣшно заговорила тетушка,—я вотъ для чего; представь—засыпаю и вдругъ меня точно подкинуло; мы же тебя ужинать не пригласили. Нѣтъ, Андрей, надо сейчасъ же установить правильныя отношенія. Съ одной стороны, ты простой работникъ, а съ другой—монахъ, почти интеллигентъ... это ужасно сложно...

— Я ѣсть не хочу, барыня.

— Не смѣй произносить слово—барыня; мы всѣ равны. Я рѣшила: ты будешь ѣсть съ нами за однимъ столомъ и вечеромъ даже сидѣть въ гостиной... Ахъ, Андрей, у меня сейчасъ возникъ другой планъ... пока не скажу... Ну, спи...

И, заворковавъ отъ волненія, тетушка поспѣшно ушла. Когда же стало опять темно, Андрей подумалъ: „Святой человѣкъ, а душа и у ней неспокойна“.

Рано по утру Андрей напелъ въ бесѣдкѣ косу, выточилъ ее и сталъ выкашивать у крыльца залущенную по-

ляну. Выставляя ногу, размахивался онъ и со свистомъ срѣзалъ мокрый и сивый рядъ травы; отъ увядающаго ея запаха, отъ свѣта солнца надъ моремъ разгорѣлись щеки у Андрея, вспотѣла спина и отошла грусть...

Анфиса же Петровна глядѣла на Андрея черезъ окошко, мяла недокуренную папироску и шептала:

— Кто знаетъ, вотъ этими руками, которыя держатъ косу, будутъ, можетъ быть, созданы великія вещи... Но какъ приступить къ нему?

И все утро, пока Андрей пололъ дорожку, рубилъ сучки, таскалъ валежники, постоянно за кустами гдѣ-нибудь обиравалось къ нему внимательное лицо Анфисы Петровны, проходившей здѣсь будто случайно.

Къ обѣду Андрей умаялся, помылъ руки и, не стѣсняясь, вошелъ въ столовую, довольный и веселый. Анфиса Петровна шипѣла керосинками; у стола, положивъ локти на клеенку, сидѣлъ въ ночной, растерзанной на груди, рубашкѣ Сергѣй Алексѣевичъ и ерошилъ волосы... Увидѣвъ Андрея, онъ поднялъ руки и закричалъ:

— Святые отцы пришли!.. Ну что, Андрей, заморила тебя тетка работой? Меня, братъ, она совѣмъ въ гробъ вогнала.

— Полно тебѣ шутомъ прикидываться, — сказала тетюшка. — А ты его не слушай, Андрей, садись и ѣшь...

— Спасибо вамъ, — молвилъ Андрей, — ужъ очень мнѣ у васъ нравится.

Послѣ обѣда Анфиса Петровна заставила Андрея разсказать всю свою жизнь и слушала, сдвинувъ брови.

Сергѣй же Алексѣевичъ ушелъ подъ акацію прилечь, и, когда къ вечеру тетюшка и Андрей сошли съ крыльца на полянку, все еще разговаривая, крикнулъ имъ вдогонку:

— Тетка, а хорошо бы Андрея въ городъ повезти, дамамъ показать, вотъ была бы штука: знаменитость вѣдь онъ!

Тетюшка на это промолчала; Андрей же удивился: какимъ дамамъ? И представилъ толстыхъ, въ розовыхъ платьяхъ,

дамъ, которыя смотрятъ на него, а онъ едва только не голчи и очень стѣсняется.

За ужиномъ Анфиса Петровна не ѣла — все курила папироски и думала; а взоръ ея иногда такъ подолгу оставался на Андреѣ, что Сергѣй Алексѣевичъ крикнулъ:

— Тетка, проснитесь!

Лежа ночью въ бесѣдкѣ, недоумѣвалъ Андрей, къ чему ужъ очень ласкова съ нимъ Анфиса Петровна, и боялся, какъ бы и здѣсь не подгадить, не сорваться, а довѣрие оправдать исполнѣ. И чѣмъ дольше Андрей думалъ надъ Баклушиными, тѣмъ больше путался, и такъ съ перепутанными мыслями онъ и уснулъ.

Наавтра, только что Андрей воткнулъ въ дерево топоръ, глядя на пеструю сиворонку, распустившую, съ шумливымъ клекотомъ, на сухой вѣткѣ нарядныя крылья и хвостъ, какъ Анфиса Петровна открыла окно и позвала.

— Птица какая, видѣли? — сказалъ Андрей, обернувшись къ тетюшкѣ веселое лицо, — будто на радость намъ прилетѣла...

И, встрѣтивъ глаза Анфисы Петровны, Андрей любовно заглянулъ въ ихъ глубину и замѣтилъ, что они вдругъ испугались, сморщились у концовъ и помутнѣли... Анфиса Петровна быстро захлопнула окно. Андрей же нагнулъ голову, удивился и пошелъ въ домъ.

Въ гостиной Анфиса Петровна приказала Андрею сѣсть въ кресло напротивъ себя, открыла большую книгу и заговорила, вертя черепаховый ножъ:

— Я знаю, что отецъ Ниль выучилъ тебя грамотѣ въ одинъ мѣсяцъ и ты много читалъ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ этой книгѣ прямо-таки доказывается, что Богъ есть создание нашего воображенія, и всѣ религиозные писатели и аскеты жестоко заблуждались... Ты, Андрей, умный, молодой и талантливый мужикъ... Да неужто съ твоими увлеченіями и исканіемъ правды ходить по монастыряхъ, или жить въ тѣсу, какъ дикій человѣкъ... Тебѣ вралъ, затемняли сознание, учили баснямъ... Боже, сколько сдѣлано зла... Андрей, ты долженъ вступить на истинную дорогу; я всю ночь не спала, вотъ

что придумала: я приготовлю тебя за восемь классов экстерномъ, ты поступишь въ университетъ, и, кто знаетъ, можетъ быть, въ тебѣ скрывается великій ученый, писатель или философъ...

Отъ волненія съ носа Анфисы Петровны соскочило пенсиз. Андрей же, ничего не понявъ, перепугался.

— Пойми, Андрей,—продолжала тетушка,—ахъ, я всегда мечтала всю жизнь посвятить себя большому дѣлу—сдѣлать человѣка... Сергѣй молодежь и... право... въ немъ дурныя наклонности, а ты, какъ дубъ, земляной и цѣльный...

— Вы это для спасенія души?—спросилъ Андрей.

— Ахъ, гдѣ же... что за манера!.. Такъ вотъ, хочешь, сейчасъ мы начнемъ первый урокъ изъ французскаго. Будь внимателенъ и скажи, когда утомишься...

Анфиса Петровна поближе пересѣла къ Андрею, все еще не въ силахъ совладать съ тикомъ въ глазахъ и легкимъ задыханіемъ, что дѣлалось у нея отъ радостнаго волненія, а въ это время, говоря: „Тетка, я ѣсть хочу“,—вышелъ изъ кабинета Сергѣй Алексѣвичъ.

Андрей вскопчилъ ему навстрѣчу, а тетка покраснѣла, опустивъ книгу.

— Это вы за него принялись?—наморща лобъ и сунувъ руки въ карманы, сказалъ Сергѣй Алексѣвичъ,—да вы, тетка, дѣйствительно, оригинальная женщина.

Неожиданная смѣлость.

Тогда, неожиданно для всѣхъ и для самой Анфисы Петровны, вскочила она, измѣняясь въ лицѣ, затопала ногами и закричала:

— Ты, молокососъ, еще меня учить хочешь: у тебя всякія пакости въ головѣ, а не идеи, бездѣльникъ и Митрофанъ!.. Боже мой!.. Развѣ въ мое время смѣли надъ старшими издѣваться... Какъ ты войти сюда осмѣлился безъ спросу! Въ лакейскую тебя—сапоги чистить... Натерпѣлась я, возьму сейчасъ и уѣду... оставайся одинъ...

Въ необыкновенномъ волненіи убѣжала Анфиса Петровна въ спальню, щелкнула ключомъ... и стало тихо...

— Вотъ такъ разсердилась,—молвилъ Сергѣй Алексѣвичъ,—никогда съ ней этого не бывало... а вѣдь она уѣдетъ, ей Богу, уѣдетъ.

— У ней доброты много,—сказалъ Андрей,—она за насъ душу хотѣла положить, а ужъ такому человѣку только то черты дойти: все перетерпѣть, а дойдеть до черты,—ничего не жалко, пускай все валится...

— Да, да, насчетъ черты, это сбивчиво, но вѣрно,—пробормоталъ Сергѣй Алексѣвичъ и, постучавъ къ теткѣ, жалобно молвилъ:—Я пошутить, тетенька, шутокъ вы не понимаете, что ли; я страшно огорченъ, а?...—и, стойдя на цыпочкахъ, прошепталъ Андрею:—Отойдетъ, она добрая. А я вотъ что—въ городъ уѣду на весь день, она забеспокоится и гнѣвъ пройдетъ. Только не обѣдали мы, даже тошнить.

И Сергѣй Алексѣвичъ, морщась, надѣлъ кожаную куртку и очки, вывелъ изъ-подъ балкона мотоциклетъ, сѣлъ въ сѣдло, заработалъ изо всей силы ногами, съ трескомъ его само подхватило; и, поднимая облако пыли, онъ скрылся за поворотомъ.

Андрей же побрелъ, въ садъ, думая, что счастье и здѣсь непрочно, и одного слова достаточно, чтобы озлобились люди, и рухнула ихъ любовь...

А Сергѣй Алексѣвичъ, все подавая, катилъ въ N по дорогѣ, распутивая буйволовъ и пробѣжавшихъ лошадей, которые становились на дыбы.

Мотоциклетку Сергѣй Алексѣвичъ завелъ еще въ прошломъ году, и выѣзжающіе изъ города въ монастырь каждый день встрѣчали облако пыли, изъ котораго съ вѣханьемъ и шипомъ выносились баклушинскій племянникъ. Сергѣй Алексѣвичъ до того доѣздался, что отъ постоянного стука оглохъ, и однажды, съ налета наскочивъ на собаку, перелетѣлъ черезъ руль, ткнувшись головой въ кучу щепня... И долго еще потомъ Анфиса Петровна выговаривала

— До какого унижения может дойти человекъ, увлека-
ясь низменнымъ...

Увлекался же Сергѣй Алексѣевичъ всѣмъ и притомъ досыта, чтобы какъ ножомъ отрѣзало. Покупалъ вин-
товку, напримѣръ, и тогда ни одной теткинкой картинкой не
оставалось цѣлой: во все Сергѣй Алексѣевичъ ухитрился
выстрѣлить, даже въ мухъ. И всякій разъ, когда отъ про-
дажи остатковъ тульского лѣса перепадали деньги, при-
думывалъ Сергѣй Алексѣевичъ новую забаву. Теперь онъ
увлекался N-скими дамами.

А дамы въ N были замѣчательныя: не считая чахо-
точныхъ, которыя жарились подъ солнцемъ на широкихъ
верандахъ, съ видомъ на крышу, заливъ, лодки на немъ,
дымы и синее море, въ N насчитывали пять веселыхъ
дамъ; изъ нихъ одна только, вдова-Варенька, была черная
и цыганистая, остальные же походили скорѣе на корабли,
когда подъ бѣлыми зонтиками, одѣтыя въ пестрыя, чудомъ
не лопнувшія платья, проплывали по бульвару въ ресто-
ранъ, гдѣ, по выраженію Анфисы Петровны, и наѣдались
до разстройства желудка. Мужья ихъ, мѣстные чиновники,
не хотѣли давать денегъ на рестораны, и дамы поэтому
искали кавалера, который бы ихъ кормилъ, а потомъ возилъ
катать на единственномъ въ городѣ автомобилѣ, взятомъ
у содержательницы веселаго дома. А когда „кормилецъ“
издерживался, огорченныя дамы устраивали ему на прощанье
„интимный“ чай. Два раза такимъ образомъ былъ „сѣдентъ“
Сергѣй Алексѣевичъ, а сейчасъ у него начинался романъ
съ Варенькой, и такъ какъ дамы стояли горой другъ за
друга, дѣлая все сообща, то приходилось идти на общее
сѣденте и въ третій; но теперь не хватало денегъ для „ши-
карной попойки“—надо было, придумать что-нибудь необы-
чайное, извернуться подешевле и, уже подѣзжая къ N,
вдругъ остановилъ Сергѣй Алексѣевичъ мотоциклетку, сѣлъ
у дороги и принялся, размахивая руками, размышлять: у него
возникла замѣчательная идея...

Тѣмъ временемъ Андрей, сдирая лопатой дернъ съ по-
росшей травой дорожки, пожималъ плечами и бормоталъ;
ужь очень ему не нравилась вся эта путаница:— чего тре-
буютъ господа и изъ-за чего сами мечутся? И, кажется, сви-
той вотъ человекъ Анфиса Петровна, а накричала же и за-
путалась. Будто во всемъ этомъ есть тайный какой-то грѣхъ.
Отъ мыслей такихъ опять смутно стало и темно на дунѣ
у Андрея; работа повалилась изъ рукъ и, крикнувъ, вонзиль
онъ скребокъ въ землю, пошелъ къ Анфисѣ Петровнѣ, посту-
паясь въ спальню и сказавъ:

— Дѣло есть у меня къ вамъ, насчетъ давешняго; какъ
разговоръ понимать...

Анфиса Петровна не отвѣтила; Андрей сѣлъ въ кресло
и, отмахиваясь отъ надоедливой мухи, сталъ терпѣливо
ждать...

Наконецъ, дверь спальни пріоткрылась, Анфиса Пе-
тровна просунула голову, съ распушенными волосами, вскрик-
нула вдругъ, захлопнулась и спустя время сказала:

— Поди вонъ...

— Такъ-то проще,—пробормоталъ Андрей,—понятнѣе,—
и, покачавъ головой, медленно побрелъ къ морю.

Тамъ на золотомъ и тепломъ пескѣ, щурясь на низкое
солнце, разулся онъ, раздѣлся и, войдя въ воду, вытянулъ
тѣло, откинулъ косматые волосы, грудью вдохнулъ солоно-
ватую прохладу и сказалъ:

— Отлично; а завтра уйду, мудрятъ господа очень со мной

И пока онъ ворочался и полоскался въ зеленоватой
водѣ, простучалъ мотоциклетъ, и по берегу, увязая въ пе-
скѣ и махая Андрею картузомъ, бѣжалъ Сергѣй Алек-
сѣевичъ... Андрей, прикрываясь, вышелъ, а Сергѣй Алек-
сѣевичъ, присѣвъ на корточкахъ у самой воды, успѣшно
заговорилъ:

— Андрей, я тебѣ сейчасъ принесу бѣлье и шляпу;
мы ѣдемъ въ городъ... Пожалуйста, не отказывайся... Пони-
маешь, замѣчательная штука вышла... Тебя страшно тамъ
ждутъ, да кто еще—очаровательныя дамы... Я имъ все раз-

сказалъ, рвутъ и мечутъ — подай имъ знаменитаго затворника, и все тутъ... Останешься доволенъ; тамъ есть одна такая — Заяя, влюбчивая — страсть... Она тебя непременно очастливитъ, ей Богу...

И Сергѣй Алексѣевичъ убѣждалъ за бѣльемъ и шляпой. Андрей хотѣлъ было крикнуть ему вдогонку, но кровь ударила въ голову, пересохло горло, и, перегнувшись, онъ ухватился за колѣни, бормоча:

— Экая пакость, поманишь — и перекорячило всего...

Когда же Сергѣй Алексѣевичъ вернулся, Андрей сидѣлъ, обхвативъ голыя колѣни, уперевъ въ нихъ бороду, и отъ закатнаго солнца онъ казался весь краснымъ. Сергѣй Алексѣевичу онъ ничего не отвѣтилъ, уговоровъ будто не слушалъ, а потомъ сталъ глядѣть Сергѣю Алексѣевичу въ глаза, спросилъ къ чему-то: „А выручать кто будетъ?“ — медленно одѣлся и, не поднимая головы, пошелъ къ дому...

— Ты подожди на крылечкѣ, — сказалъ Сергѣй Алексѣевичъ, — я живо буду готовъ... Да смотри, теткѣ ничего не говори.

Андрей, прислонясь къ периламъ, стоялъ какъ въ туманѣ; что дѣлать? ѣхать ли? Страшно это. А ни воли, ни совѣсти нѣтъ. И Андрей не почувствовалъ, какъ Анфиса Петровна, сойдя къ нему съ крыльца, потянула за рукавъ:

— Прости меня, — сказала она, — я не хотѣла обидѣть... Видишь ли. Сядемъ на приступки. Андрей, я не знаю, какой ты человекъ, и не сужу, но ты меня обидѣлъ...

Андрей, сѣвъ рядомъ, повернулъ къ Анфисѣ Петровнѣ голову; лицо ея казалось оранжевымъ отъ заката и глубокиѣ, въ старушечьихъ морщинахъ, глаза теплились огонькомъ.

— Ты меня не уважаешь, Андрей, — продолжала тетушка, и подъ взглядомъ Андрея поблѣднѣли ея щеки, она встала, откинулась на перила, закрылась рукой, быстро ее отдернула и продолжала торопливо:

— Ты меня не уважаешь, это ужасно... Но я все равно скажу... Въ тебѣ, Андрей, слишкомъ много животнаго, но душа прекрасная и страшно близка мнѣ. И, хотя ты для

одного себя живешь и страдаешь, у тебя есть идея, а это главное... У Сергѣя ея нѣтъ... И молодежь, и всѣ потеряли вѣру... Я вотъ путаюсь, но, пойми, у меня адѣсь пустота... Чѣмъ ее заполнить... Не знаю...

Анфиса Петровна заплакала; Андрей продолжалъ глядѣть не то насмѣшливо, не то нагло; тогда тетушка, не въ силахъ отвести взгляда, вытянула шею, челою у нея дрогнула и, брызгая слюною, крикнула: „Ахъ ты мужикъ“, — и ткнула Андрея ногой...

И Андрей, не зная самъ почему, закинулъ косматую голову, раскрылъ бородатый ротъ и принялся хохотать густымъ басомъ...

Отъ неожиданнаго смѣха стало ему вдругъ все ясно и легко, словно отвалили камень.

Анфиса Петровна закрыла лицо и принялась молча плакать.

Д а м ы.

Въ тотъ вечеръ во дворикѣ ресторана „Экспрессъ“ (таковы названія на югѣ), за бѣлой скатертью, освѣщенная свѣчами, сидѣли пять дамъ, въ нетерпѣнны оборачивая огромныя шляпы, съ перьями и кружевами, къ небольшой дверкѣ, которая вела черезъ проходъ на улицу.

Четыре кирпичныхъ стѣны ограждали дворикъ, посыпанный краснымъ пескомъ. Посрединѣ билъ фонтанъ, и брызги съ тонкимъ звономъ падали на стеклянные красные шары, утвержденные вокругъ бассейна на бѣлыхъ тумбахъ; и каждый шаръ поблескивалъ по стѣнамъ цѣпляясь; за ветхую рѣшетку, полъзъ дикій виноградъ, и кудрявыми шапками темѣли лавры; на углу передъ плющевой бесѣдкой стояла гипсовая Диана съ отбитой рукой, невдалекѣ на палькѣ была прибита доска съ кривою надписью: „Шашлыкѣ“. И сверху изъ-за черныхъ трубъ, заглядывая въ глубокіи этотъ колодезь, на полныя и напудренные лица дамъ, вылѣзала большая луна...

— Чего же онъ нейдетъ, это несносно, — сказала Варенька.

— Я умираю, хочу видѣть монаха, — простонала самая полная изъ дамъ, Зязя, и тронула язычкомъ красныя губы.

— Вотъ еще, отъ этого не умирають, — отвѣтила Софочка, жена почтмейстера.

Остальныя дамы — Аня и Маня, наморщивъ лбы, сидѣли прямо и важно, дожидаясь ѣды.

На дворикъ зашли два татарина; одинъ, съдой и усатый, сѣлъ на сырой песокъ, зазвенѣвъ бубномъ, другой же, слѣпой юноша, принялся играть на скрипкѣ жалобно, негромко и дико.

— Ахъ, какъ я люблю меланхолю, — прошептала Зязя... А Варенька, закинувъ за голову руки, такъ что съ острыхъ локтей ея упали черныя кружева, прикрикнула:

— А ну васъ тутъ, жили только тянутъ, играйте веселое...

Старикъ поднялъ выше бубенъ, юноша затоптался, но пѣсня осталась такой же печальной.

Не долго дамамъ пришлось томиться: изъ глубины прохода послышался шумъ и голосъ Баклушина:

— Какъ хочешь, отецъ, не пущу, честное слово. Mesdames, идите на помощь!

Зязя приложила полныя руки къ сердцу и шумно ахнула; Софочка захлопала въ ладоши, крича: „Пришли, пришли!“ — и, поднявъ бокалъ, вышла; Варенька же, подхвативъ красное платье, побѣжала въ проходъ.

Тамъ, при свѣтѣ фонаря, увидѣла она у стѣны косматого человѣка, который упирался, показывая бѣлые зубы, а Баклушинъ, одѣтый въ смятый фракъ, толкалъ его козбыкой; два лакея въ сторонѣ хихикали, прикрывая грязными салфетками рты.

И, дѣлая все по вдохновенію, поднялась Варенька на цыпочки, охватила Андрея голой рукой и поцѣбовала въ мягкія губы...

Андрей ахнулъ и ослабъ. Сергѣй Алексѣвичъ обиженно

вскричалъ „браво“, а Варенька, обернувъ къ Андрею горбоносый свой правый, болѣе красивый, профиль, подняла, опустила и быстро скосила глаза и, молвивъ: „Идите же къ намъ“, — убѣжала во дворикъ. И Андрей, у котораго отъ внезапнаго поцѣлуя все перепуталось, покорно пошелъ вслѣдъ; его усадили между Варенькой и Зязей, обвязали салфеткой, и дамы, наперерывъ разспрашивая, наклонялись къ нему, цѣлоча перьями и краями шляпъ.

— Жиль, я ничего особеннаго, — говорилъ Андрей, какъ въ снѣ. — А сейчасъ ничего не понимаю, будто я и не на землѣ...

Взявъ поднесенный стаканъ, Андрей выпилъ его медленно, лю-мужицки, передъ тѣмъ перекрестясь... Всѣ переглянулись и притихли. Андрей положилъ на столъ кулакъ и, помотавъ головой, сказалъ:

— Чудно очень... Гуляю съ барынями. А я думалъ, барыни на диванѣ сидятъ за окошкомъ, и вотъ такъ только пальчикомъ: квивъ, квивъ.

— Вы довольны, дуся? — наклонясь къ Варенькиному уху, прошептала Сергѣй Алексѣвичъ. — Я столько трудовъ съ нимъ потратилъ. Теперь да?

— Можетъ быть и да, — медленно отвѣтила Варенька, глядя на Андрея.

Принесли шампанки, и дамы доверху наполнили тарелку Андрея; Варенька поднесла ему ко рту стаканъ; Зязя, навалившись грудью, улыбалась великолѣпными губами. Андрей, задыхаясь, ѣлъ и пилъ, и въ отуманенной головѣ его возникла дикая идея.

А въ это время изъ темноты на скатертъ скользнула несмѣшнымъ полетомъ мышь, тронувъ холодкомъ лицо у Зязи. Зязя пронзительно вскрикнула и потянула за скатертъ. Андрей, словно ему напомнили, всталъ, слѣдя полетъ легкой мыши... Потомъ ладонью провелъ по лицу, усмѣхнулся въ отвѣтъ на повернутыя съ любопытствомъ головы, согнулъ руки кренделемъ и началъ топтаться; всѣ засмѣялись, мѣрно, ударяя въ ладоши; Варенька, выхвативъ у татарина бубенъ стала около, выгибаясь и позванивая.

Тогда Андрей, загребая ногами, пустился впрысядку...

— Вот онъ какой у меня, — кричалъ Сергѣй Алексѣвичъ, — и, поднявъ фалды, тоже запрыгалъ; Маня и Анг громко шептали: „По моему это неприлично“... Зязя такъ разсмѣялась, что на груди у нея лопнула лифъ; Софочка вскочила на стулъ, плеща изъ бокала.

Наконецъ, Андрей, шатаясь, подошелъ къ столу, охватилъ Зязю, посадилъ на колѣни и поцѣловалъ... Зязя взвизгивала и отбивалась, а Варенька бросила бубенъ, часто дыша.

— Нечего визжать, когда довольна, какъ свинья, — сказала она Зязѣ.

У Андрея налились жылы на крутой шеѣ, и, цѣлующи все чаще, поднялся онъ и пошелъ къ выходу, прижимая толстую Зязю къ себѣ. Всѣ переполошились; Сергѣй Алексѣвичъ преградилъ было дорогу, но, отброшенный ударомъ ноги, выругался... А Зязя, вѣсивъ Андрею въ бороду, побѣлѣла, загнула голову и круглымъ колѣномъ уперлась ему въ грудь.

И Андрей уже достигъ выхода, но на порогѣ въ это время появилась тетушка Анфиса Петровна, въ сбитой шляпкѣ, вязаной мантилькѣ, и подняла пыльный зонтъ.

Буйство.

— Андрей, опомнись! — сказала Анфиса Петровна, пристально глядя, — ты забылся...

Зязя вывернулась въ это время и побѣжала къ дамамъ, оправляя платье; Андрей нагнулъ голову и отступилъ.

— Я пришла за тобой, — повторила Анфиса Петровна, положивъ руку Андрею на рукавъ, — успокойся, если хочешь, я съ тобой вмѣстѣ помолюсь...

Такова была порода Анфисы Петровны: гдѣ предстояла опасность или драма, куда шла она, готовая радостно поднять крестъ, въ увѣренности, что кротость и любовь все побѣдятъ...

— Ты гадокъ, Сергѣй, — обратилась она затѣмъ къ племяннику, — прости, но я тебя презираю. И вы, сударыни, лучше бы мужьямъ штаны зашивали, чѣмъ желудки здѣсь портить и совращать идейнаго человѣка. Вы вотъ пляшете, задрать юбки, а онъ, можетъ быть, за васъ и за себя кровью обливается. Вы ужъ меня простите старуху, я прямо говорю — уходите отсюда вонъ...

И, говоря такъ, Анфиса Петровна вновь подняла зонтъ. Зязя громко заплакала, Аня и Маня, возмущенныя, зашептались, Софочка вздернула носикъ; Сергѣй Алексѣвичъ со злости сѣлъ ко всѣмъ спиной и дудѣлъ въ бутылку; Варенька же рывкомъ вдругъ вскочила, крикнувъ:

— Андрей, я приказываю, подойди ко мнѣ.

— Нѣтъ, — твердо возразила Анфиса Петровна, — онъ пойдетъ со мной, — и вновь дотронулась до Андрея, а онъ, откинувъ тетушкину руку, закричалъ, тряся бородой и присѣдая отъ злости:

— Вонъ отсюда, вонъ, старая пакостница...

— Господь съ тобой, Господь съ тобой, — забормотала Анфиса Петровна, попятясь къ выходу.

Сергѣй Алексѣвичъ, крича, побѣжалъ на Андрея, но, схваченный за плечи, полетѣлъ на тетку въ проходъ; Андрей захлопнулъ дверь на задвижку, повернулся къ дамамъ и медленно сталъ подходить...

Дамы отступили къ бесѣдкѣ, потомъ завизжали всѣ и разбѣжались; задрътый юбкою, упалъ стеклянный шаръ на край бассейна и разсыпался со звономъ. Андрей, не торопясь, высматривалъ и щурился, мягко ступая по песку. Преградившій дорогу столъ онъ опрокинулъ; загрохотала посуда, погасли свѣчи, и надъ дворикомъ, погнавъ густыя тѣни, встала яснымъ кругомъ плоская луна... И, когда глянулъ на нее Андрей, все въ немъ залиговало, задрожали жилки, раскинувъ руки, онъ воскликнулъ: „Чего боитесь, вотъ дуры!“ — и, прыгнувъ, схватилъ даму, что стояла ближе и не увернулась; это была Варенька, которая закрыла глаза, сложила ладони у груди и затихла, едва вздрагивая...

— Любишь?—спросил Андрей.

Въ это время дверь, на которую навалились снаружи, затрещала, повалилась, и первымъ во дворикъ вбѣжалъ Сергѣй Алексѣевичъ, размахивая плетенымъ стуломъ, за нимъ слѣдовали дворники, два лаея со щетками и городской въ бѣлой рубашкѣ. Дамы скрылись. Варенька вырвалась и стала въ дверяхъ... А когда Сергѣй Алексѣевичъ, крутя стуломъ, подступая, Андрей ударилъ его въ лицо такъ сильно, что Баклушинъ тутъ же упалъ навзничь, повернулся на песокъ и легъ ницъ. Андрей насѣлъ сверху и обхватилъ его за шею. На плечи Андрея навалились, но онъ медленно приподнялся, стряхнувъ всѣхъ, и, качаясь, пошелъ къ выходу; Вареньки уже не было... Еще разъ сбили съ ногъ Андрея, но онъ, вновь освободясь, выбѣжалъ на улицу...

А на дворикѣ, у ногъ Дианы съ отбитой рукой, остался лежать на влажномъ пескѣ Сергѣй Алексѣевичъ, сияясь приподняться; изъ лица его шла кровь.

По свѣтлой отъ луны, пустынной улицѣ пробѣжалъ Андрей до набережной, сталъ въ тѣни лапчатой пальмы и оглянулся. Позади, удаляясь, трещали свистки полицейскихъ, и въ тишинѣ раздавались голоса... Неподалеку звякнуло окно, просунулась заспанная голова, но сонъ ее одолѣлъ и, довольная прохладой, голова тутъ же и поникла.

Андрей усмѣхнулся, отеръ ладонью лицо и повернулъ лѣтвомъ въ гору, гдѣ въ темной зелени стояли, бѣлыя при свѣтѣ электрическихъ фонарей, каменные дачи... Но фонари вдругъ погасли, нѣсколько мгновеній краснѣя угольями; выступили изъ мрака лѣсные горы, голые холмы; надъ садами и дачами разлился синеватый, прохладный свѣтъ, глубоко открылось туманное море, а внизу за пальмами поднялись матчи съ поникшими флажками—то начиналось утро.

И напали на Андрея истома, равнодушіе и лѣнь. Пробродивъ по тротуарамъ у чугунныхъ рѣшетокъ, присѣлъ онъ на каменные ступени крыльца и, подперевъ щеки, сталъ глядѣть поверхъ моря въ расцвѣтающее синее, родное небо, гдѣ гряда за грядой шли бѣлыя облака...

— Слава Тебѣ, Господи!—сказалъ Андрей.—Ты жестоко испыталъ меня, я не захочу больше ничего, я вернусь...

Но не было силъ подняться, не было воли захотѣть, а надъ головой посямшался легкій смѣхъ и голосъ Вареньки:

— Неужели это ты, Андрей? Вотъ молодецъ, они не справились съ тобой... скорѣе лѣзь въ окошко, пока не видятъ...

Андрей медленно обернулся, зная, что это лишь обманъ. Все обманъ въ этомъ мѣрѣ. А надъ нимъ въ окнѣ, облокотясь на голыя руки, лежала, сладко улыбаясь, Варенька въ одной кружевной рубашкѣ; колечки черныхъ волосъ вились у нея на вискахъ, и одна прядь падала съ бѣлаго лба на глаза.

— Скорѣй же, медвѣдь,—смѣялась Варенька,—я спать ложусь, ухватись за подокольникъ и прыгай. Вотъ такъ.

Лишняя глава.

На слѣдующій день, когда Сергѣй Алексѣевичъ, съ припухшими губами и обвязанной полотенцемъ головой, лежалъ, стоная, на кровати, а тетюшка, не переставая курить, ходила молча по столовой, нагоняя этимъ на племянника еще щущую тоску, къ Баклушину постучался отецъ Нилъ.

Отецъ Нилъ сѣлъ въ столовой у стѣны, подобралъ подъ стулъ сѣрныя отъ пыли ноги, вытеръ платкомъ лицо, на которомъ совсѣмъ свалились почернѣвшія глазицы, увеличивъ и безъ того обезумѣвшіе глаза, и вдругъ спросилъ со злобой:

— Теперь успокоились, привели его въ свою вѣру?...

— Ахъ, оставь меня, отецъ Нилъ,—сказала Анфиса Петровна, хрустнувъ пальцами,—я ничего не знаю, и весь этотъ ужасъ и униженіе едва ли переживу.

— Вотъ я на васъ жалобу напишу, разбойники; спалить васъ вмѣстѣ съ монастыремъ мало,—крикнулъ Сергѣй Алексѣевичъ изъ кабинета.

— Я принесъ утѣшеніе, а вы полны злобы,—молвила Нилъ и, тотчасъ вскочивъ, сталъ разстегивать на груди подрясникъ.—Нечестивые помыслы нужно палить, юноша, а не монастырь... Выжечь въ желанія, оставивъ единую мысль о смерти. О смерти думайте, Анфиса Петровна, а не о похоти на старости лѣтъ; вотъ такъ, вотъ, какъ я...

И Нилъ распахнулъ подрясникъ на голой груди, гдѣ, среди ссадинъ, кровоподтековъ и гнойниковъ, болтались острые вериги...

Анфиса Петровна приложила пальцы къ вискамъ и отошла къ окошку. Сергій Алексѣевичъ слѣзъ съ кровати, морщась выглянулъ изъ кабинета на Нилъ и опять легъ.

— Вотъ,—продолжалъ Нилъ, ударивъ по веригамъ,—это есть православіе, ну-ка попытайтесь...

— Прикройте, Нилъ,—перебила Анфиса Петровна,—это больно и только, вы сами себя обманываете... Да, сознаюсь, по слабости и я захотѣла для себя ничтожнаго счастья, а вышло смѣшно, гадко и глупо... Передъ вами и Сергѣемъ повторяю: я люблюла... Вы довольны... за этимъ только вѣдь пришли... Вотъ глупая старуха передъ вами и кается... А жить, Нилъ, нечѣмъ...

— Какъ нечѣмъ, а Богъ! — закричалъ Нилъ, — ахъ вы, нытики, гнилыя затычки. Черезъ васъ православная вѣра погибаетъ... Я теперь по базарамъ пойду, при всѣхъ себѣ истязать буду, возстановлю истинную вѣру... Весь народъ подниму, а васъ на судъ... Для этого и пришелъ, чтобы проклясть... Меня не обманешь, знаю, въ чьемъ обличьѣ дьяволъ...

Нилъ поднялъ руку, да такъ и остался... Анфиса Петровна, обернувшись къ окну, побѣжала и прислонилась къ стѣнѣ...

За окномъ по дворику шелъ Андрей, въ порванной одеждѣ, безъ шапки и босой. Ни на кого не глядя, распахнулъ Андрей дверь, подступилъ къ Анфисѣ Петровнѣ, опустился на колѣни и медленно поклонился ей до земли...

А тетушка, прижимая затылокъ къ стѣнѣ, вытянулась

и закаменѣла, закрывъ глаза. Андрей такъ же молча вышелъ и пропалъ за кустами, и Нилъ, весь даже передергиваясь, прошепталъ:

— А передо мною, гордецъ, не согнулъ спины... Нѣтъ, поклонисься и мнѣ; я покажу...

Но Анфиса Петровна не слушала уже монаха... Такъ стало ей тошно, что едва добрела до спальни, заперлась, легла лицомъ къ стѣнѣ и представилась себѣ совсѣмъ маленькой и одинокой...

Этимъ поклономъ Андрей словно укралъ ея гнѣвъ; теперь некому было прощать, не о чемъ тревожиться, не осталось ни надеждъ, ни радости, одна усталость... „Такъ съ покойниками прощаются“,—думала Анфиса Петровна. „А вѣдь страшно умереть, будто уйти въ потемки... Затомнишься, задохнешься, и все... Или въ прудъ бы упасть, около старыхъ ветель,—отнесетъ тебя темная вода къ плотикъ, изотретъ объ коряги, объѣдятъ раки тѣло“...

И на утро объявила Анфиса Петровна племяннику, что больше она никому, даже себѣ, не нужна и ѣдетъ въ Тулу.

Сергій Алексѣевичъ уговаривалъ тетку, прикидывался маленькимъ, обѣщаній надавалъ, но Анфиса Петровна собрала чемоданъ съ ненужными теперь книгами, походила по дому, воркуя и трогая вещи, потомъ съѣла въ плетушку, сказала:

— А ты, Сережа, въ юнкерское училище еще можешь поступить,—и, вынувъ платочекъ, она поддержала его въ рукѣ, ульбнувшись, чтобы ободрить Сергѣя Алексѣевича, и уѣхала навсегда.

Сергій Алексѣевичъ изъ всѣхъ теткинхъ вещей нашелъ въ спальнѣ одни пропелевые башмаки, которые, бывало, изъ отвращенія и озорства закидывалъ на крышу, и горько теперь надъ ними плакалъ; потомъ, глядя на керосинки, вспомнилъ, что теперь некому готовить обѣдъ, читая правоученія, и въ необыкновенной тоскѣ поспѣшилъ въ N.

Въ городѣ Зяинѣ мужъ — жандармскій ротмистръ — увелъ Сергѣя Алексѣевича въ кабинетъ, похлопалъ надушенной рукой по плечу и сказалъ ободряющимъ голосомъ:

— Оставимъ-ка, молодой человекъ, слезы женщинамъ и будемъ съ вами дѣла дѣлать. — И при этомъ такъ внимательно поглядѣлъ, что Сергѣй Алексѣевичъ, покраснѣвъ до пота, сознался:

— Я думалъ летчикомъ на аэропланѣ сдѣлаться, а впрочемъ, все-равно, если меня бросили...

Такъ началась самостоятельная жизнь Сергѣя Алексѣевича, и онъ выходитъ изъ плана этой повѣсти.

Въ горахъ.

Отъ Баклушинныхъ Андрей долгое время шелъ по шоссе, и, какъ тогда, въ день побѣды, опустился надъ моремъ звѣздный вечеръ, открылись огни въ горахъ и залетали мышки.

Но Андрею не хотѣлось ни на что смотрѣть, будто по горло былъ полонъ онъ гадостью и только послѣднимъ этимъ поклономъ тетушки въ ноги свалилъ самый грузный камень. И, кланаясь, думалъ онъ, что отрѣзываетъ себя отъ міра, гдѣ оставалась только дорога впереди, невѣдомыя страны и, когда-нибудь, конецъ.

Съ утра Андрей не ѣлъ и не пилъ, а теперь, замѣтивъ вдалекѣ у подножья горъ, пониже горящихъ полей, едва видимые огни селенья, повернулъ туда, удаляясь отъ моря.

Изъ-подъ перваго тына вынырнули на Андрея двѣ собаки и забрехали; Андрей поступался въ ставню, огонь въ щели погасъ, и изъ-за угла сакли вышелъ съ ружьемъ въ рукахъ приземистый армянинъ, въ косматой шапкѣ и съ усами.

— Дай мнѣ кукурузы, — сказалъ ему Андрей, — луку и топорикъ, я иду въ горы спасаться, помолою и за тебя...

— Хорошо, — взглянувъ, отвѣтилъ армянинъ, — топорикъ и кукурузы я тебѣ дамъ, а ночевать иди наверхъ, гдѣ костры; я тебя боюсь.

Костры казались близкими — рукой подать, но сколько Андрей ни лѣзъ по косограмъ, обдираясь о невидимыя ко-

лючки, все надъ головой его, словно глаза, горѣли, догорали и закрывались желтые огни. И только къ полуночи учуялъ онъ запахъ гари и вышелъ на поляну, гдѣ, подергиваясь черной золой, краснѣли кучи пепла, и подъ высокимъ дубомъ, освѣщеннымъ снизу, шумѣло зыбкимъ языкомъ красное пламя.

Передъ огнемъ, въ башлыкахъ и буркахъ, сидѣли на пяткахъ пять человекъ съ такими разбойничьими рожами, что Андрей перекрестился и сказалъ, низко кланаясь:

— А не помѣшаю я вамъ, добрые люди? Одному-то боязно, звѣрь въ лѣсу лютый.

Всѣ пятеро повернули къ Андрею горбатые носы, ничего не сказали и снова усталились на огонь.

Андрей присѣлъ подлѣ на пенъ, покряхтѣлъ, помолчалъ и снова молвилъ:

— Разбойники будете? Что же, всякому свое. А я вотъ мѣсто ищу, гдѣ бы людей не было, хочу спастись: а впрочемъ, и самъ не знаю, спокою мнѣ нѣтъ, вотъ что, опостыѣло...

Тогда всѣ пятеро сразу затараторили на непонятномъ своемъ гортанномъ языкѣ, и старшій сказалъ, поведя на невидимыя горы усами:

— Мы укажемъ тебѣ хорошее мѣсто, тамъ нашъ святой одно время жилъ, — и, назвавъ невѣдомое имя, человекъ съ усами закрылъ лицо; остальные четверо тоже закрылись, просидѣвъ такъ нѣкоторое время, изъ уваженія прикрывъ и Андрей...

Потомъ усатый объяснилъ, куда идти и какъ разыскать безлюдное мѣсто. Андрей поблагодарилъ, и скоро подъ шорохъ огня и листья заснулъ, прислонясь къ дубу.

Когда же проснулся, изъ-за острой, синеватой скалы вставало солнце, разгоняя по долу и пепелицамъ легкой туманъ, который поднимался къ лѣсу. Немного пониже, на краю обрыва подъ одинокимъ деревомъ стоялъ буйволъ, а буйволица лежала у его ногъ, и за рогатыми ихъ головами внизу раскинулось сѣрое, какъ серебро, море, прохладное и парное; у дальняго края поднялась невысокая

гряда бѣлыхъ и желтоватыхъ облаковъ, а можетъ быть, то были горы Трапезунда.

Проснулся Андрей отъ птичьяго свиста, солнца въ глаза и запаха травъ и долго еще лежалъ, подперевъ голову и думая о трехъ, пролежавшихъ, какъ дурной сонъ, томительныхъ дняхъ...

— Вотъ страхну-ка я все это,—сказалъ Андрей,—пусть люди живутъ, какъ жили, мнѣ какое до нихъ дѣло... Я не по-ихнему устройсь... Только бы поскорѣе отсюда...

И, вновь все оглянувъ, поднялъ Андрей голову и прищурился на солнце. Тогда на мгновение открылась ему великая радость, и, веселясь, вскинулъ онъ мѣшокъ съ мукой, сбѣжалъ къ ручью, наполнилъ и, не раздумывая, пошелъ на переваль...

Съ вершины перевала, гдѣ пихты стояли рѣже, увидѣлъ Андрей узкую и скалистую долину, куда нужно было, по указаніямъ, сойти, а дальше стоялъ крутой хребетъ съ примѣтой—каменнымъ сѣдломъ, лѣвѣе высокаго пика.

Не останавливаясь и не отдыхая, спустился Андрей въ ущелье, а когда вновь сталъ всходить, былъ уже вечеръ.

„Вѣрно идти и дойду“,—думалъ Андрей.—„Чудесные люди мнѣ попались; какъ это я на нихъ набрелъ; разбойники, а сразу поняли. Дивно! Все дивно на свѣтѣ“.

Послѣдній подъемъ былъ крутъ, и Андрей совсѣмъ умаялся, хватаясь за выступы и корни.

Солнца не было видно; внизу подъ ногами, покачиваясь, ползала туманъ, и тишина и глушь давили сердце.

Наконецъ, Андрей достигъ сѣдла, съ котораго долженъ былъ увидѣть обѣтованное мѣсто; послѣднимъ усилиемъ запустилъ пальцы въ щель, скользя ногами и повиснувъ надъ пропастью, приподнялся и легъ на животъ, закрывъ глаза.

„Ну, здѣсь я помру“,—подумалъ Андрей,—„безъ пищи, да и звѣри заѣдятъ“.

И пока онъ такъ въ изнеможеніи думалъ, ухо его различило ясный, звонкій олений крикъ... И вслѣдъ залѣла черная птица, словно играя на дудкѣ...

Затрепетало сердце у Андрея, привсталъ онъ, доползъ до края сѣдла и глянулъ внизъ...

Подъ нимъ на страшную глубину залегалъ отвѣсный обрывъ, на днѣ его въ сырыхъ теперь сумеркахъ, межъ тѣсинъ, какъ лента, извивалась рѣка; направо шумѣлъ, прыгаи, водопадъ и за нимъ, съ сѣверо-востока окаймленная сѣрыми скалами, лежала зеленая полянка, кончаясь нисходящими въ туманное ущелье уступами, по которымъ росли древнія пихты, и одна изъ нихъ, опрокинувшись, повисла надъ крутизной, напротивъ Андрея...

Алое солнце налѣво, въ концѣ узкаго ущелья, послѣдній разъ проглянувъ межъ землей и тучами, ударило въ крутя скалы надъ полянкой, и на ней стали видны три старыхъ яблони и бѣлая стѣна полуразрушенной сакли...

— Радость-то какая,—сказалъ Андрей,—слава Богу!

З в ѣ р и.

Помня указаніе, Андрей тотчасъ доползъ до водопада, перебрался черезъ него по скользкимъ камнямъ, и вдоль узкаго карниза, прижимаясь грудью къ скалѣ, сталъ пробираться къ полянкѣ, лежавшей впереди, подъ ногами.

Въ это время надъ нимъ изъ щели высунулась птичья голова на длинной шеѣ и пронзительно закликала.

Приостановился Андрей и посмотрѣлъ, кто это его стерегаетъ. И красными глазками на Андрея уставилась горная индюшка... (Впослѣдствіи Андрей узналъ, что индюшки на зиму собираютъ сѣно для быстроногихъ туровъ и всегда живутъ близъ нихъ, предупреждая опасность).

Засмѣявшись своему страху, быстро перехватился Андрей и спрыгнулъ внизъ на мягкую траву. Ноги у него подкосились, и, упавъ ницъ, онъ тотчасъ заснулъ, ни о чемъ не думая.

Потру пробудился Андрей отъ жажды и, открывъ вѣки, увидѣлъ надъ собой медвѣдя; мокрый отъ росы, черный, съ

бѣлымъ пятномъ на шеѣ, стояя медвѣдь, фыркалъ и поглядывалъ, оттопыря уxo.

— Кышь, кышь,—сказалъ Андрей негромко,—я тебя не трогаю, види съ Богомъ...

Медвѣдь испугался, круто откинулъ передъ, и побѣжалъ внизъ къ лѣснымъ уступамъ, поджавъ маленькій хвостъ...

„Ну, вотъ и не задралъ меня звѣрь“, — подумалъ Андрей,—„а потомъ и совѣтъ попривыкнуть“, — и, отеревъ мокрые отъ росы лицо, пошелъ по густой травѣ искать, гдѣ бы напиться, не взираясь вновь къ водопаду.

Обошелъ Андрей яблони, которыя давно отцвѣли и наливались, заглянулъ въ разрушенную саклю, откуда фыркнулъ большой ежъ, скрутился клубкомъ, и примѣтилъ, наконецъ, звѣриныя тропы, со всѣхъ сторонъ бѣгущія къ бугру, что по серединѣ поляны. Тамъ на голомъ мѣстѣ лежалъ плоскій водоемъ, полный хрустальной воды, изъ которой летѣли пузырьки и клубился дымокъ: то билъ волшебный нарзанъ—источникъ жизни, и вокругъ отпечатались козлиныя, медвѣжьи, свиныя и барсучьи лапы...

Андрей приникъ къ водѣ и пилъ, зажмурясь. И весь день сидѣлъ около источника и не могъ наглядѣться на синеватое узкое ущелье за поляной, на темныя вершины лѣсы у ногъ, и вдаль, на синемъ небѣ, бѣлыя, какъ облака, вершины снѣговыхъ горъ. Некуда было торопиться, и мысли медлительно и легко проходили передъ Андреемъ, онъ и не гналъ ихъ, и не принималъ, аяя, что теперь все равно.

На слѣдующій день Андрей опять встрѣтилъ медвѣдя. Нужно было наломать вѣтвей, чтобы прикрыть остатки сакли и собрать валежнику для костра... Спустившись для этого по уступамъ внизъ, Андрей услышалъ странный стукъ, будто кто хлопалъ въ деревянные ладоши. Присѣвъ за кустомъ, Андрей оглянулъ впереди себя небольшую прогалинку, посрединѣ которой стоялъ расщепленный вдоль до корня стволъ сосны; около него хлопоталъ давешній медвѣдь: за-

цѣпивъ лапами половинку, оттягивалъ и отпускалъ; половинка звонко хлопала и, отскочивъ, продолжала долго еще стучать, а медвѣдь, радуясь своей шуткѣ, приплясывалъ, наставляя свиныя уши, и музыкъ его отвѣчали ущелья...

— Вотъ такъ музыкантъ, — воскликнулъ, наконецъ, Андрей, вскочивъ изъ-за куста... Медвѣдь опять испугался, Андрей же долго еще дивился, сколь мудро устроены миръ и сколько въ немъ забавъ для простаго человѣка.

Въ этотъ день онъ началъ всковыривать близъ водопада черноеземъ, насадилъ луковницъ и пригоршню кукурузы. Водяная пыль освѣжала посѣвъ, и надъ водопадомъ въ этомъ мѣстѣ выгибались двѣ радуги, соединяясь пологимъ крестомъ. На него-то Андрей и помолвился, отходя вечеромъ второго дня на покой.

Когда поднимался вѣтеръ, шумя травой, яблочки падали съ яблони, изъ лѣсу выбѣгали дикіе поросята, жрали ихъ и съ визгомъ разсыпались при видѣ человѣка.

Только въ первые дни побаивались звѣри Андрея. И онъ, чтобы не пугать ихъ, двигался легонько и ложился въ траву, когда сквозь кусты просовывалась медвѣжья морда, раздумывая,—не испугаться ли. Но медвѣдь все-таки скорѣе всѣхъ пообтерпѣлся, и Андрей за расторопность назвалъ его Иваномъ...

А расторопность у Ивана была большая... Ранней еще весной, поднявшись изъ берлоги, сперваначала принялся Иванъ выбрасывать пробку, для чего весь день елозилъ по валежнику, ревя ревомъ на весь лѣсъ. Выбросивъ же, наконецъ, сѣроватую и плотную, какъ резина, пробку (ее ни ножъ не беретъ, ни подпалокъ, и одинъ англичанинъ, говорятъ, пріѣзжалъ даже ее собирать и навалилъ цѣлый коробъ), пустился Иванъ бѣгать отъ радости взадъ и впередъ; прострекалъ такъ недѣлю, пока не облѣзла на немъ вся шкура, и захотѣлось ѣсть. Тогда, въ ожиданіи орѣховъ и дикихъ яблокъ, принялся онъ разорять осины гнѣзда, лодѣть муравьевъ и сладкіе корни. Вынюхавъ муравьию кучу, наваливаясь Иванъ на нее, засовывалъ лапу и слизы-

валъ муравьевъ и приставшія яйца; у осинаго же гнѣзда нерѣдко порывалъ, обмахивая носъ, въ который влѣплялись злыя осы.

Обтерпѣвшись, Иванъ походилъ по полянкѣ, перекувыркнулся даже, какъ шаръ, покаясь на Андрея, и полѣзъ на яблоню сшибать яблоки. Но только началъ онъ трясти дерево, какъ изъ лѣсу выскочили поросята и стали падальнику жрать. Иванъ помолчалъ, потомъ, задомъ внизъ, принялся сбивать, чтобы накласть поросятѣмъ, но тѣ сразу разбѣжались. Опять влѣзъ Иванъ на дерево, и вновь прибѣжали поросята; тогда, рассердясь, онъ изловчился и прыгнулъ на нихъ прямо сверху, но промахнулся и ушелъ въ лѣсъ.

Глядя на это, много смѣялся Андрей, обижаясь, когда звѣри, увидѣвъ его, выходящаго изъ сакан, пятились и поджимались. Андрей узналъ и полюбилъ всѣ звѣринныя привычки: на зарѣ и вечеромъ приходили звѣри по тропамъ пить нарзанъ, а на ночь залѣзали въ глухія норы. Самымъ умнымъ былъ старый сѣдой барсукъ. На водоной онъ шелъ не снѣша и не оглядываясь; попивъ водицы, умывался и брелъ обратно, метя хвостомъ траву. Жилъ барсукъ подъ дубовымъ корневищемъ и на сваленномъ пнѣ сушилъ грибы, разставляя ихъ рядкомъ, кочерыжками кверху. Андрей сначала и не догадался, а потомъ увидѣлъ самого барсука, который несъ во рту грибъ; упершись лапами въ пенъ, положилъ барсукъ грибъ, отошелъ—не понравилось, видно, поправилъ грибъ попряме и, захвативъ высохшій, влѣзъ въ нору.

„Разумъ у звѣрей простой и не лукавый“, — думалъ Андрей, — „и они же меня учатъ, какъ надо здѣсь жить“...

И, приглядываясь, прислушиваясь въ вечерней тишинѣ, замѣчалъ Андрей, что онъ не одинъ, а повсюду, подъ каждой землинкой, кто-нибудь да живетъ. Словно вся земля дышитъ и колыхнется единой жизнью. Наверху, какъ тѣни, пролетаютъ козлы, самые робкіе изъ всѣхъ звѣрей; и къ нарзанному ключу забѣгаютъ попозже. Ухвативъ живой воды,

поднимаетъ пугливый козель вѣтвистую голову, прислушивается, наставя уши, и отъ шороха, согнувъ красную спину, прыдаетъ вверхъ по уступамъ, — и ужъ нѣтъ его, словно и не было. Только тѣни бѣгутъ по горамъ отъ бѣлыхъ, тронутыхъ алымъ, Богъ вѣсть куда и откуда плывущихъ, облаковъ. У Андрея и мысли даже пропадали въ такіе часы, ни о чемъ онъ не мечталъ и не думалъ, а хотѣлъ быть ни челоукомъ, ни звѣремъ, ни птицею, а облакомъ этимъ бѣлымъ и легкимъ, чтобы носило его въ синемъ небѣ да ласкало вѣтромъ.

Но сердце все-таки было тревожно. Что-то мѣшало приобщиться ко всей тишинѣ, а что—Андрей не зналъ.

И вотъ однажды вечеромъ Андрей, положивъ подбородокъ на ладони, глядѣлъ въ глубину задымившаго ущелья. Вдалекѣ выскакала на острую пикку скалы и неподвижно, упершись въ одну точку воими копытами, сталъ туръ; поднявъ рога, обернулся; заходящее солнце повисло алымъ шаромъ за его головой. И показалось Андрею—глядитъ козель ему въ глаза издали. И въ тишинѣ не то закричалъ, не то засмѣялся туръ такъ страшно и раскатисто, что Андрей, закрывъ лицо, палъ на колѣни, шепча:

„Слышу, слышу!“

Ч е р т ы .

Настала для Андрея великая радость—жить. Трава на полянѣ поднялась по поясъ, раскрывались въ ней и увядали цвѣты, и надъ пунцовыми, желтыми, синими ихъ чашами гудѣли тяжелыя пчелы, прилетѣвъ изъ лѣса; у водопада широко распушилась кукуруза и зацвѣла.

Просыпаясь на восходѣ, Андрей шелъ по сизой и мокрой травѣ къ источнику и, попивъ, читалъ „Отче нашъ“, поглядывая на большое, раскинувшее воронкою свѣтъ и голубыя тѣни, косое солнце. Теперь Андрей позналъ слова объ Отцѣ на небесахъ: имя Его свѣтло, воля Его повсюду и царствіе всегда грядетъ; Онъ даетъ хлѣбъ. И не есть ли великая радость

просить очистить себя и простить всѣмъ, когда душа и безъ того открыта и все въ ней ликуетъ безмѣрно... И пересталъ понимать Андрей, какъ можно думать о злѣ, потому что нѣтъ ни зла, ни добра—одна радость.

Одного онъ не могъ постичь, о какомъ искушеніи идетъ рѣчь и кто есть лукавый. И, присматриваясь, замѣтилъ, что звѣри невинны.

Внизу, пониже водопада, въ рѣкѣ была излучина, полная тихой воды; тамъ жили уточка и селезень, всегда плаывая вмѣстѣ, а въ полдень выходили на песокъ. Уточка принималась носомъ гладить селезеню голову и, покрякивая, терлась теплой шеей; селезень тогда, потоптавшись, укладывался и засыпалъ. И сверху Андрею отлично было видно, какъ уточка бѣжала къ водѣ, запылавала въ камышъ, гдѣ свила гнѣздо, и несла тамъ яйцо потихоньку отъ заснувшего селезеня, который, если бы увидалъ, разбилъ бы яйцо, а утку оттаскалъ бы за хохолокъ.

„Но вѣдь нѣтъ же грѣха въ такомъ лукавствѣ“,—думалъ Андрей,— „вотъ давеча лиса тоже слукавила: залѣзла въ барсучью нору, напакостила тамъ, насорила и ушла; барсукъ—звѣрь аккуратный, вернулся, все выскребъ, а лиса опять намарать ухитрилась; барсукъ разсердился и ушелъ въ иное мѣсто. А лисѣ того только и нужно—не любить она сама норы копать. Но и это выходитъ одна только смѣхота; вотъ если бы я, примѣрно, эдакое съ добрымъ какимъ-нибудь челоувѣкомъ устроилъ—было бы въ томъ злодѣяніе. Вотъ и разберись. Стало быть, я отъ звѣря чѣмъ-нибудь отличаюсь. Или въ мысляхъ моихъ сидитъ еще лукавый и такъ рассуждаетъ... И радость моя отъ лукаваго, и его это я голову видѣлъ на красномъ солнцѣ!“

Забезпокоился Андрей, а потомъ стала одолевать его совѣсть, что живетъ онъ спокойно и радостно, когда каются нужно, быть можетъ, въ совершенныхъ дѣлахъ; можетъ быть, молиться за людей... Или пострадать?... И, пока такъ думалъ, настала ночь, но туманъ изъ ущелья не поднялся, какъ всегда, а завился надъ травой; было душно и жарко,

на небо высыпали большія звѣзды, потомъ съ моря стали прикрываться невидимой тучей и, когда за ущельемъ погасли багровыя вершины снѣговъ, напали на Андрея сомнѣнія и страхъ.

Въ темнотѣ зажглись свѣтляки; надъ травой, какъ искры, понеслись жучки, черта синеватая полосы; близко ухнулъ сычъ, и совы вылетѣли изъ расщелинь.

— Охъ, тоска, тоска,—шепталъ Андрей, стоя у шалаша,—расплата это, что ли, настаетъ за грѣшную радость...

А туча покрывала всѣ звѣзды, и совы залетали надъ самою травой, стуча клювами.

Чѣмъ темнѣе совамъ, тѣмъ лучше. Трава, деревья, звѣри и камни свѣтятся въ темнотѣ синеватымъ и желтымъ свѣтомъ, невидимымъ для насъ, а совы летають въ голубомъ, словно изъ серебра и свинца, лѣсу, шаряютъ подъ свѣтящимися камнями заснувшихъ мышей, отъ шкурокъ которыхъ идетъ мягкое сіяніе, пьютъ птичьи яйца и, зачарованныя невидимой намъ жизнью, стонуть и кричатъ, какъ дѣти во снѣ.

Слушая совиные крики, не зналъ Андрей—во власти ли онъ нечистой силы, или все вокругъ въ опасности и нужно бѣжать, потому что всѣмъ существомъ почувалъ Андрей приближеніе смерти.

Поляна была пуста, и тоска, и страхъ сковали Андрея... Но вотъ въ темнотѣ надъ головой возникла извилистая молнія, освѣтила недвижныя деревья, скалы и траву; темнота вновь все прикрыла, и разорвался громъ... Андрей протянулъ руки и побѣжалъ. Вторая молнія завилась высоко, распушилась и отвѣсно пала у сакли въ вершину яблони, которая затрещала и вспыхнула, какъ свѣча... И одна за другой, все свѣтлѣе и чаще падали молніи позади Андрея, а онъ бѣжалъ, скатываясь по уступамъ, въ глушь лѣса, обдираясь и падая. Отъ грома оглохли уши; подъ вѣтромъ затрещали и стали клониться древнія пихты, и отвѣсный дождь хлесталъ и свѣкъ, крупный и теплый. И, желая только выбраться отсюда, полѣзъ Андрей на перевалъ; щебень, гонимый во-

доку, сталъ сбивать его, хватаящагося за скользкія корни, рѣзать лицо и слѣпить... Отлиевываясь и тяжело дыша, Андрей влѣзъ на каменную площадку и оглянулся, гдѣ бы укрыться... Отъ свѣта молніи открывались и закрывались ущелья, темный лѣсъ скригѣлъ подъ ногами, то невидимый, то озаренный во всю ширь, и летѣли крупныя нити дождя... Наконецъ, въ концѣ площадки, Андрей увидѣлъ темный входъ пещеры, забѣжалъ туда и прислонился... И вдругъ около его уха, а потомъ въ глубинѣ пещеры и со всѣхъ сторонъ зафыркало, словно темнога полна была котами. И при внезапномъ свѣтѣ увидѣлъ Андрей передъ собой большую голову съ бородой, рогами и горящіе глаза...

— Святъ, святъ, — закричалъ Андрей; высочилъ изъ пещеры, споткнулся и, не помня болѣе ничего, завалился за гладкій камень.

П о л д е н ь .

Солнце теперь сразу поднималось въ притинѣ и палило оттуда бѣлымъ потокомъ, пока земля не повертывалась съ-рными своими скалами на закатъ. Трава высохла и, не освѣжаемая росой, шуршала, какъ мертвая; по камнямъ извивались гады, бѣгали черноглазые ящерики, и скорпионы вылѣзали изъ норъ, чтобы жалить ядомъ. Андрей, сплетя широкимъ вѣнкомъ листья мяты, мочилъ ихъ водою и прикрывалъ голову; нельзя было двинуться, не обливаясь потомъ, и темнѣло въ глазахъ.

Томились и звѣри, по многу разъ приходя пить; Иванъ мѣста себѣ не находилъ, мотая тяжелой мордой; барсукъ не могъ доползти до воды и прилегъ на жесткой лужайкѣ бѣлымъ бокомъ; и никого не задирали даже лютые поросята.

Въ ту грозovou ночь, увидя зубровъ, выходящихъ изъ пещеры, подумалъ Андрей, что вилотную черти подступили къ нему, принимая разныя обличья, и нѣтъ болѣе спасения. И Андрей въ саклѣ на колѣняхъ молился нѣсколько дней, царапая себя ногтями, чтобы проняло; но все ослѣпительнѣе

стало солнце, молитвы не принимали, а потомъ перепуганысь, какъ нитки въ моткѣ, и Андрей понялъ, что онъ — подлый человѣкъ. Тогда, не въ силахъ болѣе держаться, словно закурываясь, принялся Андрей вспоминать Вареньку, слова ея въ темной спальнѣ, отчаянные поцѣлуды... а потомъ крики и хрустъ рукъ, когда онъ, сначала камнемъ заснувъ отъ усталости, вдругъ отъ рѣзкаго толчка пробудился, увидѣлъ рядомъ помятое и дурное Варенькино лицо, съ затхлымъ потомъ, и хотѣлъ тотчасъ уйти, а она опять прильнула, и нужно было оторвать ее со всей силой... а что потомъ онъ сдѣлалъ — не помнить; да и Сергѣй Алексѣевичъ до сихъ поръ, должно быть, лежитъ на пескѣ съ разбитымъ ртомъ...

И Андрею казалось, что все остановилось: солнце и земля, и онъ, не въ силахъ ничего сдвинуть и бѣжать отъ воспоминаній, принужденъ, словно скованный, глядѣть на все совершенное.

Андрей стоялъ посрединѣ лужайки на солнцепекѣ, и даже мухи неподвижно повисли невысоко надъ его головой...

И вотъ изъ лѣсу вышла медвѣдица и за нею семь большихъ медвѣдей. Медвѣдица стала пить нарзанъ, а медвѣди глядѣли на нее глазами красными, какъ угли; шерсть на нихъ стояла дыбомъ, и изо рта текла слюна. Медвѣдица кончила пить и, пройдя мимо Андрея, обернула морду и, присѣдая, глухо ревнула; и такъ же, одинъ за другимъ, ступая влѣдъ, обернулись и рывкнули семь медвѣдей... И долго еще видѣлъ Андрей, какъ съ увала на увалъ поднимались и вновь нисходили черныя медвѣды...

Тогда Андрей закинулъ голову и взглянулъ на солнце, въ слѣпительномъ кругу котораго давно уже смѣялось широко открытымъ ртомъ человѣчье, съ козлиными чертами, лицо...

„Конецъ“, — подумалъ Андрей, — „окружили меня, все заполонили“, — и, закрывъ глаза, легъ ницъ...

Лунный свѣтъ.

Когда опустилась вечерняя прохлада, Андрей сѣлъ, какъ на дудкѣ—пискливо и нудно... И звѣри слушали водонада и глядѣли вдоль сырого ущелья, на днѣ котораго, смкая кругъ... „Молись, молись“,—подумалъ Андрей.—

Впереди Андрея надъ пропастью лежала поваленная ежко гаже, чтобы скорѣй пришесть конецъ. Ротъ наполнихта, и на ней стоялъ медвѣдь Иванъ. Иванъ моталъ головой, Андрей вытянулъ губы и плюнулъ въ дьявой, потомъ тихонько пошелъ впередъ, и дерево наклонилось. Тогда Иванъ отступилъ, пихта поднялась, опять застала... Андрей зачерпнулъ воды горстью, омылъ глаза и покояся, метнулся опять впередъ, дерево быстро нагнулось, Иванъ бродить, боясь какъ бы сонъ опять не одолѣлъ... медвѣдь, цѣпляясь и глухо ревя, полетѣлъ внизъ, увлекая когда подошелъ къ висящему надъ кручей дереву, гдѣ орвался Иванъ, взялся Андрей за вѣтки и наклонился, чтобы разсмотрѣть въ сыромъ теперь туманѣ тѣло медвѣдешки.

„Вотъ и все“,—подумалъ Андрей,—„очень просто. никому не нужно“...

Тѣмъ временемъ встала ясная луна, освѣтила нежно вымъ свѣтомъ выступы скалъ, вогнала черныя тѣни въ расщелины, тронула серебромъ вершины деревьевъ, трап стала синей, и въ стоячей лужѣ у ногъ Андрея опрокинулся ясный ея, желтоватый дискъ. Андрей взялъ камень и бросилъ въ лужу; дискъ разбился, какъ зеркало, по тѣмъ лунными брызгами вверхъ... Андрей положилъ лопатку на колѣни, подперъ голову и наморщилъ лобъ.

Тогда изъ тѣсу вышелъ барсукъ, выгнулъ спину, откинулся отъ ушей до хвоста и, запрыгавъ бокомъ, бунтывая, описалъ полукругъ и пропалъ.

А мѣсяцъ все выше вставалъ, укорачивая тѣни; было душно, и Андрей, какъ очарованный, продолжалъ глядѣть. Опять появился барсукъ, а съ другой стороны изъ тѣсу выбѣжали поросята, шарахнулись и стайкой сгрудились близъ Андрея... Потомъ вытѣзли изъ-подъ кручи медвѣдичка и семь медвѣдей. А на скалѣ, опустивъ рога, всталъ зубры. И вотъ, должно быть отъ колдовского свѣта, закопшились въ тѣни между звѣрей, въ трещинахъ, подъ камнями кривоногіе, съ носами, какъ дудки, и бабьими животами, мерзкіе дьяволята...

Андрей глядѣлъ на нихъ, не мигая, не думая и не жась. Тогда одинъ дьяволенокъ, самый гадкій, подскочилъ прыть и на носу, перебирая пальцами, принялся выигрывать, смкая кругъ... „Молись, молись“,—подумалъ Андрей.—

„А если оступитья“,—подумалъ Андрей,—„далеко ли въ лѣтъ, —зато сразу со всѣмъ и покончить... Кому нуженъ?“

Запало у Андрея сердце, потемнѣли глаза и, поднявъ тѣно, сдѣлалъ онъ послѣдній, невѣрный шагъ.

Парижъ.

28-го іюля 1911 г.

I.

Февральскій сильный вѣтеръ дулъ съ моря, хлещя дождемъ и снѣгомъ вдоль узкой улицы, лѣшивъ глаза, барабанилъ по верхамъ экипажей, забивалъ хлопьями огромные усы городовому, брызгалъ изъ кадокъ и надувалъ подосагую парусину на подъѣздѣ атлетическаго клуба барона Зелькентъ...

Придерживая полы раздувающейся шубы, прикрываясь воротникомъ, въ подъѣздѣ быстро вошелъ небольшого роста человекъ; сдерживая нетерпѣливыя движенія, сдернулъ перчатки съ маленькихъ пальцевъ, сбросилъ огромному швейцару шубу, вытеръ фуляромъ щеки и, положивъ ладонь на русый проборъ, взглянулъ у зеркала въ суженные зрачки свѣтло-голубыхъ своихъ, миндалевидныхъ глазъ; худое матовое лицо его было бы очень тонко, если бы не слишкомъ яркій ротъ и тяжелая челюсть, полускрытая русой бородкой.

— О васъ, Александръ Семеновичъ, два ужъ раза баронъ справлялись,—улыбаясь, сказалъ швейцаръ.

— Всѣ въ сборѣ?

— Только васъ и ожидаемъ.

Александръ Семеновичъ Сивачевъ легко взбѣжалъ по красному ковру лѣстницы, на второй площадкѣ попридержалъ гулкое сердце и сказалъ:

— Такъ нельзя, я проиграю.—Лѣнливо опустилъ вѣки, поднялся неспѣшно еще на одинъ пролетъ и, нажимая ручку тяжелой двери, окончилъ:—ужели удача? Да, иначе быть не можетъ, иначе...

Тяжелая дверь вела въ длинный, съ низкимъ потолкомъ

и окнами до полу, паркетный залъ, по которому, громко разговаривая, ходили молодые люди, одѣтые въ черныя визитки, студенческіе сюртуки и гимнастическія фуфайки, а изъ конца въ конецъ шнырялъ короткій и крючконосый баронъ Зелькентъ, блестя выпуклыми глазами и шломбами зубовъ; всѣ, и особенно баронъ, были очень взволнованны: сегодня состязались князь Назаровъ и Сивачевъ на пари въ тридцать пять тысячъ. Князь былъ богатъ—отецъ его, игольный фабрикантъ, купилъ гдѣ-то въ Италіи титулъ и велѣлъ сыну разъ и навсегда показать всему свѣту, кто есть такой Назаровъ; Александръ же Сивачевъ жилъ, какъ увѣряли друзья, „на проценты со своихъ долговъ“, почему за глаза назывался „министромъ“; проигравъ пари, онъ окончательно долженъ былъ погибнуть...

Князь, одѣтый въ клѣтчатое, просторное, какъ мѣшокъ, платье, долговязый, съ оттянутымъ подбородкомъ, стоялъ поодаль у стѣны и лѣнливо переминался, стараясь гримасами показать двумъ своимъ постояннымъ лъстецамъ, Жоржу и Шуркѣ, что они такіе же свиньи, какъ и всѣ люди вообще.

— Въ сущности, это почти дуэль,—сказалъ Жоржъ.

— А не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ Сивачева,—подхватилъ Шурка.

— Онъ самъ виноватъ, такихъ учать,—брезгливо шепелявя и кривясь, отвѣтилъ князь, но на щекахъ у него вдругъ выступили красныя пятна, глаза, устремленные поверхъ лъстецовъ, забѣгали: въ залъ вошелъ Сивачевъ. Сразу стало тихо; баронъ заметался, и Сивачевъ громко сказалъ:

— Прошу извиненія, по дорогѣ поломался мой экипажъ,—обвелъ всѣхъ глазами и сухо поклонился князю; тотъ поспѣшно отвѣтилъ и, застыдясь своей торопливости, вѣднулъ голову.

— Начинайте, начинайте,—заторопили всѣ.

Въ концѣ залы на окованномъ и подбитомъ желѣзомъ щитѣ укрѣпили картонную мишень, отступя десять шаговъ протянули на столбикахъ пеструю веревку; за зеленымъ

столомъ съѣли судьбѣ; баронъ, свернувъ жребіи, трясъ ихъ въ котиковой шаклѣ. Участники подошли къ веревкѣ; остальные стали у стѣны и на стулья, и баронъ сказалъ:

— Господа участники, правила состязанія слѣдующія... — покосился на князя, потомъ на Сивачева, поморщился и досадливо крякнулъ.

II.

Недаромъ ваволновался баронъ Зелькенъ: князь давно преслѣдовалъ Сивачева и затѣялъ это пари для жестокой потѣхи. Позапрошлой весной, однажды, въ четыре часа, на Морской, нагоняя нарядную даму, князь только хотѣлъ заговорить и облизнулся уже, какъ дама, дойдя до Гороховой, вдругъ остановилась на краю тротуара и стала расточать робкія улыбки медленно ѣхавшему въ коляскѣ уланскому офицеру; уланъ сдѣлалъ рукой, повелъ синими глазами, но не остановился; дама же, въ отчаяніи, прошептала: — „Саша“, — и все глядѣла вслѣдъ. Подвернувшася князя она оттолкнула и скрылась въ толпѣ...

„Негодяй“, — подумалъ князь про офицера, — „тоже — съ фансочниками“. — А спустя лѣто, стоя однажды на Стрѣлкѣ, снова увидѣлъ князь того же улана; проходя, онъ обронилъ перчатку; князь хотѣлъ поднять ее или крикнуть: — „Вы потеряли перчатку“, — но подумалъ: „скажетъ еще: „чего подлизываетесь“, — и не могъ оторваться отъ бѣлой перчатки на песокъ; когда офицеръ повернулъ обратно, князь неожиданно воскликнулъ со злобой:

— Послушайте, вы обронили...

Офицеръ поглядѣлъ изумленно, пожалъ плечами и отвернулся.

— Нахаль, — прошептала князь.

Въ Крестовскомъ произошла третья встрѣча, окончательно смутившая княжій покой.

Въ залѣ у рампы князь, какъ всегда, сидѣлъ одинъ передъ нетронутой бутылкой шампанскаго, жевалъ миндаль и, морща лимонное лицо, глядѣлъ на пѣвицу — „étoile“.

ѣхавшую отъ Парижа до Крестовскихъ острововъ, должно быть, лѣтъ двадцать.

Но князю была любопытна не пѣвица, а то, что дѣлалось въ лѣвомъ кабинетѣ, съ балкономъ у сцены. На балкончикѣ лежала охалка увядшихъ цвѣттовъ, за стеклянной дверью было слышно цыганское гнѣие и такой громкій смѣхъ, что князь со злобой подумалъ: „вотъ хамье“, — и, не стерпѣвъ, подоавалъ лакея и спросилъ:

— Кто это тамъ въ кабинетѣ? Очень шумять, мнѣ непріятно.

— А это, ваше сіятельство, уланъ Сивачевъ третій день бушуютъ и хоръ задерживаютъ. Даже кровать приказали поставить. Ничего съ нимъ подѣлать не можемъ.

— Ну, шпелъ, — сказалъ князь и, облокотясь, сталъ представлять, какъ устроить онъ невиданный кутежъ: прикажетъ, напрямѣръ, въ этомъ же кабинетѣ сдѣлать цинковую ванну, напустить ее полную шампанскимъ, созоветъ шансонетокъ заставить раздѣться и будетъ съ ними пить и плавать.

Князь вдохнулъ, купилъ у дѣвушки съ подвязанной щекой розы и бросилъ ихъ на сцену безголосой нѣмкѣ въ желтомъ, которая, приложивъ ладони къ сердцу, крутила подоломъ, стараясь хоть этимъ прельстить... Но нѣмка, походя улыбнувшись, продолжала кривляться передъ лѣвымъ кабинетомъ. Посмотрѣлъ туда и князь.

Облокотясь о бархатъ перилъ, на балконѣ стоялъ тотъ офицеръ, въ разстегнутомъ сюртукѣ съ эполетами, очень блѣдный, съ темной синевою подъ глазами, и сквозь дымку медленно оглядывалъ залъ.

Подъ балкономъ два путейскихъ инженера ѣли уху изъ серебряной миски. Офицеръ взялъ розу и бросилъ имъ на столъ; инженеры вразъ подняли головы; тогда онъ захватилъ охапку цвѣттовъ и высыпалъ на тарелки и на лысины инженеровъ, которые вскочили, ругаясь, и подняли кулаки.

Офицеръ покраснѣлъ и вдругъ крикнулъ:

— Молчать!

Всѣ притихли; подбѣжали лакеи, съ бѣлыми салфет-

ками, музыканты перестали играть; иѣмка, въ испугѣ стала за кулисы. Тогда произошло необычайное—офицеръ, ища, чѣмъ еще бросить, перегнулся и, какъ всѣ потомъ увѣряли, нарочно прыгнуть внизъ, на столъ, и тотчасъ все, и Сивачевъ, и столъ, и два инженера, опрокинулись на красный коверъ...

Князь тотчасъ уѣхалъ, но скандалъ этотъ, въ свое время на шумѣвшій по всему Петербургу, не давалъ ему спать. Князь сталъ искать встрѣчи съ Сивачевымъ, разспрашивалъ о немъ повсюду и узналъ, напримѣръ, что тогда въ Крестовскомъ Сивачевъ прокучивалъ послѣднія деньги, послѣ скандала сидѣлъ на гауптвахтѣ, вышелъ въ отставку и пропалъ неизвѣстно куда.

Князь ѣздилъ повсюду—на бѣга, въ яхтъ-клубъ, въ игорные дома, въ Павловскъ, ходилъ по правой сторонѣ Невского, заглядывалъ въ сады и опять до утра кружилъ между Литейнымъ и Морской, не зная самъ—для чего ему нуженъ Сивачевъ, сердился на свое безволие, и осенью, наконецъ, встрѣтилъ Сивачева у Эрнеста, гдѣ, по обычаю, всѣ обѣдаютъ послѣ скачекъ.

Князь помѣстился у окна, покрываясь красными пятнами, глядѣлъ на Сивачева, который сидѣлъ, положивъ маленькую руку на скатерть, простой, незамѣтный, единственный, въ сѣромъ платьѣ, которое, кажется, всѣ могутъ купить, а носить избранные. Князь дернулъ себя за бортъ клетчатой визитки и рѣшилъ перемѣнить портного. Сивачевъ не поднималъ глазъ; князь не выдержалъ и послалъ ему бокалъ шампанскаго; Сивачевъ, отоскавъ глазами князя, поклонился не улыбаясь, но вино не выпилъ. „Фать“,—прошепталъ князь, раздувая ноздри.

Съ тѣхъ поръ онъ встрѣчалъ Сивачева повсюду и невольно сталъ перенимать его жесты, покрывъ пальцами, такъ же двумя пальцами, выучился приподнимать цилиндръ, выбросилъ брилліантовые запонки и серебряную палку, пересталъ разваливаться въ экипажѣ, и, временами, сознавая, что онъ—князь Назаровъ, только тѣнь Сивачева, выкидывалъ такія штуки, въ которыхъ жестоко потомъ раскаивался...

Узнавъ, что Сивачевъ записанъ къ барону Зелькеню, князь сдѣлалъ крупный взносъ въ школу и сталъ стрѣлять—въ то время этимъ всѣ увлекались. Однажды въ подъѣздѣ онъ столкнулся съ Сивачевымъ, выронилъ палку и наступилъ на ноги швейцару. Сивачевъ скользнулъ взглядомъ по князю, усмѣхнулся и, мягко сказавъ: „Дайте же мнѣ дорогу“—вышелъ, запахивая шинель. „Наглець“,—едва не крикнулъ князь и, во что бы то ни стало, за всѣ униженія, рѣшилъ этому нищему отомстить. Наконецъ, представился и случай. Баронъ Зелькенъ давалъ очередной обѣдъ у Куба, въ большомъ кабинетѣ, куда, почти одновременно, вошли Сивачевъ и князь. Ихъ сейчасъ же познакомили. Рука князя была холодная и влажная, когда безсильно коснулся она, наконецъ, маленькой, сухой и крѣпкой ладони Сивачева.

— Мы давно другъ друга знаемъ,—словно предупреждая, проговорилъ Сивачевъ,—два уже года... Очень радъ!—и тотчасъ твердо отошелъ, поднявъ умную голову.

Скоро всѣ стали хвастаться умѣньемъ стрѣлять. Князь, стараясь стать не рядомъ, а чтобы не было такъ замѣтно, черезъ столъ отъ Сивачева, громко сказалъ:

— Держу пари, что изъ десяти попаду десять въ точку,—и повторилъ это три раза, не сводя глазъ съ Сивачева, пока тотъ, пожавъ плечомъ, не отвѣтилъ:

— Держу пари.

— Тридцать пять тысячъ,—еле сдерживаясь, продолжалъ князь.

Щеки Сивачева мгновенно залилъ румянецъ, лицо стало злымъ, рука со стаканомъ задрожала:

— Держу,—медленно отвѣтилъ онъ среди жуткаго молчанія.

III.

Сказавъ: „начнемъ“, баронъ поднесъ шапку князю; тотъ вынулъ жребій и воскликнулъ:

— Я первый.—Подошелъ къ веревкѣ, долго осматривалъ пистолеть и, словно бы не цѣлясь, выстрѣлилъ.

— Есть,— тихо сказал баронъ, глядя въ бинокль.

Всѣ зашумѣли и стихли. Князь выстрѣлилъ еще и еще, словно шутя, и всѣ пули ложились въ центръ. Послѣ десятого выстрѣла наклонился, всматриваясь, и, крикнувъ барону: „Не умѣете заряжать, нечего и соваться“,— швырнул пистолетъ на полъ: пуля отошла отъ центра на полъ-двойма, но, все-таки, это былъ почти вѣрный выигрышъ. Всѣ окружили князя, который лѣниво потряхивалъ натруженной рукой и собирался чихнуть отъ порохового дыма, ходившаго подъ низкимъ потолкомъ. Жоржъ ударялъ себя по колѣну, Шурка визгливо хихикалъ.

— Господа, я надѣюсь, пари было шуткой,— взволнованно заговорилъ баронъ и невольно сложилъ руки у лица,— я бы не хотѣлъ скандала въ пшколѣ.

— Я настаиваю на пари,— сказалъ Сивачевъ,— прошу отойти,— заложилъ лѣвую руку за спину, раздвинулъ ноги, отыскалъ ими вѣрную опору и, касаясь пистолета, почувствовалъ, какъ всегда, что мускулы окрѣпли и напряглись.

„Господи, я всегда Тебя любилъ“,— быстро подумалъ онъ и посмотрѣлъ на десять черныхъ круговъ мишени. Круги зарыбили и поплыли; Сивачевъ закрылъ глаза, напрягъ всю волю и снова взглянулъ; теперь различалъ онъ одну только среднюю точку и ея продолженіе— обѣ мушки. „Теперь надо взять на двойму съ четвертью ниже, вотъ такъ, осторожно нажать, готово“. Послѣ выстрѣла рука его стала стальной, какъ рычагъ, ноздри едва трепетали и сердце медленно билось. Выпустивъ пять пуль, Сивачевъ отошелъ отъ веревки шаговъ на пять и, увидѣвъ взволнованныя лица, блестящіе глаза зрителей, нахмуреннаго князя, звонко сказалъ:

— Это не мѣняетъ пари, правда, князь,— и на пятнадцать шаговъ всадылъ остальные пять пуль одну, какъ въ одну... Потомъ слегка поклонился и пошелъ къ двери, но князь, гримасничая, нагналъ его, роняя деньги, сунулъ проигрышъ въ руки, хотѣлъ сказать что-то, но только надуть щеки.

IV.

Дождь хлесталъ въ правое окно автомобиля, въ которомъ, засунувъ въ мѣха все лицо, сидѣлъ князь, а напротивъ него, уныло дрогилъ Жоржъ и Шурка, одинъ горбоносый, другой— носъ башмакомъ, въ чемъ только и было у нихъ различіе.

„Ухъ, мошеники, подлизы“,— думалъ о нихъ князь.— Вы-то что притворяетесь...— сказалъ онъ со злобой.

— Сквернѣйшая погода,— затативъ оловянные глаза, отвѣтилъ Жоржъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это дѣло оставить нельзя,— сказалъ Шурка.

— Прошу о Сивачевѣ не напоминать; пусть приметъ отъ меня подачку...

— Онъ выкинулъ ему собачій кусокъ,— обрадовался Жоржъ, показавъ гнилые зубы.

— Я придумалъ планъ,— воскликнулъ Шурка и едва не ударилъ князя по колѣнѣ,— мы лишимъ Сивачева денегъ, дорогой князь... Вы останетесь довольны, о, я-то все сумѣю,— и онъ покосился на Жоржа, постучалъ длиннымъ ногтемъ въ окно и приказалъ шоферу повернуть на Кирочную, гдѣ автомобиль, покачиваясь и ухаая, влетѣлъ подъ арку дома, сталъ во дворѣ, у подъѣзда, и густой снѣгъ сразу залѣпилъ съ одной стороны лица, пальто и цилиндры высокочившихъ молодыхъ людей.

Въ свѣтло-желтой, съ декадентской мебелью, столовой, куда, вслѣдъ за Жоржемъ и Шуркой, вошелъ князь, у стола, подъ люстрой, стоялъ стриженный, словно каторжникъ, высокій человѣкъ, съ морщинами у рта и черными, какъ у турка, усами; рядомъ сидѣлъ старый полковникъ; а въ щель двери выглядывала полная, напудренная съ красными губами и конной рыжихъ буклей, молодая женщина въ китайскомъ халатѣ.

Увидѣвъ гостей, черный человѣкъ воскликнулъ басомъ:

— Ба, ба, да это Шурка и Жоржъ, вотъ обрадовали,— и протянуть руки.

— Аполлонъ Чертаевъ, дворянинъ, — представилъ его Шурка.— Полковникъ Пупко...

— Чертаевы,—молвилъ князь, гнусавя;—не у васъ ли имънiе...

— Да, да, было; чѣмъ служить могу? Клара, затвори дверь.

— Дорогой, — похлопывая хозяйина, началъ Шурка, — мы къ тебѣ по важному дѣлу, намъ нужна твоя услуга, твое умънiе, если хочешь, и ловкость милой Клары...

V.

Въ тотъ же вечеръ Александръ Сивачевъ ходилъ у себя въ номеръ по дорожному, когда-то, теперь вытертому, ковру (остатки родовой мебели онъ сохранилъ и убралъ ими комнату сомнительной этой гостиницы); останавливался передъ рѣзнымъ туалетомъ, на которомъ горѣли два канделябра, а въ синеватомъ зеркалѣ отражались — сломанный гребень, флаконы, потертые галстуки въ хрустальномъ футлярѣ и тридцать пять тысячъ, разложенныя на кучки; потемъ стряхивалъ пепелъ съ папироски; качалъ головой и, продолжалъ прогулку, думая:

„Сомнѣнiя быть не можетъ; конечно, заплачу по тѣмъ фамилiямъ, которыя подчеркнуты (у него имѣлась книжка долговъ, гдѣ, противъ фамилiй, стояла черта, ноликъ, или крестъ); нолики подождутъ, а крестики — на то и крестики, я не богачъ. Остается двѣ тысячи восемьсотъ... это на одинъ вечеръ. Конечно, я правильно размышляю — порядокъ долженъ быть въ дѣлахъ, но должно также существовать нѣкоторое легкомыслiе, оно оправдываетъ все. Въ Крестовскiй, напримеръ, сегодня я попаду“.

Сивачевъ остановился передъ зеркаломъ и сказалъ:

— А, все-таки, князь — наглець, — хрустнулъ пальцами, вынулъ изъ ящика отличный пистолетъ, прицѣлился и мол-

чалъ:—Вотъ такъ, выцѣлю его подъ сердце и — чикъ.— Потомъ прицѣлился къ столу и мелкимъ, наклоннымъ почеркомъ написалъ:

„М. Г., будьте любезны принять деньги обратно; я взялъ ихъ, потому что бѣденъ, но я не позволю“... Остановился, захватилъ волосы, съ размаха ткнулъ перомъ въ письмо, сомкнулъ его, опрокинулъ кресло, разсвалъ въ карманы свои деньги, надвинулъ цилиндръ и выбѣжалъ.

— Вези, сказалъ онъ подавшему лихачу, — вези меня, — и кричалъ:—дуракъ, самъ знаешь куда, на Крестовскiй.

Рысакъ рванулъ и, подъ крики: „Пади, пади“, — легко пронесъ, сквозь мокрый снѣгъ и вѣтеръ, во мглу, гдѣ высоко, вполочномъ свѣтомъ, горѣли фонари.

У вѣзда въ садъ, глухо шумѣли деревья и музыка вырывалась изъ внезапно отворенныхъ дверей. Сивачевъ посторонился, давая дорогу дамѣ въ собольяхъ и бѣлыхъ перьяхъ; дама обернулась, повела выпуклыми глазами, и блѣдное лицо ея стало милымъ отъ улыбки. Сивачевъ снялъ цилиндръ, взялъ маленькую, въ большихъ мѣхахъ, руку дамы и поцѣловалъ.

— Ахъ, какой вы смѣлый, — сказала дама, — я могу и процогнать.

— Почему я васъ никогда не видѣлъ?

— А васъ я частенько встрѣчала, вы Сивачевъ, бывший уланъ, и безобразникъ же.

Они дошли до раздѣвальни, гдѣ дама сбросила шубу, и стала передъ Сивачевымъ во всемъ великолѣпнiй тяжелого платья, съ алмазами на высокой груди. Лицо у нея было матовое и строгое, слишкомъ алѣли губы, а изъ-подъ шляпы перьявъ, какъ пламя, выбивалась корона рыжихъ волосъ.

— Наглядѣлись, хорошенькаго понемножку, — сказала она, открывъ ровные зубы.

— Вы не должны говорить...

— Вотъ тиранъ. Дайте руку, я не трепаная? Зовите меня Клара.

И оба они, словно одѣвъ привычныя маски, вышли въ

еще пустой залъ, гдѣ Клара шепнула: „Сегодня я расположена веселиться всю ночь“,—опустила немного глаза, подернутые влагой, сжала руку Сивачеву и засмѣялась груднымъ смѣхомъ.

VI.

Послѣ полуночи лихачъ, миновавъ оголенные и шумящія глухо аллеи острововъ, мчалъ, звонко выбрасывая ноги, черезъ Тучковъ и Дворцовый по набережной, мимо пустырей и холодныхъ дворцовъ. Сивачевъ широко обхватилъ Клару, чувствуя подъ шубой согнутый ея локоть у груди, наклоняясь къ ея лицу, отвергнутому отъ рѣзкаго вѣтра, и влихалъ запахъ духовъ, мѣха и тонкаго вина.

— Я никогда не видала, чтобы такъ влюбились,—сказала Клара. Сивачевъ, крѣпче захвативъ, прильнулъ къ ея губамъ: онѣ были нѣжныя и теплыя,—она запрокинулась, подняла руки; цилиндръ его сорвало вѣтромъ, и Клара прикрыла ему голову муфтой.

— Довольно,—отрываясь, сказала она,—слушай: если у меня сидятъ, ты входи, мы всѣхъ выживемъ...

— Да, да.

— Красавчикъ.

— Молчи. Ты ничего не понимаешь...

Клара прижалась, какъ маленькая, потомъ вдругъ дернула кучера, крича:

— Стой, стой; сюда! Ахъ, такъ и знала, у меня гости... Все равно, идемъ,—и тянула Сивачева за рукавъ, въ потемкахъ сѣней ладонь въ прорѣзъ бѣлой перчатки.

Въ столовой, пылая дымомъ, Чертаевъ и полковникъ Пупко пили коньякъ и ликеры; Пупко крутилъ баженбарды, разноцвѣтннй носъ его сиялъ; увидѣвъ Сивачева и Клару, онъ опустилъ бровь и загѣлъ басомъ: „Онъ ей сказалъ: клянусь я вамъ, я жизнь и шпагу—все отдамъ для поцѣлуя“, и хватилъ, дотанувшись, Сивачева за фалду; Чертаевъ, поведа усами, отошелъ къ буфету и поклонился. Сивачевъ не отвѣтилъ на привѣтствія; а Клара крикнула, топая но-

гой: „убирайтесь отсюда, пьяницы!“ Потомъ растопырила пальцы, какъ растерянная и сказала Сивачеву тихо:

— Видишь, они не уходятъ,—миленькій, ужъ все равно, они ко мнѣ въ карты ходятъ играть; давай сыграемъ, я смерть люблю картишки; проиграемъ имъ пустяки, они и отвязнутся.

Сивачеву отъ волненія, духоты и вина, стало дико на душѣ, какъ бывало. Клара, ласкалась, сѣла къ нему на колѣни; Пупко, стуча кулакомъ, кричалъ:

— Желаю проиграть.

Чертаевъ съ достоинствомъ отошелъ отъ буфета, раскрывъ зеленый столъ, зажегъ свѣчи и сказалъ Пупко:

— Хорошо, старая крыса, мечу банкъ, держись.

— Нѣтъ, я,—воскликнулъ Сивачевъ, сѣлъ между свѣчей, вынулъ изъ кармана, не глядя, пачку денегъ, сдалъ и выигралъ... Клара захлопала въ ладоши. Сивачевъ выигралъ еще и еще.

— Примете вексель?—спросилъ его Чертаевъ хмуро...

„Охъ, слишкомъ везетъ, не надо бы играть“,—быстро подумалъ Сивачевъ. Клара поднесла стаканъ чаю; онъ выпилъ залпомъ, обжегся и сталъ кашлять... Пупко захихикалъ, ерзая бородой по столу, на которомъ лежало много денегъ... А въ это время Чертаевъ сорвалъ банкъ.

— Вотъ какъ,—сказалъ Сивачевъ удивленно.—Мечте вы!—Поставилъ, проигралъ, засмѣялся отъ хмельного веселья и не помнилъ уже, куда шли всѣ деньги,—кажется, къ полковнику...

— За вами семь тысячъ,—наконецъ, сказалъ Чертаевъ.

Сивачевъ полѣзъ въ карманъ,—тамъ ничего болѣе не было. На мигъ сознаніе гибели словно прокололо отъ головы до коленъ боющихъ ногъ. Сивачевъ поднялся—было, но Клара обхватила его шею; Пупко огромной сигарой задымилъ въ глаза; разбойничье лицо Чертаева стало страшно, а за нимъ, въ дымномъ туманѣ, черезъ раскрытую дверь, глядѣли князь, Жоржъ и Шурка.

Сивачевъ провелъ рукой по глазамъ; тѣ трое вошли, и князь, отвратительно улыбаясь, молвилъ:

— Не одолжить ли вамъ, сударь, нѣсколько денегъ... Тогда Сивачевъ, раскрывъ ротъ, глухо вскрикнулъ, поднялъ стулъ, замахнулся имъ, ничего уже не видя, но сзади напали на него, поволокли къ двери, сунули пальто и выпихнули на холодъ.

Сивачевъ ухватился-было за уголь дома, но, скользя, съѣлъ на ступеньки, засыпаемый, при свѣтѣ большого фанари, мокрымъ снѣгомъ.

VII.

Въ пятницу, на Свѣтлой недѣлѣ, энскій клубъ извѣстный въ ту пору большой игрой, гудѣлъ, какъ улей; золотой столъ тѣсно окружила толпа, глядя, какъ пять молчаливыхъ человекъ поднимали скользякія карты, восклицали условное и на сукно сыпали золото и бумаги, которыя отгребалъ къ себѣ лопаткой банкометъ...

Металь Александръ Сивачевъ, легко разбрасывая тонкими пальцами карты; между бровей лежала у него глубокая складка, и глазъ онъ ни разу не поднялъ. Напротивъ сидѣлъ клубный староста Аполлонъ Чертаевъ; налѣво, словно въ лихорадкѣ—князь; направо интендантскій капитанъ и толстый купецъ, со множествомъ колецъ на пухлыхъ рукахъ.

— Кто такой?—разспрашивали въ толпѣ про Сивачева.— Говорятъ, третій разъ всего играетъ; за сотню тысячъ перевалилъ, а пришелъ голодранцемъ; исторія темная!

— А вы придержите языкъ!.. Сами хороши!

Но никто не зналъ, что двѣ недѣли назадъ Аполлонъ Чертаевъ, зайдя въ эстонскій игорный домъ (послѣдній притонъ Петербурга) поиграть для души—честно и недорого, сразу же въ подвальной комнатѣ, гдѣ рѣзались въ „жемъзнуру дорогу“, увидѣлъ Сивачева, но такого обшарканнаго, съ ямами на землестыхъ щекахъ, воспаленными глазами, въ грязномъ бѣльѣ, что, не стѣсняясь, тронувъ его за плечо, сказалъ:

— Вотъ не ожидалъ, дорогой... Что же, идемъ водку пить.

У Чертаева мгновенно возникъ замѣчательный планъ, и, хотя Сивачевъ, быстро обернувшись, окрысился и скользнулъ-было въ толпу „араповъ“, онъ обласкалъ его, добродушно хохоча, увелъ въ грязный буфетъ и, глядя, какъ тряслась у Сивачева рука, держа студеную рюмку, значительно молвилъ:

— Въ нашемъ дѣлѣ главное—вѣрная и точная рука.

— Идите къ чорту, — отвѣтилъ Сивачевъ, — денегъ, что ли, хотите дать?

— Вы давно въ такомъ положеніи?

— Мѣсяцъ пью!

— Все заложено?

— А вамъ-то какое дѣло!

— Послушайте, вы—дворянинъ, такъ нельзя, вы даже, вѣтъ, видно, и не мылись.

Сивачевъ съ бѣшенствомъ поглядѣлъ Чертаеву въ глаза, потомъ уперся локтями о столѣтъ, перекосилъ лицо нѣжной гримасой на сторону и сказалъ со слезой:

— Я недѣлю дома не ночевалъ; я много по улицѣ ходилъ, по какой—сами догадайтесь... Мы столкнулись въ подъѣздѣ лицомъ къ лицу, и я убѣжалъ. Знаете почему? Мнѣ захотѣлось попросить: князь, дайте мнѣ сто рублей! Я убѣжалъ, иначе сказалъ бы, вмѣсто того, чтобы... Я его два раза вызывалъ, примите во вниманіе, — отказался. Впрочемъ, вру.

Чертаевъ сжалъ руку Сивачеву повыше локтя, говоря:

— Довѣрьтесь мнѣ, все будетъ...

Сивачевъ задвигалъ бровями, стараясь понять; глаза его на мигъ, словно прояснѣвъ, расширились, но Чертаевъ тяжело глядѣлъ въ лицо, ожидая отвѣта.

— Вамъ нуженъ свѣжій, съ репутацией? — хрипло спросилъ Сивачевъ.

— Да!..

Сивачевъ схватилъ себя за голову, закатилъ глаза, воскликнувъ: „Боже мой, позоръ!“ — скрипнулъ зубами въ отвращеніи, опустился и раскисъ. Чертаевъ увезъ его

къ себѣ, посадилъ тотчасъ въ ванну, и, запертый въ спальню Клары, Сивачевъ проспалъ ровно сутки, а пробудясь въ огромной кровати, увидѣлъ прекрасную Клару, входящую съ чашкой шоколада. Сивачевъ взялъ Клару за руки, положилъ ей голову на грудь и, чувствуя только запахъ ея духовъ, сладкую свою слабость, подумалъ: „Эхъ, все равно“.

Въ тотъ же день Чертаевъ сталъ обучать Сивачева знаменитому чертаевскому приему съ шелковымъ поясомъ, который надѣвался подъ жилетъ, скрывая крапленую кофоду.

Изученіе крапа шло труднѣе, но Чертаевъ горопился приготовить новаго игрока къ пасхальной недѣлѣ. Съ выигрыша Сивачевъ долженъ былъ получать десять процентовъ. Чертаевъ пятьдесятъ, а остальные шли въ кассу тайнаго общества „Жукъ“.

Но сегодня, передъ клубомъ, къ Чертаеву подбѣжалъ Шурка, шепча:

— Сивачевъ купилъ билетъ на экспрессъ до Парижа. вы это понимаете?...

Стало ясно, что Сивачевъ затѣваетъ; необходимо было провѣрить и пресѣчь въ корнѣ побѣгъ и вѣроятный доносъ. Поэтому, когда Сивачевъ былъ подъ-рядъ двѣнадцатую карту, Чертаевъ, пристально глядя ему въ глаза, сказалъ:

— Сивачевъ, возьмите меня въ половинную долю.

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтилъ Сивачевъ.

— Изъ четверти.

— Нѣтъ.

Князь въ это время пошелъ на все, проигравъ, и пошелъ вторично... Въ залѣ стало слышно, какъ со свистомъ дышитъ толстый купецъ; интендантъ откинулся, быть можетъ, сдерживая крикъ, князь вяло рисовалъ мѣломъ...

— Десять процентовъ?—спросилъ Чертаевъ.

— Нѣтъ...

Тогда Чертаевъ поднялся и громко сказалъ:

— Господа, прошу снять деньги: карты краплены.

Всѣ, конечно, вскочили и закричали, наступая на

Сивачева, который, сразу побѣлѣвъ, откинулся на спинку стула.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ,—сказалъ князь и, взявъ три карты, разорвалъ и бросилъ Сивачеву въ лицо.

Сивачевъ выпрямился и, отступая къ двери, отбиваясь, тоннулъ ногой на толпу, выхватилъ изъ-подъ пояса смѣненную колоду, подаль къ князю, поклонился и выбѣжалъ...

Заря, словно подкрадываясь, освѣтила дома; по мостовой грохотали телеги и желтѣли забытые огни; а Сивачевъ все еще сидѣлъ передъ туалетнымъ зеркаломъ, невидящими глазами глядя себѣ въ лицо.

— Вотъ и конецъ,—сказалъ онъ негромко. —Я даже радъ, что такъ случилось,— и густой румянецъ залилъ ему щеки и маленькія уши. Онъ прикрылся рукой, повторяя:—Я заслужилъ это все, конечно!..—И снова принимался, до мелочей, вспоминать все, какъ было, и постепенно весь гнѣвъ его и стыдъ и отчаяніе устремились на одно движеніе князя, когда тотъ вялыми пальцами разорвалъ карты и бросилъ...

Сивачевъ быстро поднялся, вынулъ изъ ящика пистолетъ, отмырилъ пороку, заложилъ, вкатилъ пульку, забилъ ее молоткомъ и, сунувъ пистолетъ въ карманъ брюкъ, направился къ двери; но вернулся, взявъ съ туалета палку, взглянулъ въ зеркало, сказалъ: — „Къ чему теперь все это?“ — снялъ цилиндръ, отдернулъ вверхъ рукавъ, приложилъ дуло къ виску и, жалобно улыбаясь, нажалъ курокъ...

Повесть М. Туржановой.

Въ жизни моей не долгой, но уже сильно потертой, было два друга, хотя дружба наша была очень коротка и печальна. Вы помните, конечно, рассказъ, гдѣ бѣлой ночью идетъ мечтатель по тихой улицѣ, и шаги его одиноко стучать по тротуару; помните, онъ, увидѣлъ дѣвушку „въ премиленькой желтой шляпкѣ, облокотившуюся на рѣшетку канала“... Помните ту минутку, когда васъ захватило чтеніе, и вы почувствовали, что и вы когда-то, словно во снѣ, видѣли и эту улицу, и мечтателя на ней, и дѣвушку у рѣшетки.

А я, господа, и видѣлъ, и пережилъ бѣлую ночь, и воспоминаніе о ней храню словно жемчужину. Человѣкъ, господа, какъ раковина:— снаружи корявый и жесткій, пріоткроешь—внутри слизь, а въ ней маговая слеза—драгоценность... Нѣтъ, извините, я плохо не думаю о человѣкѣ.

Жили мы втроемъ въ комнатѣ съ квадратнымъ окномъ прямо въ желтый брандмауэръ, отчего у насъ было всегда желто и темновато. Откуда-то сверху, съ неба, опускались на подоконникъ сизые' голуби, чистили крылья, ударяя ими въ засиженныя стекла, на которыхъ прилипли съ прошлаго лѣта три длинныхъ кляксы извести, потомъ ворковали и падали внизъ въ глубокой дворъ. Комнату мы поэтому прозвали „голубятней“.

Днемъ мы работали: Сенька, художникъ, протянувъ длинныя ноги, лежалъ на диванѣ, шурился и говорилъ что-нибудь вродѣ:

— Я вижу зеленую тѣнь и красные кружочки.

— А ты бы лучше взять кисть и писалъ, чѣмъ ваяться,—отвѣчалъ я, поднимая отъ стола растрепанную голову. Всю зиму я усердно строчилъ желчныя статьи, которыхъ никто не печаталъ, а теперь принялся за стихотворенія въ прозѣ, съ названіями: „Грусть“, „Одиночество“, „Увы“. Такова участь юношей, затерянныхъ въ сырыхъ переулкахъ, гдѣ-нибудь у Развѣзжей. Словно городъ вдохнулъ имъ въ глаза печаль и отнялъ мужество; блѣдные, сидятъ юноши подъ лампами, непремѣнно коптящими, и пишутъ, помручивая вихорь и думая: навѣрно кому-нибудь интересно узнать, что они—бѣдные юноши.

Но Сенька былъ художникъ, тоски своимъ занятіемъ передать никакъ не могъ, и поэтому всю зиму провалился, думая о всякихъ глупостяхъ. Хотя неправда—онъ какъ-то началъ мой портретъ, который долженъ былъ сдѣлать ему имя, но больше, конечно, нащупывалъ въ себѣ гениальность, проявиться которой мѣшала сильная темнота въ комнатѣ.

Третій былъ—Костя, по прозванію „звонарь“. Родился онъ гдѣ-то на Сергіевской, родители его разорились и умерли; онъ прошелъ длинный путь испытаній; теперь помучать онъ отъ какой-то бабушки тридцать рублей и жилъ съ нами, познакомься въ кабачкѣ. Да безъ него я и не представлялъ себѣ кабака; я не любилъ дурмана, но всегда ходилъ смотрѣть, какъ пьеть и ѣсть нашъ Костя. Рюмка съ водкой и перцемъ у него пріятно потѣла; на хлѣбъ очень вкусно намазывалъ онъ масло, клалъ селедку, потомъ, взявъ рюмку, равнодушно взглядывалъ на потолокъ, выпивалъ и, обтягивая губы, выдыхалъ винный духъ. Ълъ онъ до того медленно и необыкновенно, что у меня сворачивало скулы отъ жадности. Сенька, глядя на Костю, конечно, тутъ же напивался. Между рюмками Костя рассказывалъ удивитель-

ныя исторіи, придумывалъ намъ прозвища, передразнивалъ кого-нибудь замѣчательно ловко и больше всего любилъ играть въ пьяныхъ бродячихъ актеровъ. И чѣмъ тяжелѣй ему было, тѣмъ все выходило смѣшнѣй. Это называлось на его языкѣ „звонить“. Талантъ къ „звону“ онъ въ себѣ только и признавалъ, хотя былъ чрезмѣрно одаренъ всѣми музами.

Но пришла весна, Костя вдругъ осунулся, сталъ задумчивъ и объявилъ, наконецъ, что скоро помереть. Мы посмѣялись, а онъ—я, какъ сейчасъ, помню—сѣлъ на подоконникъ и, прижимаясь щекой, сталъ глядѣть на свѣтлое ночное небо. И все маленькое Костино тѣло въ кудомъ поджачкѣ и крупное, горбоносое, бритое лицо его казались мнѣ нарисованными темнымъ на пыльныхъ стеклахъ.

Въ тотъ часъ шуму на дворѣ затихали, все рѣже хлопала желѣзная калитка, и окно свѣтило ровно, не бросая тѣней.

Раздвинувъ на столѣ бумаги, я запускалъ пальцы въ волоса, чтобы дергать за нихъ, когда придуть ненужныя мысли.

А ненужныхъ мыслей у насъ было очень много.

Сенька временами принимался сопѣть, длинное лицо его въ сумракѣ представлялось лошадинымъ, и, перевернувшись на бокъ, онъ говорилъ:

— Фу ты, право, какъ скверно.

Костя, застывъ, не улыбался; мнѣ очень хотѣлось догадаться—о чемъ онъ думаетъ, отчего такъ измѣнился, не случилось ли что-нибудь очень важное? Охъ, если бы со мною было то же.

И я, одинъ разъ, громко это сказалъ. Костя потянулся и молвилъ:

— Друзья...—Долгомолчалъ, потомъ вздохнулъ, потупись.

Вздыхали же мы обычно и томилась отъ того, что хотѣли хоть нищей, хоть призрака любви.

Казалось, войди въ сумракъ нашей комнаты дѣвушка, попроси каждаго рассказать, какъ онъ могъ бы ее полюбить, протяни она бѣлую руку,—Господи, чего бы ни наслушались;

подлинно, полны мы были по горло сокровищами, о которыхъ и не снилось спокойнымъ людямъ въ удобныхъ спальняхъ.

Засыпали мы на восходѣ, когда въ инныя комнаты, и янаю, влетаетъ золотая пыль солнца; у насъ же только янѣе выступали пятна на стеклахъ. Мы закутывали головы и ворочались.

А днемъ шли на Невскій. Костя, шаркая подметками, шагаль впереди, стучаль тростью и вертѣль котелкомъ; за нимъ на кривыхъ ногахъ выступалъ Сенька въ американской шапкѣ и совсѣмъ каменѣль отъ низкихъ чувствъ. Позади плелся я, съ жалкой улыбкой взглядывая на проходящихъ дѣвушекъ, уже два раза впереди меня поцѣлованныхъ глазами.

Солнце, когда шли къ адмиралтейству, свѣтило въ лицо; мягкій асфальтъ жегъ подошвы; позади, въ перспективѣ Невскаго, висѣла голубоватая мгла, а передъ глазами—та серебряная, особая, почти лунная бѣлизна каменныхъ плитъ, домовъ, несущихся экипажей, стеколъ и рельсовыхъ полосъ; всю эту бѣлизну я часто видѣлъ во снѣ, представляя длинный рядъ пустыхъ, стеклянныхъ и пологихъ крышъ, доходящихъ до солнца.

Изъ этого свѣта, едва касаясь яркихъ и сухихъ плитъ, подходила дѣвушка, каждый день въ тотъ же часъ, и, шурясь, я видѣлъ большіе цвѣты на ея шляпкѣ, тоненькій станъ и, схваченныя внизу узкою юбкой, маленькія ноги, изъ-подъ которыхъ и позади нея лилось солнце.

А поровнявшись, я различалъ сѣрые веселые глаза, приподнятыя у висковъ брови и нѣжные, отъ улыбки еще болѣе нѣжные, подбородокъ и ротъ; и я, морща лобъ, все повертывалъ голову за проходившей; теперь она, одѣтая въ синее, въ желтой шляпкѣ съ макама, казалась маленькой и скромной въ голубоватой мглѣ.

Конечно, тотчасъ вслѣдъ проходили новыя дѣвушки, но я ни на кого уже не смотрѣлъ.

Сбоку тротуара лежали кучи желтыхъ шашекъ, пахнущихъ гудрономъ и сосной; работники топорами притесы-

вали торцы и вляли въ рядъ. Далѣ стояли извозчики, кареты и автомобили; оборванецъ ловко къ самому носу прохожаго подносилъ, предлагая купить, старый зонтикъ... А я долго еще улыбался, довольный встрѣчей.

Но вотъ, однажды, у Пассажа, я издали замѣтилъ мою незнакомку и заторопился, желая первый на нее взглянуть; изъ ревности я толкнулъ Сеньку локтемъ, но, когда я поровнялся съ Костей, онъ вдругъ приподнялъ котелокъ, низко поклонясь, подавъ незнакомкѣ руку, и я увидѣлъ его лицо — жалкое и сѣющее.

Вамъ вотъ, не жившимъ на „голубятняхъ“, не понять, какъ можетъ быть радостно до боли. Такой „голубятникъ“, какъ нашъ Костя, внезапно найдя радость, не вѣрится ей, считая ловушкой, предательствомъ, и все-таки поддавался.

Дѣвушка, вложивъ ему въ ладонь маленькую, стяннутую бѣлой перчаткой ручку, весело кивнула цвѣтами, и быстро перейдя улицу, оба они скрылись въ Гостиномъ дворѣ.

— Вотъ чортъ,—воскликнулъ Сенька басомъ,—идемъ за ними...

Но я, ухвативъ Сеньку, увлекъ его внизъ въ кофейню и зашепталъ:

— Дуракъ, ты ничего не понимаешь, онъ ей чуть въ ноги не поклонился.

Изъ кофейни я вмѣстѣ съ Сенькой вернулся домой и сталъ поджидать Костю. Мнѣ нужно было заглянуть ему въ глаза, и тогда въ меня бы перелилась его радость. Я хотѣлъ участвовать въ его тайнѣ.

Сенькѣ тоже было не по себѣ. Сначала онъ ругалъ Костю за скрытность, потомъ огорчился и объявилъ, что больше по-собачьи — безъ дамы сердца жить не можетъ. Я только плечами пожалъ.

Костя вернулся поздно, сѣлъ на подоконникъ и вдругъ тихо засмѣялся. Мнѣ захотѣлось встать и погладить его, но я продолжалъ сидѣть, какъ всегда, бокомъ къ столу, теребя бахрому на рукавѣ старого пальто. Сенька же воскликнулъ нарочно грубо:

— Недурнаго бабца подцѣнилъ, ловкачъ.

„Отвѣтъ же, обругай его“,—глазами попросилъ я; Костя сжался, всталъ, потолкался по комнатѣ и вышелъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, вѣдь нарочно пошлость скажешь. Ахъ, ты не понимаешь; будетъ несчастье,—кричалъ я на Сеньку; потомъ выбѣжалъ на дворъ, нагналъ Костю, прохвнулъ ему подъ локоть руку и сказалъ:

— Не сердись на Сеньку, онъ очень мучается; пойдемъ, поговоримъ.

— О чемъ вы хлопочете?—воскликнулъ Костя.—Я не понимаю, о чемъ поговорить?

Но я повелъ его изъ воротъ налѣво къ Фонтанкѣ черезъ грязноватая и сомнительная улочки, съ прошарканными тротуарами, съ каждой дверью, каждымъ подоконникомъ, захватанными нечистой рукой. Навстрѣчу намъ шли, стѣнливо покачиваясь, дѣвушки, одѣтыя въ темное, съ перетрытыми шляпами; задѣвали насъ и зубоскалили; парни въ картузахъ и прикаачики, одѣтые прилично, шли за дѣвушками, куря вонючій табакъ; иные вели подъ руку немного отставшихъ мѣщанокъ въ кружевныхъ платочкахъ, заупоенныхъ подъ толстыя кофты, въ юбкахъ, сбитыхъ назадъ и отлетавшихъ отъ удара пятокъ, и съ зонтиками, слишкомъ высокими, чтобы на нихъ опираться. Швейцары торчали у тускло-освѣщенныхъ подъѣздовъ; въ мелочной звякала подвальная дверь, тащились молчаливые извозчики; и въ грязные эти переулки изъ бѣловатаго неба свѣтила желтая луна.

Костя, отворачиваясь отъ меня, быстро взглядывался въ проходящихъ, потомъ съ гримасой поднять трость и сказалъ:

— У всѣхъ морды какія-то плоскія.

Онъ ударилъ тростью въ асфальтъ и побѣжалъ черезъ мостъ на площадь, которую полукругомъ обступили каменные колонны пустыхъ домовъ министерства.

У садика я опять ухватилъ Костю, говоря:

— Здѣсь хорошо, стоимъ... Что это все значитъ? Ну, скажи, Костя; почему ты скрываешь?

— Знаешь, она такая удивительная, милая, — проговорил Кости, закрыв ладонью глаза. — Она сказала: „Я заплачу, если еще раз увижу у вас грустные глаза“.

— Ты любишь ее, Костя? Да?

— Да.

— Ты, нашу, въ желтой шляпкѣ; Господи, какъ хорошо. Слушай, ты поймешь это. Я не могу больше плачаться. Въѣдъ это грязь, вонь... смотри. Я тоже — врунь и звонарь... И сегодня я понялъ, что не стою ея. Я, можетъ быть, выше ея по страданію, а она чистая... О ней нельзя говорить... Но я не радуюсь; ни минутки не забываю себя, не могу оторваться отъ этой пакости, въѣлась она въ меня, я словно мокрый; не могу выпрямиться. Что мнѣ дѣлать?

— Костя, милый, тебѣ это кажется; сейчасъ любовь сжигаетъ въ тебѣ все нечистое, а какъ сожжетъ, ты станешь чистымъ и забудешь даже все это; смѣшно будетъ...

Костя быстро приподнялся, схватилъ меня за шею и поцѣловалъ въ глаза, говоря:

— Больше ничего не говори... Пойдемъ.

Когда мы, обнявшись, подошли къ нашей двери, за нею въ темнотѣ, сморкался и шмыгалъ носомъ глупый Сенька...

Съ этого вечера Сенька одинъ бѣгалъ по Невскому, возвращаясь весь красный; свѣсивъ большія руки, садился на кровать и обиженнымъ голосомъ справлялся о Костѣ.

— Они встрѣчаются сегодня въ Лѣтнемъ, — отвѣчалъ я. — Еще вотъ что: ты оставилъ бы свои эти вынюхиванія на Невскомъ; не собака...

Сенька обижался и спрашивалъ:

— А ты у нихъ кѣмъ? у Кости-то съ той.. тебѣ, дружокъ, мало перепадаетъ...

— Этого не смѣй трогать, — сердился я, стуча кулакомъ, — это чисто.

— А я пачкунъ? Я хожу по солнцу, я творцомъ себя чувствую, а не брандахлыстомъ, какъ ты. Въ солнцѣ вся моя сила...

Сенька вскочилъ и расшвырялъ по комнатѣ этюдн.

кавказскія картинку „Таинственный боченокъ“, гдѣ былъ изображенъ мостъ, на мосту желтое днище бочки и надъ ней луна.

Шутку эту онъ понесъ къ своему какому-то благодѣтелю, который Сенькиной живописи терпѣть не могъ, но также не выносилъ тошаго его вида, давалъ иногда денегъ и просилъ только одного — этюдикъ до времени попридержать.

— Ты не сердись, — сказалъ я, прощая Сеньку, — отъ благодѣтеля вернись сюда, — купимъ цвѣтвъ и ужинъ; пригласитъ Костя и обрадуется... Смотри, иначе попадешь куда не нужно.

Костя не приходилъ изъ Лѣтнаго сада; Сенька тоже пропасть, не принося ни цвѣтвъ, ни ужина, и я ждалъ ихъ на балконѣ до вечера, радуясь тишинѣ и одиночеству; я давно не былъ по настоящему такъ одинокъ и печаленъ. Положивъ на подоконникѣ на темноту, я останавливался у окна и, глядя на голубое небо и на пятна извести, шепталъ:

— Милая дѣвушка, люби его, люби.

Костя разбудилъ меня, вернувшись около семи утра; онъ сѣлъ на мою кровать, и протыкая вѣки, я слышалъ, какъ онъ вдыхалъ, потомъ выхлѣлъ папирской; блѣдное, даже зеленоватое лицо его было растянуто улыбкой; папирскую онъ держалъ за кончикъ у носа и совсѣмъ свѣтлыми глазами глядѣлъ на стѣну.

— Ну? — спросилъ я. — Костя, она любитъ тебя, да?

— Я ничего не пилъ, — молвилъ Костя, — а сейчасъ все въ туманѣ; ты помнишь эти стихи: „Идите всѣ на зовъ вѣбды, смотрите, я горю предъ вами; я общаю вамъ сады съ неомраченными цвѣтами“. Именно съ неомраченными. Какую же нужно имѣть силу, чтобы сказать „неомраченные“, или наглость. Меня преслѣдуетъ эта строчка.

Костя прилегъ ко мнѣ и тихо продолжалъ:

— До трехъ часовъ мы сидѣли на балконѣ, и я нарочно рассказала всю свою жизнь. Она облокотилась на рѣшетку и коснулась моей щеки плечомъ... вотъ такъ; отъ

нея нахло цвѣтами. Я подумалъ: что же, пусть я навралъ про свою жизнь — вѣдь все не настоящее, словно сонъ; ты это пойми; подъ балкономъ проходили какія-то фигуры; мнѣ казалось, у нихъ нѣтъ плоти, словно я это ихъ выдумалъ, чтобы не было пусто на улицѣ. Помнишь, Жуковская упирается въ садъ; за садомъ догоралъ закатъ, внизу красный и тусклый; повыше сгрудились тучи, еще выше небо зеленѣло, какъ морская вода; а съ другою конца вставала несвѣтлая, большая луна, и обрывки облаковъ летѣли оттуда низко, какъ дымъ. Я подумалъ: какой же смыслъ всему этому; вѣдь если ничего нѣтъ, такъ все это и моя любовь только бредъ... Ахъ, ты не понимаешь! Тогда я увидѣлъ надъ головой тучу, такую и неподвижную, похожую на пѣтушину шпору (ты слѣдишь за мной?), и почему-то понималъ, что ей отъ вѣка назначено здѣсь висѣть пѣтушей шпорою, и все: закатъ, луна и моя дѣвушка — настоящее, а только я одинъ — эдакій вывертъ, раздвоенный и ничтожный. Я запутался. Я взялъ ея ладони, поцѣловалъ, приложилъ къ лицу и сказалъ: „Поѣдемъ за городъ; мнѣ хочется пройтись по землѣ, а не висѣть на балконѣ“. И когда на островахъ я увидѣлъ совсѣмъ прозрачныя деревья, снизу траву и синія озера, отъ которыхъ шелъ паръ, и золотое солнце, только-что залившее стволы, и большой огонекъ въ лимонадной будкѣ у моста, я опять ольгивалъ; сѣлъ на песокъ у ея милыхъ ножекъ и заплакалъ. Она обняла мою голову, словно хотѣла исцѣлить; а я не такъ ее понималъ и не то сказалъ... Я не могу забытья. Я спать не могу... я хочу во снѣ ее увидѣть...

Костя подошелъ къ своей постели, сдернулъ байковое одѣяло, закутался съ головою и легъ лицомъ къ стѣнѣ.

Сенька пришелъ черезъ часъ; поднявъ брови, поглядѣвъ на Костю, сказалъ: „ага!“ — медленно раздѣлся, оглянулъ себя, тощаго и костляваго, блудливо ухмыльнулся и вдругъ сталъ рассказывать, какъ провелъ эту ночь съ двумя длинноносими вѣтками.

— Пожалуйста, безъ подробностей, — проворчалъ я брезгливо, — лучше вотъ проспись и начни работать, иначе мы съ ума сойдемъ.

Сенька глухо оборвалъ рассказъ, легъ и потомъ сказалъ отчетливо:

— Такъ влюбиться въ солнце, умирать отъ любви — и разрѣшиться такой пакостью.

Потомъ, такъ и не заснувъ, онъ надѣлъ штаны и сталъ писать мой портретъ, молча и зло. Я же думалъ о Костѣ, рѣшивъ дать ему брому. На портретѣ мое лицо становилось то ярко-багровымъ, то зеленымъ, синимъ или канареечнымъ: у Сеньки внутри, должно быть, клокотало...

Наконецъ, онъ сунулъ кисти въ палитру, сѣлъ противъ полотна, долго глядѣлъ, плюнулъ и сказалъ:

— Лепенка какая-то. Вотъ и кончилось хожденіе по солнцу.

Глаза его налились слезами и углы губъ опустились. Я попробовалъ утѣшить, онъ же, быстро вскочивъ, продолжалъ:

— Это вы съ Костей скрываете отъ меня все хорошее, словно я пачкунъ. Вотъ и довели. Я такъ не хочу жить... уѣду къ чорту.

Долго еще жаловался Сенька, а я утѣшалъ его и новелъ гулять; а когда мы вернулись, Кости уже не было; онъ не пришелъ ни вечеромъ, ни ночью.

По утрамъ Сенька снова зашагалъ съ палитрой въ рукѣ, всматривался въ меня и совалъ кистями въ полотно. Краски, слишкомъ густо наложенныя, потускнѣли, формы покривились, лицо расплослось, стало плоскимъ, и я сказалъ:

— Сними краски и начни сначала.

Сенька съ ножомъ въ рукѣ подошелъ къ портрету, коснулся глаза, втянулъ шею, побагровѣлъ и, размахнувшись, волоснулъ полотно отъ угла и до угла. Постоялъ, потомъ, бесцельно, швырнулъ мнѣ ножъ подъ ноги и выбѣжалъ...

— Такъ, — сказалъ я; — и этотъ готовъ.

Въ жизни необыкновеннымъ кажется только то, что уже совершилось: но въ самый мигъ совершенія необычное представляется даже необходимымъ.

Такъ и я не удивился, когда, обезпеченный, наконецъ, отсутствіемъ друзей, пошелъ этимъ вечеромъ въ пивную напротивъ и встрѣтилъ Костю.

Хозяинъ пивной, Костинъ пріятель, красный, въ жилеткахъ и необыкновенно грязный, уводилъ обыкновенно Костю въ дальнюю комнату и давалъ водки въ чайникѣ, самъ при этомъ напиваясь до слезъ.

Я прошелъ прямо въ эту каморку, оклеенную дрянными, подъ орѣхъ, обоями, закашлялся отъ дыма и чада и въ зеленатоватомъ свѣтѣ газа разсмотрѣлъ въ углу у стола Костю, Сеньку, верхомъ на стулѣ, и хозяина, который клонясь нагъбо, вздрагивалъ и надувалъ щеки. Все молчали. Увидѣвъ меня, Костя быстро сказалъ:

— Я, братъ, смотался,—при этомъ махнулъ кулачкомъ, словно моль поймалъ, и присвиснулъ сквозъ зубы.

— Они у меня и ночевали, — сказалъ хозяинъ, — второй день пьютъ, и я черезъ нихъ зенки налилъ. Попаду я къ чертовой матери.

Беззвучно смѣясь, хозяинъ потянулся къ свѣтѣ и легъ вдоль нея, пробормотавъ:

— Черезъ пять минутъ разбуди!

Костю мой приходъ, должно быть, взволновалъ. Онъ поднялъ руку, завернулъ газъ, подперъ щеки и сказалъ:

— Такъ вотъ какія дѣла.

Въ окно проникъ немощный, неугасавшій свѣтъ ночи. Костя сжалъ мнѣ руку и продолжалъ:

— Я разочаровался въ ней, какъ видишь (онъ усмѣхнулся). Она—какъ всё (на минуту горло у него перехватило, и онъ жадно выпилъ). Она гдѣ-то у нотаріуса служить, чуть ли не за красоту взяли; не могу же я на ней жениться: я въ шестой книгѣ...

Костя закрылъ глаза; бѣлое, горбоносое лицо его застыло въ сумракѣ; потомъ положилъ ладони на лобъ и тихо сказалъ:

— Какой же я подлець и сволочь...

Сенька вскочилъ, опрокинулъ стулъ и закричалъ: „Это возмутительно!“—но, споткнувшись о хозяина, сѣлъ опять и засмѣялся.

Тогда Костя ущипнулъ меня и выскочилъ изъ пивной. Держа трость подъ мышкой, сдвинувъ котелокъ, онъ бѣжалъ посреди пустынныхъ улицъ, качаясь и разставляя ноги; мы пересѣкли Невскій, полный безшумно идущаго народа, просторный и словно заколоченный, повернули по Литейному, въ концѣ котораго за Невой горѣла заря, и остановились на пустынной Жуковской.

Костя, съ трудомъ перевода дыханіе, сказалъ медленно, словно горло его схватило жаромъ:

— Вонъ въ томъ дому, гдѣ люлька красильщиковъ виситъ, въ окнѣ свѣтъ: это она ждетъ меня... Я не пойду, не могу... я все тебѣ навралъ; я въ себѣ не воленъ, не умѣю любить, только мучиться могу... Вчера она стала на колѣни передъ моимъ кресломъ, глядѣла въ глаза, и говоритъ: „Ты солнышко мое, люби меня немножко, ты у меня одинъ на свѣтѣ“... Мнѣ первый разъ въ жизни стало стыдно; я вышелъ будто въ прихожую за папиросами и удралъ... къ трактирщику... Онъ солнышкомъ не зоветъ... знаетъ, кто я. Слушай, это неправда, ничего не было, никакой... я все выдумалъ... очень хотѣлось...

Костя оборвалъ, шагнулъ къ бѣлому дому; но вдругъ закусилъ губу, все сильнѣе задыхаясь; грудь у него высоко поднялась и заклокотала; съ тошнымъ стономъ онъ схватился за меня, медленно соскользнулъ на тротуаръ, легъ, подпернувъ руку, прижался щекой, словно тоскуя, засучилъ ноги, и изъ широко открытаго рта его полилась обильная кровь на бѣлыя плиты.

Этимъ кончилась наша весна. Сенька занялъ у благодѣтеля сто рублей и уѣхалъ въ Норвегію къ лейтенанту Глазу. А Костя, потерявъ слишкомъ много крови (такъ внезапно настигла его петербургская чахотка), черезъ не-

дѣлю скопчался, сказавъ: „Ну и слава Богу“. У кровати его стоялъ только я одинъ, глядя на восковое, красивое и нѣжное лицо Кости въ бѣлыхъ подушкахъ. Онъ казался задумавшимся. Потомъ черезъ сонные покои больницы вышелъ на Фонтанку. Около рѣшетки стояла дѣвушка, одушевивъ вуаль, и глядѣла на алый, желтоватый, тоскливый закатъ, который не въ силахъ ни погаснуть, ни вспыхнуть вновь. Рѣчная вода была ясная и темная; пустыми колодезными надами въ ней опрокинулись каменные дома; поплавокъ баржи съ дровами и лодки были привязаны къ ржавымъ кольцамъ, а на мостахъ, облокотясь о перила, торчали фигуры...

Я осторожно приблизился къ дѣвущкѣ, вглядываясь. Быть можетъ, это она?... Мнѣ этого очень хотѣлось. Дѣвушка немного обернула ко мнѣ профиль, пошла вдоль рѣшетки—я за ней. „Конечно, это она“—повторялъ я. Два раза я почти поровнялся, почти открылъ ротъ, почти сказалъ: „Послушайте нашъ Костя умеръ“.

А близъ Невского, гдѣ на зеленоматомъ востокѣ четыре темнѣли четыре упавшихъ всадника, держа за узды четверехъ взятенныхъ коней, къ дѣвущкѣ подошли... Я постоялъ и повернулъ обратно.

Потомъ я вернулся въ опустѣвшую комнату, сѣлъ у окна и принялся думать.

5-го июня 1911 года.

I.

Въ началѣ апрѣля ночь была темная, а земля такая тонкая, что лошаденка, дергаясь въ хомутѣ, насилу выворачивала изъ колдобинъ тяжелую тельгу, въ которой, выспавшись въ нахлестки, сидѣли мужики.

Мѣсто было глухое и перекопанное ямами по всей долигѣ, между озерами Кундрава и Лебяжьимъ, на юго-восточномъ склонѣ Урала. Налѣво, невидимый, глухо шумѣлъ боръ, а въ лицо сырой вѣтеръ гналъ острый и гниловатый запахъ вскрывшагося озера.

— Смотри, Лекся, не выверни подъ кручу, держи лѣвѣе,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ тому, кто правилъ. Правящій нагнулся и, силясь разглядѣть колени, натянулъ вожжи; лошаденка стала. Тогда явственно послышался плескъ воды, мягкій звонъ и шелестъ льдинъ, которая въ темнотѣ высовывались на берегъ, осыпались, и между ними бурлило студеное озеро.

Мужики прислушались—не настагаетъ ли конскій топотъ, не брешутъ ли собаки. Позади тельги фыркнулъ, а потомъ громко заржалъ краденый конь.

— Замолчи ты, маханъ, — сказалъ тотъ же голосъ, а другой, съ развальцемъ, произнесъ:

— По дому скучаетъ...

— Дымкомъ потянуло,—должно попова займа.

— Она и есть. Баринъ спитъ, повидимости. А не почитать ли сейчасъ, братцы?

Крякнувъ, одинъ изъ мужиковъ тяжело соскочилъ на землю, за нимъ другой и третій; оtoday, они пригнувшись, вглядываясь, а Лекся проворчалъ:

„Ловкачи, только баринъ половчѣе, онъ вастъ угодить...“

Въ это время, совсѣмъ близко, тивкнула собака, другая и, заливаясь, принялись бѣгать псы неподалеку вблизи невидимыхъ сейчасъ воротъ заимки. Мужики сѣли въ телѣгу и первый сказалъ:

— Эдакъ не ухватишься, мы ловчѣе подстроимъ; него, Наташка сказывала, деньги въ землѣ зарыты. Айда къ рыбаку...

Вскорѣ телѣга завернула въ лѣсъ, и собаки съ поповской заимки хотъ и выбѣгали, поднимая ухо, на поляну, скулили, но уже такъ — со стараго перепугу, и не было слышно болѣе ни стука колесъ, ни плеска по грязи копытъ.

Но струхнули собаки не даромъ, потому что въ станицѣ и кругомъ лежащихъ заимкахъ не было казака, который бы ночью въ полѣ, услышавъ позади себя грохотъ телѣги, и погналъ бы коня, оглядываясь въ страхъ и думая:

„Навѣрно, это Назарка Черный съ товарищами ѣдетъ на дубовой телѣгѣ“.

II.

Иванъ Семеновичъ проснулся на поповой заимкѣ, какъ всегда, въ семь часовъ, сощурился отъ луча свѣта ставно, сбросилъ ноги съ жесткой кровати, покрытой кошмой, а подъ ней полыню отъ блохъ, и потянулся, распахнувъ окно. Свѣжій вѣтеръ, пахнуцій озерной водой, зелеными почками и навозцемъ, поднялъ волосы на головѣ Ивана Семеновича и омылъ заспанные его глаза, зашепестилъ на столѣ письмомъ.

— Хорошо, — сказалъ Иванъ Семеновичъ, — ухъ, какъ славно, — и высунулся въ окно по поясъ.

Синее небо было еще прохладно, и по немъ плыли

даль снѣгъ, или облака, отражаясь въ большомъ озерѣ, то ясномъ, то, мѣстами, тронутомъ зыбью. На дальнемъ берегу, выскочившая сѣрыми крышами и двумя бѣлыми церквами въ водѣ, лежала станица Кундрава; направо отъ нея бѣжали красноватые поля вплоть до едва видныхъ лиловатыхъ горъ, дальнѣе берегъ круто поднимался, кое-гдѣ поросшій деревьями и перелѣсками, отступившими отъ темнаго бора. Древній этотъ боръ покрывалъ всю долину за озеромъ, окаймляя непроходимой чащей Лебяжье, взбирался на хребты, спускался вновь къ долинамъ и залегалъ вплоть до сѣвера, порѣзанный желѣзными путями, вырубаемый у Шайтанскихъ, Тагильскихъ заводовъ, палимый пожарами, но все еще дикій и темный. Водилось въ немъ много звѣрья: и лосей, и козъ, и бурыхъ медвѣдей, а на вершинахъ соеи сѣ сидѣли, прижавъ уши, желтые рыси, карауля путника, чтобы съ мяуканьемъ кинуться ему на грудь и перерезать горло.

Для этого-то звѣря и заѣхалъ сюда Иванъ Семеновичъ съ свѣтѣмъ со слугой Кучерищемъ, и не замѣтилъ, какъ подкакала Пасха. Да не все ли равно, гдѣ было жить Ивану Семеновичу: на Уральскомъ ли озерѣ, въ лѣсахъ Кавказа, или на сѣверѣ у поморовъ. Повсюду, гдѣ, не совсѣмъ еще выбитое, кричало на зарѣ звѣрье, пѣли птицы, токовали тетерева, — появлялся Иванъ Семеновичъ съ двухствольнымъ оружемъ за плечами, ко всему приглядываясь сѣрыми и спокойными глазами, въ страхъ за одно только — потерять ширь бродячей своей души.

— А трава-то ползеть, — сказалъ Иванъ Семеновичъ, поглядывая на чистую отъ снѣга, едва начинающую зеленѣть поляну между озеромъ и ветхой заимкой, у завалины которой было уже совсѣмъ сухо и пестрая курица на солище, опустивъ отъ удовольствія крылья, караулила пеструю мушку на стѣнѣ...—то-то, больно ужъ тревожить меня зеленая травка. Совсѣмъ весна.

Въ это время вошелъ Кучерище, неся самоваръ; Кучерище — было прозвище, данное, незная почему, слугѣ, кото-

рый былъ худъ отъ рождения, долгоносъ и бѣлобрысъ, а выражаться любитъ высокимъ слогомъ. Ставъ на столъ самоваръ, онъ сказалъ:

— Ночью Назарка Черный мимо проѣзжалъ. Надо бы его угостить соответственно ихнему душегубству. Что за подлый народъ...

— Какой тамъ Назарка, чего ты мелешь?

— Извольте на колени посмотреть, — вонъ какъ близко проѣхалъ; къ тому же я, какъ отъ моего организма за ворота выбѣгалъ, все и слышалъ...

Иванъ Семеновичъ усмѣхнулся и пошелъ за перегородку, гдѣ Кучерище ковшемъ принялся поливать ключевую воду на волосатые руки барина, на обвѣтренное отъ сибѣровъ лицо его, улыбка котораго была скрыта за каштановыми усами и курчавой бородой.

— А вѣдь завтра разговѣнье, Кучерище, — сказали Иванъ Семеновичъ, фыркая: — приготовь патроны.

III.

Въ апрѣлѣ вѣковой лѣсъ шумитъ по-особенному. Нѣтъ въ немъ скриповъ и тресковъ зимней стужи, когда въ морозной тишинѣ пробирается по рыхлому сибѣгу лось, нѣтъ жалобнаго свиста мокрыхъ осеннихъ вѣтвей, не шелеститъ онъ медвяно, какъ въ лѣтнее утро, и не рветъ его и не клонитъ съ тяжелымъ шумомъ гроза.

Весною, когда, уходя по ночамъ, таютъ въ лѣсныхъ оврагахъ сибѣга, и ясные ключи поблескиваютъ подъ желтой травой, когда вѣтеръ то угонитъ за край земли бѣлыя облака, то налетитъ на талыя вѣтви, лѣсъ зашумитъ медленно словно колдуетъ, замывая вешнія воды.

Иванъ Семеновичъ, неславно погружая въ мохъ тяжелые, выше колѣнъ, сапоги, медленно шелъ къ Лебяжьему озеру, поглядывая и усмѣхаясь, какъ всѣ охотники, стыдливые передъ лицомъ земли. Въ лощинахъ и ямахъ лежалъ еще

сѣрый сибѣгъ, а на бугоркахъ цвѣли желтенькіе цвѣты, раздвигая прошлогодніе листья; стволы сосенъ были красноватые, а дубы покрыты зеленымъ мхомъ.

Иванъ Семеновичъ чувствовалъ въ это утро преувеличенную рѣзвость въ ногахъ, поэтому и шелъ такъ тихо, не понимая, отчего ему безпокойно; какъ будто грудь раздвинулась, влетѣлъ туда душистый вѣтеръ, и сердцу стало пусто; вокругъ же набухали почки, все до-льняна напиналось солнцемъ, горѣло лицо, и руки жегъ вороненный стволъ ружья.

Когда сквозь голый тальникъ и орѣшню стала видна ясная гладь Лебяжьего озера, Иванъ Семеновичъ остановился, подумавъ:

„Такъ вотъ куда меня ноги несутъ“.

Сейчасъ же сдѣлалъ сердитое лицо, перешелъ дорогу, на которой чернѣли двѣ свѣжія колеи, и повернулъ было назадъ, но, втянувъ черезъ раздутыя ноздри запахъ травы, прѣлыхъ листьевъ, смолы сосновой, открылъ ротъ, словно задыхаясь, и сердце сжалось иѣжно и больно.

— Что за глупости, — громко сказалъ Иванъ Семеновичъ, — странно только, почему я зимой даже и не думалъ о Наташѣ, а теперь третій день...

Иванъ Семеновичъ опустилъ ружье, положилъ на него обѣ руки и, зажмурясь, ясно припомнилъ, занесенную сибѣгомъ на берегу озера, подъ горкой, избу рыбака Пignата, куда, несмотря на дурную славу старика, Иванъ Семеновичъ завертывалъ частенько, возвращаясь на лыжахъ. Подъ потолкомъ низкой избы на жердяхъ былъ растянутъ неводъ и свѣшивались гончарныя грузила; у закопѣтой печи при свѣтѣ коптелки, въ зимніе вечера, шелъ Пignатъ широкія сѣти, а если былъ собесѣдникъ, строго выговаривалъ, не поднимая отъ бичеви бѣлобородаго, иконописнаго лица своего:

— Пуцаго нѣтъ грѣха, какъ теперь пошли безбожники; ты можешь человѣка, къ слову говорю, порѣшить, и, если имѣешь вѣру, тебѣ, какъ разбойнику, все простится, — по-

тому что, убивая, ты зналъ, значить, на какую себя муку обрекаешь, а муки тамъ зачитаются пуще всего. А вотъ Наташка—какъ есть коза, нѣтъ въ ней души, а грѣхъ мой мало поролъ.

Наташа, кровать которой по другую сторону печи была задернута кумачевою занавѣской, сиживала у обледѣлаго окошка, глядѣла черезъ надыханную дырку на большій звѣзда, а днемъ — на больша сѣва озера и мурлыкала пѣсни, не слушая дѣдовыхъ словъ. Станъ у Наташи былъ крѣпкій, лицо маленькое, нахмуренное и на немъ зеленые глаза. А въ избѣ пахло дымкомъ, рыбьей чешуей, веревками и еще тѣмъ опаснымъ, отчего сейчасъ раздувались у Ивана Семеновича ноздри и приливала къ щекамъ кровь.

— Этого еще не хватало, — медленно проговорилъ Иванъ Семеновичъ, — застрять въ лѣсу изъ-за дѣвчонки... А сейчасъ она расцвѣла, навѣрно, какъ почка... двѣ недѣли ее не видалъ.

Не замѣтивъ, какъ сами завернули ноги, Иванъ Семеновичъ быстро сталъ огибать озеро и, ломая вѣтки, старался поскорѣе увидеть каменистую сопку, по ту сторону которой пригнѣдилась Игнатовая изба.

— Вотъ и горка, и Наташа, кажется, на камнѣ стоятъ, — сказалъ Иванъ Семеновичъ, на мигъ остановясь и опуская глаза.

На высококъ и каменистомъ пригоркѣ, поросшемъ, между сѣрыми плитами, корявой сосной, стояла, упираясь крѣпкими руками въ бока, Наташа и глядѣла внизъ.

На дѣвушкѣ, поверхъ красной и широкой юбки, надѣтъ былъ синій кафтанъ, разстегнутый на высокой груди, а волосы повязаны оранжевымъ платкомъ, концы котораго торчали на затылкѣ двумя ушами.

— Что-то давненько не захаживалъ, — сказала Наташа низкимъ, срывающимся на смѣхъ, голосомъ, — лѣзь ко мнѣ, я руку протяну.

— Здравствуй, Наташа, — проговорилъ Иванъ Семеновичъ, становясь рядомъ съ дѣвушкой на камень. — По-

шелъ было къ розговѣнно козочку подстрѣлить, да, видишь, къ тебѣ ноги занесли. Ты что-то ужъ очень красивая сегодня.

Наташа обернула высоко поставленную голову, прищурилась, янтарныя щеки ея залилъ румянецъ, маленькій подбородокъ и ротъ задрожали, и она засмѣялась, толкнувъ Ивана Семеновича въ плечо.

— Пѣтухъ, право пѣтухъ, ахъ ты, сударь мой.

— Чего смѣешься... Конечно, красивая...

— Красивая, да не для тебя...

— Сядемъ-ка сюда, я тебѣ вотъ что скажу...

Иванъ Семеновичъ тронулъ Наташино плечо, прося сесть, а она вдругъ, нахмурясь, отчего брови ея сошлись, взяла ружье и сказала:

— Какъ тебѣ не грѣшно въ Страстную субботу изъ ружья пыхать; дай-ка я отъ грѣха его къ дѣдушкѣ унесу...

И Наташа быстро побѣжала прочь, унося ружье; а на краю обрыва обернулась; вѣтеръ раздулъ ея юбку, хлестнулъ полой кафтана, и она, усмѣхнувшись сбѣжала внизъ.

— Наташа, — сказалъ Иванъ Семеновичъ, — глупая! — и, потихоньку смѣясь, дергалъ себя за бороду.

Наташа вернулась черезъ минуту.

IV.

— Дѣдушка не увидитъ насъ? — говорилъ Иванъ Семеновичъ, положивъ одурманенную голову на колѣни Наташи.

— Дѣдушка на эдакую кручу и не влѣзетъ, — отвѣчала дѣвушка, — медленно глядя волосы Ивана Семеновича; лицо у нея было блѣдное, а глаза, будто не видя, блуждали по вершинамъ сосенъ, по бѣлымъ облакамъ, видимымъ далече съ высокой сопки, — да онъ вѣдь къ заутрени пошелъ спозаранку: дѣдушка у насъ — богомольный.

— Наташа, почему ты на меня не смотришь, о чемъ ты все думаешь?

— Какъ тебѣ не совѣстно? — отвѣчала Наташа, — я же глухая, а ты меня тревожишь въ эдакій день.

Теплыя ея ладони, скользнувъ по волосамъ, крѣпко сжали щеки Ивана Семеновича, и, быстро нагнувшись, поглядѣла она сердито ему въ глаза, когда же Иванъ Семеновичъ потянулся къ ней, — медленно отстранилась.

— Я совсѣмъ, какъ пьяный, Наташа, дай я поцѣлую въ щеку.

— Нельзя.

— Когда же можно?

— Не знаю сама когда...

Наташа вдругъ усмѣхнулась, словно расцвѣла, углы ея рта приподнялись, освѣтились глаза и, наклонившись такъ, что грудь коснулась Ивана Семеновича, протянула она вдоль тѣла его руки и, покачивая головой, молвила:

— Можетъ быть, я тебя и полюблю, очень ты желанный.

Иванъ Семеновичъ взялъ ея руки и обвилъ ими свою шею: глядѣлъ на небо, и казалось ему, что бѣлый камень, вмѣстѣ съ пригоркомъ и соснами, медленно сплыветъ подъ облаками, и въ легкомъ этомъ движеніи словно уносился Иванъ Семеновичъ, обнимая Наташу, къ облакамъ, въ просторъ, и сердце падало, сжимаясь. Вдругъ со стороны кручи скрипнула дверь, и грубый голосъ позвалъ:

— Наталья, подь-ка сюда...

Наташа выпрямилась, сбросила голову Ивана Семеновича съ колѣнъ, побѣжала-было, но, вернувшись, легко присѣла, оперлась ладонями въ мохъ, поцѣловала въ лобъ и скрылась.

V.

Солнце медленно падало въ лиловое облако и, золотя его края, одѣвало сумерками низины, по полянамъ протяяло тѣни деревь и выпустило на волю вѣтеръ, зарябившій синее озеро, и вершины глухо зашумѣли вечернимъ шумомъ.

Иванъ Семеновичъ, голодный и продрогшій, все еще ждалъ Наташу, сидя на камнѣ. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ обрыву, глядя внизъ на трубу и земляную крышу избы, на перевернутыя сани, обрубокъ съ воткнутымъ топоромъ и пару продранныхъ лаптей на шесть; все было тихо. Онъ спускался внизъ, трогалъ запертую дверь и заглядывалъ въ оконце, негромко зоя: — „Наташа“. Одинъ разъ (но это показалось, навѣрно) всхлинули въ избѣ, или за-сѣбялись...

— Что за безобразіе, — то обхвативъ колѣни и раскачиваясь, то прилегая на локтѣ, бормоталъ Иванъ Семеновичъ, — почему она не приходитъ? Случилось, что ли, недоброе, или дуритъ? Право, сейчасъ встану и уйду; ружья нѣтъ. Фу, какъ нехорошо.

Но Иванъ Семеновичъ, конечно, не уходилъ, прикованный чарами дѣвушки къ холодящему камню, и вздрагивалъ, когда хрустѣла вѣтка вблизи.

А надъ лѣсомъ, издалека, летѣлъ теперь медленный звонъ: то звали къ великой заутрени, ударяя въ большой колоколъ, въ станицѣ Кундрава.

Слушая дальніе эти звуки, затосковалъ Иванъ Семеновичъ одинъ въ лѣсу, и подумалъ, не ушла ли Наташа въ церковь.

А солнце закатилось; туча окровавилась и погасла, заливъ озерную гладь тусклымъ свѣтомъ; внизу, между кустовъ, вился легкій туманъ, и, казалось, къ подножью сонки подходила вода: въ оранжевомъ закатѣ открылась зеленая завѣзда; вѣтеръ упалъ, и морозецъ сталъ пощипывать концы пальцевъ и носъ. Налѣво свиснулъ тетеревъ спозаранку ему откликнулся другой, и, ломая по берегу валежникъ, просунулъ къ водѣ вѣтвистую голову лоск; глотая хрустальную воду, билъ конькомъ и, отступивъ, закричалъ раскатисто на все озеро.

Иванъ Семеновичъ вытянулся, набравъ холоду полную грудь, и позвалъ:

— Наташа!

И, словно въ отвѣтъ ему, затопали подъ кручей тяжелые шаги: то нѣсколько человѣкъ взбирались на сопку. Иванъ Семеновичъ быстро обернулся: изъ-подъ кручи поднялась чернородая голова и другая, опухшая и рыжая...

— Во-время поспѣлъ,—сказалъ черный,—дождидается. Выхи его.

Иванъ Семеновичъ, отступая, повернулся, чтобы бѣжать, но съ пологаго спуска претградилъ ему путь высокій парень. Иванъ Семеновичъ, подскочивъ, вытанутой рукой ударилъ его, и парень, ахнувъ, упалъ, цѣпляясь за ноги. Двое первыхъ наскѣли на плечи; Иванъ Семеновичъ стиснулъ зубы, вытянулся, но руки его уже опутала ременная петля.

VI.

Въ Игнатовой избѣ, наклонясь у стола надъ копилкой, трое мужиковъ потрошили бумажникъ Ивана Семеновича. Самъ Иванъ Семеновичъ, связанный по рукамъ и ногамъ, лежалъ навзничъ на нарахъ и ободраннымъ языкомъ старался выпихнуть изъ рта кляпъ. За кумачевой перегородкой ворочалась Наташа, а у порога щепалъ лучины тощій парень, Лекся, Наташинъ братъ.

— Сто цѣлковыхъ и еще два, — сказалъ черный мужикъ, разгибая спину,—маловато, надо попытать—въ какомъ мѣстѣ у него остальные.

Мужики подошли къ нарамъ, и парень, захвативъ вмѣстѣ съ волосками, выдернулъ у Ивана Семеновича кляпъ изъ рта.

— Гдѣ деньги? — спросилъ черный, наклонясь къ самому лицу, и обдалъ Ивана Семеновича горячимъ духомъ водки, лука и крѣпкаго тѣла.

— Пытать будемъ, — тоскливо сказалъ парень.

— Развѣ это порядки? — молвилъ рыжій, шепелявя, — честью просимъ; тебѣ деньги на что? — пропыхиваешь ихъ изъ ружьяшка, а мы народъ рабочій.

— Денегъ у меня больше нѣтъ, всё въ бумажникѣ,—отвѣтилъ Иванъ Семеновичъ, обливаясь губы.

Мужики отошли къ окошку, совѣщаясь. Иванъ Семеновичъ внимательно слѣдилъ за каждымъ ихъ движеніемъ. Когда же Лекся, нащепавъ лучину, разжегъ самоваръ — въ тоскѣ завертѣлся, напрягая ногу, чтобы порвать ремень. Прошло немного времени. Тогда, легонько отогнуть занавѣску, выглянула Наташа, ища глазами, полными слезъ и страха, глазъ Ивана Семеновича. Онъ отвернулся и негромко застоналъ. Наташа, въ отчаяніи, приложила кулачки къ вискамъ, вытянула шею, шевеля губами, потомъ закрестилась, показывая на мужиковъ и тряся головой. Наконецъ, черный спросилъ громко:

— Самоваръ готовъ?

— Готовъ, — поспѣшно отвѣтилъ Лекся тонкимъ голосомъ и сейчасъ же вышелъ.

Мужики опять подошли; парень, снявъ съ себя ременной поясъ, оскалился и сталъ со всего плеча хлестать Ивана Семеновича по ногамъ. Иванъ Семеновичъ закричалъ сначала, потомъ закусилъ губу, зажмурилъ глаза.

— Ладно ужъ тебѣ,—сказалъ рыжій тихо,—чай, это не лошадь.—Баринъ, скажи, Христа ради.

— Нѣтъ у меня денегъ. Что, себя мнѣ, что ли, не жалко! Сталь бы я скрывать.

— Давай кипятокъ,—сказалъ черный, глядя исподлобья.

Наташа въ это время вскрикнула, выбѣжала изъ-за занавѣски, опрокинула ногой самоваръ и, заговорила:

— Не позволю шпарить, ахъ вы душегубы. Деньги бери, а его не трогай! Хочешь—меня шпарь! Все равно, черезъ васъ, проклятыхъ, себя погубила... Я знаю, нѣтъ у него дома денегъ, онъ самъ сказалъ:

Наташа наступала, размахивая руками, словно отбиваясь, зубы у нея открылись отъ страха и злобы.

— Молчи, сука,—сказалъ парень.

Рыжій мужикъ весело ударилъ себя по бокамъ, воскликнувъ:

— Ну и дѣвка! Атамань!—и засмѣялся, краснѣя съ натуги.

А чернѣй подошелъ къ Наташѣ. Но дѣвушка увернулась, подбѣжала къ нарамъ, откинулась, загоразживая Ивана Семеновича, и со всей силы толкнула чернаго въ грудь.

— Не шали, Наталья, — сказалъ онъ сурово; подошедшаго парня она ударила въ лицо, все не сводя глазъ съ чернаго, который, не торопясь, усмѣхался невесело, увѣренный, приземистый и крѣпкій.

— Ружье подъ нарами, заряжено, Наташа, — тихо сказали Иванъ Семеновичъ.

Наташа быстро нагнулась, но чернѣй отшвырнулъ ее, поднявъ ружье, взвелъ курки и сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ ты намъ не помощница...

Наташа закрыла голову, но рыжій мужикъ, отведя стволы, сказалъ степенно:

— Не годится нынче кровь проливать. Ты, милый, какъ хочешь меня зови, а этого тебѣ не позволю.

Глаза у чернаго налились, онъ засопѣлъ, и быть бы большой бѣдѣ, если бы снаружи не застучали конскія копыта; послышались неснѣжные голоса, и въ скрипящую дверь вошелъ крѣпкій, широкогрудый старикъ, держа пестрый узелокъ за уголки передъ собой.

Старикъ медленно положилъ узелокъ на лавку, снялъ шапку съ намазанныхъ масломъ бѣлыхъ волосъ своихъ, поклонился всѣмъ, подошелъ къ нарамъ, изъ кармана вынулъ складной ножикъ, разрѣзалъ ремни на рукахъ и ногахъ Ивана Семеновича, поклонился ему, сѣлъ у стола, положивъ передъ собою кулакъ, и сказалъ мужикамъ:

— Вотъ такъ-то, братцы, съ праздникомъ...

— Эдакъ, Игнатъ, мнѣ не нравится, — началъ было чернѣй, но старикъ перебилъ его, постучавъ.

— Нынче, Назаръ, я на клиросѣ пѣлъ, да и подумалъ: сегодня всякому малому звѣрю прощенье выходить. А вы вотъ какъ распорядились... Прости насъ, баринъ, ступай съ Богомъ, да держи языкъ за зубами.

VII.

На полпути къ поповой займкѣ, въ рѣдкомъ березнякѣ, догнала Ивана Семеновича Наташа, высокая и блѣдная въ сѣтѣ большихъ звѣздъ.

Запыхавшись, обняла она его, запрокинувъ залитое слезами лицо, глядѣла, не отрываясь, огромными, теперь темными глазами, въ которыхъ отразились двѣ синія звѣзды.

Иванъ Семеновичъ поспѣшно сталъ гладить волосы ея и щеки. Наташа, продолжая сжимать его, легонько вскрикивала, какъ раненая дикая коза. Отъ взглядовъ ея, отъ звѣздныхъ зрачковъ, отъ бѣлаго лица стало казаться все сномъ Ивану Семеновичу, и онъ медленно улыбнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, — зашептала Наташа и, оторвавшись, схватила за концы платка у шеи; постояла, медленно отвернулась, подняла плечи и побѣжала къ темной сѣтѣ сосенъ.

Иванъ Семеновичъ долго вглядывался въ деревья, за которыми скрылась Наташа, потомъ оглянулъ широкую поляну. По ней, легко клубясь, ходилъ туманъ, и березки, казалось, росли изъ его облаковъ, кое-гдѣ поблескивая, недвижныя и легкія. А въ небѣ, выкатившись изъ-за лѣса семью огромными звѣздами, стояла Большая Медвѣдница. Иванъ Семеновичъ закинулъ руки за шею и сказалъ:

— Весна.

Нашъ городокъ завалился за крутой горой у синей рѣки. Гора высокая и наверху поросла лѣсомъ; а всѣ дома и домишки обращены окнами на рѣку, что бѣжитъ Богъ знаетъ откуда, загибаетъ пологой дугой у горы и уходитъ на юго-западъ въ лѣса.

За лѣсомъ солнце каждый день садится на покой, и тогда окна въ городѣ загораются, какъ пожаръ, и путнику, бѣдующему издали по кочкамъ и тропамъ зарѣчной луговинки, радостно смотрѣть на яблоки церквей и кресты, и подъ ногами его въ лужахъ и перетокахъ играютъ красные отблески.

Теперь отъ города въ луга бѣжитъ песчаная насыпь съ двумя полосами рельсъ, пропадающая въ лѣсахъ, откуда два раза въ день вылетаетъ бѣлый дымъ и свиститъ машина.

Теперь лѣтомъ и зимой можно подъѣхать къ нашему городку, гдѣ на главной улицѣ въ праздничный день гуляютъ и начальникъ станціи, и телеграфистъ, и забѣжавшіе жулики.

Теперь горожанинъ запираетъ на ночь окна и двери Павелъ Ивановичъ, напримѣръ, живетъ за восемью желѣзными крюками; а Кузьму Кузьмича недавно нашли связаннымъ — во рту кланъ, горница студеная, спасибо котъ спасъ, легъ на животъ и предохраняетъ отъ простуды.

Теперь и мѣховъ меньше, и мясо дороже, а гарнирные инвалиды только слава, что со штыками ходятъ (раньше стояли у насъ калмыки въ ужасныхъ шалкахъ, съ луками

и стрѣлами — какъ черти), и въ церкви служатъ не такъ ужъ уютно, — все старое вывела желѣзная дорога за пятнадцать лѣтъ...

Не измѣнился только звонъ литыхъ колоколовъ, да, пожалуй, сапожникъ Терентій — человекъ необыкновенный.

Въ дни, одному Терентію понятные, одолеваятъ его злой сапой; когда же все это кончалось — лѣтомъ или зимой — уходилъ Терентій на рѣчку, неся удочки, а впереди бѣжала бѣлая его собачка, держа во рту ведро съ червями.

Завидя Терентія, увязывались и мальчишки за нимъ на рѣчку, — глядѣть, какъ сапожникъ будетъ ѣсть рыбу.

— Пескаръ — тонкая рыба, — говаривалъ Терентій, вытянувъ пескаря, — надо его умѣючи кушать, — и, хлебнувъ изъ пузырька водочки, ѣлъ пескаря живьемъ.

Мальчишки, толкая другъ друга, показывали пальцами Терентію въ ротъ, собачка глядѣла на поплавокъ, наставилъ уши, а Терентій, подмигнувъ, продолжалъ:

— Охъ, боюсь я, какъ бы изъ-подъ коряги опять водяной не вылѣзъ; не любить, когда на берегу кричатъ...

Мальчишки, зная терентьеву славу, разбѣгались въ страхъ; Терентій же, очень довольный, досиживалъ до темноты, когда въ рѣчной водѣ, за опрокинутымъ лѣсомъ, разливался и погасалъ багровый закатъ. Тогда, въ сумеркахъ, вытаскивалъ Терентій волосатую голову на ладонь и принимался пѣть жалобныя пѣсни — не то звалъ кого-то, не то жалѣлъ.

Слыша отчаянныя эти пѣсни, городскія кумушки, стоя у открытыхъ калитокъ, говорили другъ другу:

— Терентій опять воетъ. Что и за человекъ!

— Женить, что ли, его, вѣдь какъ мастаея...

— Кто за такого пойдетъ; развѣ не знаете, милыя, что съ Терентіемъ было?

— Слышала я что-то краемъ.

— Если бы не ночь, рассказала бы, милыя...

— Неужто деньги дѣлалъ?...

— Нѣтъ, не деньги... Слышите, какъ воетъ: вотъ оно что...

Неизвестно, выдаивала Терентій деньги или нѣтъ, но часы, напримѣръ, чинить отлично; вытряхивать клопов и мышей; и не только эта дрянь — черви въ лошадахъ случались Терентія: заговорить онъ ихъ на три зѣри, черви клубкомъ свернутся подъ лошадиной шкурой и вывалятся на павозъ.

Но кумушки у отворенныхъ калитокъ не знами и половини необыкновенной исторіи, которая произошла съ Терентіемъ, когда еще желѣзная дорога не пересѣкала отъ лѣса тонкую равнину; когда къ нашему городу можно было пройти только черезъ опасныя тропы или по снѣгу на лыжахъ; когда на рѣкѣ и въ узкихъ переулкахъ да въ ритахъ творились дѣла... Но ихъ на ночь и не вспоминать дучше.

Терентій пришель въ нашъ городъ босымъ парнишкой, съ мѣшкомъ за спиной, и назвался генеральскимъ сыномъ — „паненыа, моля, пролиять кровь черезъ турокъ, а я принужденъ добывать пропитаніе въ невѣжествѣ“.

Въ то давнее время у насъ враждовали и близки Кулычевы съ Капустинными. Старики Кулычевы и Капустины жили на краяхъ города въ скатныхъ избахъ, имѣя каждый по шести сыновей, много скота и урочищъ.

Старики гнѣвались другъ на друга, хорошо не зная — за чего (говорить, полсотни годовъ назадъ подрались Кулыгина съ Капустинной изъ-за куриного яйца). Окончивъ за день жнивье, или на покосѣ вечеромъ, непременно сиделись каждый съ шестью сыновьями на коней и скакали по мокрой травѣ до брѣха другъ къ другу съ разныхъ сторонъ, сильно бранясь.

А потомъ брали дубинки и сшибали другъ друга дубинками съ верха, общаясь другъ дружкѣ искоренить.

А осенью на свадьбахъ озорничали безъ разума. И трудно было сосѣдямъ звать ихъ, и отказать нельзя.

Но однажды стараго Кулычева свалилъ хмель посреди улицы. Прибѣжали Капустины ребята, схватили старика и сунули въ студеную рѣчку... А морозъ былъ сильный, и, пока сыновья отыскивали отца, примерзали отцовскіе са-

поги ко льду, отчего пришлось въ рѣкѣ ихъ такъ и оставить.

Тутъ вотъ и подвернулся Терентій, и въ два дня сшилъ Кулычеву первые свои сапоги съ двойнымъ скрипомъ за восемь гривенъ, на хозяйской кожѣ. Увидала сапоги сваха Кулыгина, побѣжала къ старику-Капустину и говорить, что Кулычеву, моля, генеральскій сынъ сапоги шьетъ.

Досадно стало Капустину, приказавъ онъ сыновьямъ сновить на кулычевскомъ огородѣ генеральскаго сына, апереть въ банѣ и предоставить шило и шкуръ — пусть шьетъ на всю семью сапоги съ кляточками, а награждать пусть обиды.

Въ банѣ Терентій и прожилъ всю зиму, а по веснѣ кулычевскіе ребята баню подожгли, Терентія похитили и увезли на покосъ. Терентій ничему этому не пренятствовалъ, переходить не споря, а деньги бралъ не стыдась.

А года черезъ три открылъ въ переулкѣ близъ улицы свою лавочку, развѣсивъ на двери сапоги, козловые коты для дѣвушекъ и простыя бахилы.

Потомъ сшилъ синій кафтанъ и присватался къ вдовушкѣ. Вдова была не прочь пойти за генеральскаго сына, но вдругъ, неизвестно почему, заперся Терентій въ своемъ домишкѣ, заказы не удовлетворяя, а когда за нуждой и появлялся на улицѣ, — смотрѣлъ сентябремъ. Пошли погодки, и вспомнили только, что до этого Терентій повадился на рѣкѣ рыбу ловить.

Но черезъ рыбную ловлю отчаяться человѣку нельзя, и бала, стало-быть, иная причина.

Шли года. Прошло не мало времени, Терентій не мѣнялся, — все такой же былъ хмурый, занойный временами и неподимъ, только открылся въ немъ талантъ заговаривать гада и вѣтъ живыхъ пещарей.

Горожане къ нему хотя и съ опаской, но привыкли. И вдругъ все разъяснилось сразу и очень необыкновенно.

До сихъ поръ еще проѣзжіе, шатаясь по городу (идеть по лѣзвюкъ и на дома смотреть — стало-быть, жуликъ, или

пробѣжій), много дивятся, стоя передъ лавкой Терентія, гдѣ надъ дверью на синей доскѣ написано voxрой: „Терентій Генераловъ“, слѣва нарисованъ генеральскій сапогъ со шпирой, а направо—голая съ рыбьимъ хвостомъ дѣвка.

Кажется, что бы нарисовать сапожнику на вывѣскѣ по своему ремеслу: шило, напимѣръ, и молотокъ, или теленка, съ котораго шкуру на шевро дерутъ, ну, себя нарисуй въ очкахъ и съ ремешкомъ на лбу... При чемъ же дѣвка?

Но выходило, что очень при чемъ: въ этой дѣвкѣ была причина терентьевскаго характера и вся его исторія, которая открылась черезъ Игната Давыдовича Чмокина—исправника, Царствіе ему Небесное.

Игнатъ Давыдовичъ былъ мужчина великой тучности и двадцать лѣтъ пилъ вино, а потомъ сразу перешелъ на чай, сидя весь день около самовара, и до того опился, что въ грудяхъ у него появилось молоко—подавишь и выльется. Отъ этого и померъ.

До чайной этой полосы одолѣвали Игната Давыдовича лютые черти. Несмотря на чинъ исправника и медали, черти глумились надъ нимъ по-своему. Игнатъ Давыдовичъ пробовалъ противъ чертей и мундиръ надѣвать и ногами на нихъ топалъ, считая, что черти, какъ жители подземные—подъ какой землей живутъ, той власти и должны повиноваться русскіе—русской, англійскіе—англиканской,—ничего не помогало.

Какъ вечеръ—лѣзеть изъ-подъ лавки кукишъ или хвостъ, схватишь—нѣтъ ничего; или въ темныхъ сѣняхъ чихнетъ въ лицо, какъ котъ, или вонь распустишь по всему дому.

На всякія штуки пускались черти, но во всемъ своемъ видѣ на глаза показываться ни одинъ еще не смѣлъ; а Игнатъ Давыдовичъ и этого ждалъ.

Обращался онъ къ бабамъ и колдуну, но совѣты ихъ не помогали.

Намекали ему и на Терентія. Прохудился одно время

сапогъ у Игната Давыдовича,—послалъ онъ десятскаго съ бляхой за сапожникомъ. Привелъ десятскій Терентія. Игнатъ Давыдовичъ снялъ сапогъ, затосковавшую ногу въ шерстяномъ чулкѣ потрогалъ, десятскому глазомъ показавъ ей вонь и говоритъ Терентію:

— Вотъ тутъ у меня сапогъ прохудился; усовершенствовать можешь?

— Все могу,—отвѣтилъ Терентій смѣло, потому что у него тоже былъ сапогъ.

Начиналъ его Терентій съ того, что нанималъ коня и въ кашемировой рубашкѣ катался взадъ и впередъ по улицѣ, пѣлъ и плакалъ.

Потомъ остервенился и съ топоромъ кидался на всякаго, кто останавливалъ Терентія въ переулкѣ, или, по дѣлу, стучалъ въ окно.

А послѣ всего желалъ Терентій душевно разговаривать, но это ему не удавалось: то щека его начинала прыгать сама по себѣ и всѣ потѣшались, или въ серединѣ разговора валился Терентій, куда ни попало, бормоча: „у меня же все-таки душа человѣческая, не могу больше такъ жить“. Слозь этихъ никто не понималъ. Терентія это еще хуже растравляло.

Въ такомъ именно разстройствѣ сидѣлъ онъ на полу передъ Игнатомъ Давыдычемъ, держа въ рукѣ сапогъ съ дыркой.

— Неужто все умѣешь?—спросилъ, Игнатъ Давыдычъ и тоскливо поглядѣлъ за окно.

Стояла на дворѣ зима, и въ снѣгу трещали крещенскіе морозы.

Подъ вечеръ народъ гулялъ, катаясь вдоль улицы на ковровыхъ санкахъ, съ лентами на конской гривѣ и нестройно дугѣ.

Подгулявшія бабенки, въ крытыхъ шубахъ и желтыхъ платкахъ, пѣли веселыя пѣсни, вповалку лежа въ саняхъ, и махали бутылками.

Молодцы задирали дѣвушекъ, толкая въ сугробы; подъ окнами ходили старики, хрустя снѣгомъ; у всѣхъ щеки

краснѣли, какъ кляква; и ужь скригѣли ворота, пришедшая пригнанныхъ съ рѣчки коровъ; солнце сѣло. И видя все это, Игнатъ Давыдовичъ тяжело вздохнулъ.

— Народъ гуляетъ, а я принужденъ маяться... Надоѣло очень,—сказалъ онъ и застегнулъ на костяныхъ пуговицахъ парусиновый съ медалями халатъ, въ который можно было помѣстить трехъ десятниковъ и писаря.

— Помочь можно,—отвѣтилъ Терентій и, скосивъ глаза, спросилъ.—Угарно?

— Страсть, такъ все и ползеть передъ глазами.

— Я самъ понимаю.

— Сдѣлай милость, Терентій, истреби ихъ словомъ какимъ, ты, говорятъ, мастеръ...

— Мастеръ, мастеръ, а самъ который годъ маюсь.

— Что ты?

— Вотъ вамъ—что! Самъ себя ихъ навязалъ и не черезъ вино, а черезъ воду.

— Какъ черезъ воду?

Но тутъ Терентій, сообразивъ, что проговорился, закрутилъ головой и смолкъ. Игнатъ Давыдычъ даже ногами на него затопалъ, потомъ повелъ носомъ, всталъ, упершись о сидѣнье, и сказалъ:

— Пирогъ принесли. Ну ладно, Терентій, окажу я тебѣ уваженіе, вѣдь ты все-таки генеральскій сынъ, идемъ со мной пирогъ ѣсть!

Голова у Терентія пошла кругомъ—виданое ли дѣло: у самого исправника пирогъ ѣсть!

Вскочилъ онъ тотчасъ на ноги, отказался до трехъ разъ и пошелъ вслѣдъ Игнату Давыдычу изъ канцеляріи, гдѣ они сапогъ примѣряли, въ столовую. А въ столовой отъ пирога шель такой пріятный чадъ, что кромѣ пирога ничего не было видно.

Исправникъ сѣлъ, расправилъ усы, показавъ Терентію на стулѣ, отрѣзалъ уголь у пирога и сказалъ:

— Ну-съ...

— Эхъ,—молвилъ Терентій,—зарокъ дасть, а вамъ

скажу... Съ русалкой я живу девять лѣтъ, какъ съ бабой...

Игнатъ Давыдычъ только что раскрылъ ротъ, поднесъ къ нему на вилкѣ не малый кусокъ, но при этихъ словахъ поперхнулся, отодвинулъ стулъ и спросилъ, выкативъ глаза: — Что ты?!

Потомъ раскрылъ ротъ пошире, зажмурился и принялся сглатывать такъ громко, что Терентій даже обидѣлся.

— Смѣшно вамъ, Игнатъ Давыдычъ,—сказалъ онъ,— а я принужденъ послѣ, какъ помру, въ рѣкѣ жить... Это мнѣ неудобно.

Исправникъ отсмѣялся, наконецъ, перекрестилъ себя сосцы, присанился и воскликнулъ:

— Ахъ ты мошенникъ, какъ же ты, безъ дозволенія начальства, съ гадомъ столько лѣтъ живешь? Почему раньше не доложить?

— Совѣстно, Игнатъ Давыдычъ, развѣ бы я пилъ, если бы не совѣстно.

— Гдѣ же ты ее поймалъ?

— Конечно, въ рѣкѣ, гдѣ онѣ и водятся. Около плѣшиваго камня, въ яру, тамъ ихъ плаваютъ видимо-невидимо.

— Слово на нихъ знаешь?

— Какое слово, сама навязалась...

— Все-таки баба, значить?

— Да. Рыбу ловить я большой охотникъ. Закинешь крючокъ съ наживой въ рѣку и жди; вода какъ пустая, а глядь—и тапчится со дна живая рыбина, даже руки трясутся. Такъ вотъ, плыву это я разъ подъ вечеръ на лодкѣ, гребу и ною, а позади леса тянется; мастеръ я былъ тогда романы читать—дворянское, знаете, занятіе, а къ невѣжеству я еще не совсѣмъ привыкъ. Вдругъ дернуло за лесу—и лодка стала. „Не можетъ быть, думаю, чтобы это рыба—крючокъ за корягу задрѣлъ“. Сталъ я на корму, лесу вокругъ руки обмоталъ, тяну и гаяжу на дно. И вижу—на днѣ вотъ эдакая рыбина хвостомъ повела, повернулась и показала бѣлое пузо.

Обмеръ я. Лѣвой рукой взялъ весло и сталъ къ бе-

регу подгребаться. А она видит, что хитрятъ, какъ потянула—я за лесой въ воду и бухнулся. Вынырнулъ, а лодку отнесло. Поплылъ я, стоя, къ берегу, а лесу крѣпко держу: боюсь только, чтобы рыба ноги не отбѣла. И совсѣмъ за кустъ ухватился и ужъ колѣнку задралъ,—какъ принялась она меня подъ мышки да подъ мышки пальцами щекотать. Я за кустъ держусь, а самъ хи-хи, смѣюсь, ха-ха, на верѣчку, даже слезы проступили, и страшно,—понимаю, кто щекочетъ. Оглянулся и вижу: пальчики прворные по мнѣ бѣгаютъ; вотъ-вотъ подъ воду уйду, сила нѣтъ... Козель меня выручитъ—покойной бабушки Лукерьи,—любопытное было животное; видитъ—человѣкъ барахтается и не своимъ голосомъ кричитъ, подбѣжалъ сталь надъ водой, рога оупустилъ, да какъ топшетъ копытами... Русалка тутъ же и притихла: боится она козлиного духа. Выдѣлъ я косъ, какъ, со страху лесу за собой тяну; иду, тяну, оглянулся, а надъ водой ужъ голова показалась,—такая красивая: брови подняла, ротъ, какъ у младенца... потомъ и по грудь вышла и на берегъ лѣзетъ (крячокъ у нея въ волосахъ запутался) и зоветъ тихонько: „Не бѣги, Терентій, возьми меня къ себѣ“. А мнѣ куда бѣжать! Какъ дуракъ, стою передъ ней; бѣлая она, волосы, какъ пепель, отъ колѣнъ рыбы ноги, а за ушками—красныя жаберки, вродѣ сережекъ. „Уходи,—говорю ей,—ну, что тебѣ нужно, я не подводный житель“.

„Очень ты мнѣ понравился,—отвѣчаетъ и руки сложила,—возьми меня къ себѣ, какъ жену. Я буду покорна“. Тутъ у меня, конечно, вь глазахъ помутнѣние пошло; поднялъ я камень; кинулъ въ козла, чтобы пересталъ пугать; самъ кафтанъ скинулъ, русалку обхватилъ, прикрылъ кафтаномъ; она присунулась, будто кошка тихонькая, и въ глаза глядитъ... И побѣжалъ я съ ней по задмамъ къ себѣ...

Игнатъ Давидычъ со страхомъ слушалъ Терентія. На дворѣ давно настали потемки, молодежь разбѣжалась по домамъ, а въ такой часъ, оборони Богъ, притащится кто-нибудь подъ окно изъ рѣчки съ рыбными ногами...

— Ну, какъ же ты вообще?—спросилъ Игнатъ Давидычъ и передъ носомъ помахалъ пальцами.

— Вообще, она женщина,—отвѣтилъ Терентій,—добрая и тихая и жалѣть меня нестерпимо. Только насчетъ пищи—сырую рыбу ѣсть и меня къ этому приучила. Жили мы очень хорошо. Разъ я ей и говорю: „Что же, Мавочка, на тебѣ креста нѣтъ?“ „Нѣтъ и нѣтъ,—отвѣчаетъ,—не нужеть онъ мнѣ; а будешь приставать—заплачу“. А я опять про свое: „У тебя, говорю, ноги чертовы. Ну виданое ли дѣло на рыбій хвостъ банмаки приладить“. Она смѣется. Пошелъ я и нашлся. И понялъ всю свою нивость. Пришелъ пьяный домой, думаю—ушибу ее, брошу въ рѣку, душу свою освобожу... А Мавочка мнѣ и говоритъ: „Ты вѣдь меня убить пришелъ... Меня убить нельзя, а ты лучше разгляди меня“. И показывается—бровки поднимаетъ, повернется, то волосами вся прикроется, то приметъ за усы меня дергать и щекотать пальцемъ. Съѣлъ я на лавку и заплакалъ. Тутъ она мудрости меня начала учить. Да что мнѣ въ мудрости... Православный народъ въ Царствіе Божіе пойдетъ, а я въ рѣчку, ихнимъ царемъ сидѣть. У нихъ такой обычай: со-старится ихній царь, посылають они русалку покрасивѣе къ людямъ—выбрать новаго царя. У нихъ цари изъ людей, не кое-какъ, да!

— Ты, значить, о превыненіи власти толкуешь; ахъ шельма,—сказалъ на это Игнатъ Давидычъ,—вотъ я тебя. А паспортъ у твоей животины есть?

— Паспорта у нея, дѣйствительно, нѣтъ, не полагается, Игнатъ Давидычъ.

— Теперь понимаю, отчего ко мнѣ черти лѣзутъ,—продолжалъ исправникъ,—разъ въ моемъ участѣ такое безобразіе развелось. Конечно, всякій повѣритъ, что съ моего согласія эта гадость. Ахъ ты, Терентій; а еще я тебя пирогомъ накормилъ.

Терентій принялся благодарить и кланяться.

Игнатъ же Давидычъ раздумывалъ: оставить ему это дѣло (не хотѣлось треньхаться послѣ пирога) или нѣтъ,—

как вдруг подь столомъ въ потемкахъ вильнуль ошпицанный хвостъ.

Игнатъ Давыдовичъ быстро его схватилъ, посмотрѣлъ въ ладонь—нѣтъ ничего, поднялся и приказалъ во весь голосъ:

— Веди меня къ ней, властью приказываю!

Повинуясь власти, повелъ Терентій Игната Давыдовича къ себѣ по снѣгу вдоль улицы, надъ которой входила ущербая луна.

На синеватый снѣгъ изъ окошекъ лился теплый свѣтъ, и, когда одурѣлая чья-нибудь голова, поднявъ запотѣлую раму, высывалась, клубомъ вылеталъ изъ окошка паръ и веселый смѣхъ и топотъ танцующихъ дѣвушекъ съ кавалерами.

Ахъ, шельмы распутныя, погоди—пресѣку это безобразіе,—говорилъ Игнатъ Давыдовичъ, держась за кушакъ Терентія, чтобы не свалиться;—а ну какъ, избави Богъ, ревизія нагрянетъ,—что стану отвѣчать?—въ городѣ Содомъ и бѣсовское дѣйство.

Терентій же завернулъ въ переулокъ и, ставъ у занесенной стурбомъ двери, вынулъ ключикъ, отомкнулъ замочекъ и сказалъ со вздохомъ:

— Пожалуйте, убѣдитесь...

Игнатъ Давыдычъ, постучавъ оснѣженными валенками, нагнувъ подъ низкимъ косякомъ голову, вошелъ въ избу и тотчасъ въ смущеніи сѣлъ у дверей на стульчикъ... Посреди пола на бѣлой кошмѣ лежала, подпиравъ кулачкомъ румяную щеку, русалка; въ другомъ кулачкѣ она держала мышь. Длинная спина русалки свѣтилась, какъ раковина, подъ свѣтомъ лампы въ кругѣ у потолка; темные волосы, въ четыре косы, лежали на круглыхъ плечахъ и кошмѣ, а рыбы зеленяя ступни похлопывали.

Русалка подняла на исправника чернобровое лицо и, открывъ зубы, засмѣялась, отчего красныя жаберки у нея за ушами оттопырились.

— Совѣстно, ушла бы за перегородку одѣться,—сказалъ Терентій, стоя у печки съ палкой въ рукѣ.

Русалка медленно поднялась, не стыдась подошла, переступая на лапкахъ, къ Игнату Давыдычу и засмѣялась къ круглому его съ красными усами лицу.

Игнатъ Давыдычъ самъ ухмыльнулся, и бросило его въ жаръ: а ну, какъ защекочетъ?

— Не дозволяется,—сказалъ онъ,—и, вообще, не указано насчетъ жительствова...

Бормоча такъ, Игнатъ Давыдовичъ вынулъ изъ vareжки руку и пальцемъ потрогалъ русалкину грудь.

Русалка придвинулась и быстро пощекотала у него подъ брытѣмъ подбородкомъ.

Губы у Игната Давыдовича размякли, и онъ сложилъ ихъ въ трубку, порыва чмокнуть. На залпыше глаза поползали веселыя морщины, и онъ уже до половины сползъ со стула, стараясь ухватить ловкую дѣвчонку, какъ вдругъ ударилъ его Терентій по рукамъ и, заслонивъ русалку, красный и злой, воскликнулъ:

— Не смѣй, не твое! Пожалуйте на улицу...

— Ты это меня ударилъ?—спросилъ Игнатъ Давыдычъ.

Русалка же опечалилась, глядя исподлобья.

Игнатъ Давыдычъ попытался къ двери; Терентій напиралъ, сопя и косясь на топоръ. Тогда русалка схватила Терентія за руки и хотѣла покружить по избѣ...

Но Терентій крикнулъ:

— Не мѣшай, не я, такъ онъ со свѣту сживетъ.—Толкнулъ русалку и нагнулся за топоромъ.

Русалка отлетѣла, покрутилась и выѣхалась въ халатъ Игнату Давыдовичу.

А Игнатъ Давыдовичъ пхнулъ ногой дверь и, подхвативъ русалку, съ крикомъ выбѣжалъ на улицу.

За нимъ выскочилъ и Терентій съ топоромъ, но отъ злости запутался въ снѣгахъ, а когда, опрокидывая горшки и кадки, завернулъ, наконецъ, скривя зубами, за уголъ на улицу—удалекъ вдоль домовъ по снѣгу, залитому луннымъ свѣтомъ, голубая, какъ тѣнь, несла русалка; за ней послѣднѣе исправникъ, стрѣлая изъ пистолета и крича:

— Держи, держи!..

Слыша выстрѣлы и крики, кинулся веселый народъ къ окнамъ, увидѣлъ заветывающаго къ рѣкѣ исправника и Терентія съ топоромъ, и, такъ какъ въ городѣ подобнаго никогда не случалось, повалили народъ изъ теплыхъ избъ на морозъ и на рѣчку тѣсной толпой.

Когда же прибѣжали на рѣчку, всѣ увидѣли на льду около проруби, исправника, который, раскинувъ шубу, глядѣлъ въ черную воду, а напротивъ сидѣлъ Терентій, крутилъ головой и навзрыдъ плакалъ, не вытираясь.

Оба до того были пьяны, что ихъ взяли подъ руки и развели по домамъ.

Исправникъ спалъ полторы сутки, крича во снѣ и колотя вокругъ себя кулаками, а когда проснулся, вышелъ на площадь и всенародно объявилъ, что видѣлъ чорта въ образѣ бабы и гнался до рѣки, а баба нырнула смѣло въ прорубь и оттуда была голосъ:

— Не пей!

Такъ Игнатъ Давыдычъ закалялся и, загазавъ молебень, велѣлъ лавочнику доставить къ себѣ на домъ трехведерный самоваръ, чаю цыбикъ и голову сахару, а постомъ—изюмъ.

Что изъ этого вышло—уже сказано.

А Терентій долго не показывался на улицу; сосѣди слышали по ночамъ, какъ онъ вылъ, словно песъ въ опустѣломъ домѣ, и тосковалъ до тѣхъ поръ, пока душу не отвелъ, написавъ синюю вывѣску съ русалкой и сапогомъ.

Такъ вотъ что случилось въ нашемъ городкѣ въ давнее время.

Жители вѣрятъ этой исторіи. И какъ же не вѣрять, когда каждый день проходитъ съ ведеркомъ и удочками на рѣчку Терентій, темный, какъ туча, и, сидя на берегу, поетъ не своимъ голосомъ—сердце надрываетъ.

А забѣжкіе смѣются нашему разсказу. Ну, да теперь надо всѣмъ смѣются: вѣры ни у кого нѣтъ.

Повесть В. Бяжину.

I.

По правую сторону Невскаго, если идти отъ Невы, въ улицѣ, съ названіемъ, ясно опредѣляющимъ живущихъ тамъ людей, стоятъ желтые многоэтажные дома, не старые и не новые, построенные, должно быть, архитекторомъ, у котораго всегда болѣла голова.

Въ домахъ этихъ, съ унылыми, кое-гдѣ прилѣпленными карнизами, съ небольшими окнами, раздѣнными сыростью, прорублены низкія ворота, которыя ведутъ въ глухой дворъ, подобный колодцу, изъ котораго ушла вода, оставивъ плесень и гнѣзда крысъ.

Населеніе двора отлично знакомо паспортисту, и это его тайна; всякій же посторонній, сколько бы ни вглядывался въ окна, гдѣ всѣ занавѣски похожи одна на другую, такъ же какъ бутылки съ молокомъ и подвѣшенная колбаса въ азамикѣ, ни за что не узнаетъ: чѣмъ занимаются люди за этими окнами, да и люди ли они?

Такъ думалъ Прошка Черемясевъ, обходя внутри двора подъѣзды, чтобы найти нужный ему номеръ квартиры 113-й.

Не найдя, поправилъ Прошка пенсиз, отошелъ на середину и, задравъ голову, оглянулъ на облупленныхъ стѣнахъ всѣ пять рядовъ оконъ; въ одномъ окнѣ, нарушая однообразіе, былъ высунутъ угломъ тофякъ.

Но Прошка видѣлъ все это неясно, и дворъ казался

ему особенно желтымъ, потому что надъ крышами и трубами мчался съ моря на сѣверъ густой и душный туманъ.

Туманъ былъ глаза, забираясь подъ пальто и разгнать грязь по камнямъ, на которые, съ чмоканьемъ, ступали Прошкины башмаки.

— Найдешь тутъ чорта,—сказалъ Прошка, наконецъ, и сунувъ руки въ карманы, повернулъ-было назадъ, но замѣтилъ стоящаго около него дворника въ романовскомъ подшубкѣ...

— Сто тринадцатый—подъ вторыя ворота направо,—сказалъ дворникъ, сплюнуть на пробѣжавшую собачонку, и вдругъ заглянулъ въ глаза Прошкѣ, который сейчасть же отвернулся и пошелъ, куда ему сказали, думая:

— Обо всемъ дворники знаютъ, поди отъ нихъ скройся, ничего не скроешь.

На крутой лѣстницѣ, ведущей въ 113-й, изъ внезапно отворенныхъ дверей вылетѣлъ капустный чадъ; но Прошка, пробѣжавъ съ утра за поисками комнаты, радовался теплу и думалъ:

— Довольно уютная лѣстница, вотъ только бы хозяева подошли: я люблю людей сердечныхъ.

На послѣднюю площадку открывались двѣ двери; на правой Прошка прочелъ жестяную вывѣску: „Редація юмористическаго журнала“, на лѣвой же былъ прибитъ номерокъ 113-й и подъ нимъ по желтой краскѣ чернилами выведено: „Фалалей Мушцикинъ и портниха“, причемъ портниха—подчеркнуто мѣломъ. Половинка двери около ручки заергана дочерна и къ звонку привязана веревка съ узломъ.

— Что за чушь,—подумалъ Прошка, прочтя все это.—Ну, дай Богъ,—и позвонилъ.

Дверь тотчасъ же отворилась, кто-то (въ темнотѣ прихожей не было видно) шаркнулъ ногой и, сказавъ: пожайдите, хихикнулъ.

— Я насчетъ комнаты,—проговорилъ Прошка робко и пошелъ по узкому коридору вслѣдъ за тѣмъ, кто затворялъ

впереди боковыя двери и отворялъ въ концѣ послѣднюю, сказавъ любезно:

— Вотъ, помѣщайтесь, какъ дома, у насъ тепло и весело.—Пропустилъ Прошку впередъ и повернулся къ свѣту.

Тогда Прошка увидѣлъ свѣтлую бороду у этого человека, расчесанную по-жандармски на стороны, длинные волосы и открытое, съ бодрымъ взоромъ и улыбкой, очень блѣдное лицо.

— Фалалей Мушцикинъ,—воскликнулъ человекъ и тотчасъ же вышелъ, причемъ за дверь опять принялся тихо смѣяться—или показалось это только Прошкѣ.

Комната была длинная и узкая съ окномъ въ концѣ и краснымъ диванчикомъ, а противъ двери стояла кровать и въ ногахъ ея круглая печка. Вотъ и все. Но Прошкѣ это понравилось и, потирая руки, онъ сѣлъ на диванъ, поглядывая, какъ догорали въ печкѣ дрова.

— Однако,—подумалъ Прошка,—усталъ же я, или здѣсь очень жарко въ пальто сидѣть. Отличная комната, уютно, какъ дома.

Прошка облокотился, подперевъ щеку, и устало вытянулъ ноги.

— Сейчасть за чемоданомъ съѣзжу,—сказалъ онъ,—вотъ только бы не заснуть.—И, мотнувъ головой, заснулъ.

II.

Проснулся Прошка отъ шума и топота, но, открывъ одинъ глазъ, увидѣлъ, что все по-прежнему тихо, только, присѣвъ у печки, возится желѣзной кочергою Фалалей, одѣтый въ желтый пиджачокъ.

Прошка не сразу узналъ Фалалея; сначала показалось ему, что сумерки эти у нихъ въ деревнѣ, печь топить нянька, на дворѣ лютый морозъ расплываетъ стекла, несмѣшно по снѣгу бѣгаютъ собаки, нюхая мерзлый помѣтъ, и беспечальный, однообразный будетъ сегодня вечеръ, такой же, какъ вчера.

Но Фаламей повернулся, кудрый пиджачокъ залѣвъ ему на затылокъ, и лицо, красное отъ углей, усмѣхнулось.

— Все еще спитъ,—прошепталъ Фаламей.

Тогда Прошка, стяхивая чары, потянулся, сдержавъ зѣвоту, и потеръ лицо.

— Кажется, я заснулъ,—сказалъ онъ.—Вотъ штука, усталъ очень.

— Спите, спите, я люблю когда спать; самому-то мнѣ мало приходится,—продолжалъ Фаламей и, присѣвъ на диванъ, улыбнулся такъ простодушно, подмигнувъ при этомъ, что Прошка, еще теплый отъ сна, потянулся къ нему и сказалъ радостно:

— Мнѣ ужасно здѣсь нравится; если не выгоните, я долго проживу.

— Это хорошо, что вамъ понравилось. У насъ подолгу житье,—говорилъ Фаламей.—Я люблю жильцовъ тихихъ, сонныхъ; курсистокъ, напимѣръ, терпѣть не могу: онѣ меня вопросамъ учить хотятъ, а я, извините, политики терпѣть не могу; еще одинъ музыкантъ прижиться хотѣлъ, да выдумалъ на зарѣ въ трубу дудѣть. А у меня сестра-съ.

Фаламей говорилъ очень быстро, вскидывая волосы и хлопая по колѣнкѣ не только себя, но и Прошку, который отъ готовности даже придвинулся поближе.

— У меня сестра-съ, шитьемъ платье въ занимается на балерину Першинскую,—инихъ заказовъ и не беретъ: балеринѣ еженедѣльно бальное платье надобно и каждый день юбки-съ; какъ придетъ примѣрять, я ее и вижу въ натурѣ-съ, и, знаете, больше черезъ это страдаю: до нихъ рукой не достанешь, онѣ въ Императорскомъ театрѣ играютъ; а я только мелкій чиновникъ, и даже совсѣмъ безъ чиновъ, занятъ до шести, а послѣ шести, что прикажете дѣлать? въ особенности по праздникамъ. Такъ я въ остальное время жильцовъ своихъ развлекаю и черезъ это самъ весьма веселюсь.

Фаламей поднялъ обѣ колѣнки и, закатываясь смѣхомъ, проговорилъ:

— Рядомъ съ вами Валерьянъ Семиразовъ живетъ—литераторъ. Да итъ, лучше я его самолично представлю.

И Фаламей, одернувъ теплый жилетъ, убѣжалъ, шаркая ногами, а Прошка сталъ потягиваться и кряхтѣть, думая, какъ приятно будетъ жить въ этомъ теплѣ съ такимъ добрякомъ Фалалеемъ... Представить только—какую благодать можно найти въ туманномъ Петербургѣ!

— Сборъ друзей!—закричалъ въ это время Фаламей,—втаскивая за руку Семиразова, на которомъ, отъ худобы, болтался коричневый, въ клѣточку, сюртукъ, спереди сръ-занный.— Знакомьтесь и на радостяхъ сметаемъ-ка въ кабачокъ.

— Здравствуйте,—проговорилъ Семиразовъ, гнусава.—Извините, что онъ меня притащилъ; вамъ, быть можетъ, не приятно видѣть меня.—И, криво усмѣхнувшись, онъ заложилъ руку за бортъ и попятился.

— Что вы,—забормоталъ Прошка, — я ужасно радъ и вообще доволенъ.— Онъ поглядѣлъ на Фаладея и вдругъ хлопнулъ его по спинѣ, что означало: выпьемъ!

Но Фаладей, вмѣсто радости, рассердился, пристально поглядѣлъ на Прошку и сказалъ рѣзко:

— Я это припомню.

— Ладно вамъ,—молвилъ Семиразовъ уныло, — спина не отвалится.

Но прошло довольно времени, пока возстановилась прежняя веселость. Прошка, примирясь, надвинулъ на уши картузъ и воскликнулъ:

— Вы меня подождите, я за единый духъ въ клинику за чемоданомъ летаю.—Побѣжалъ по коридору и запутался въ дверяхъ. Но здѣсь случилось приключеніе, которое и затемнило сознание его до самаго конца.

III.

Въ коридоръ выходило много дверей; одна изъ нихъ была полуоткрыта; думая, что она-то и ведетъ въ прихожую,

Прошка распахнул ее совѣтъ и сталъ, отъ удивленія вытянувъ шею.

Передъ нимъ была небольшая и затхлая комната; подъ потолкомъ въ ней горѣла лампа, освѣщая двѣ очень странныя фигуры, неподвижно сидѣвшія у стола держа въ рукахъ по стакану. Въ одной изъ фигуръ, которая сморщилась, какъ бы готовясь чихнуть, узналъ Прошка Семиразова; другой же былъ Фалалей. Закинувъ голову, онъ смѣялся; но звуковъ не было слышно, словно все застыло на мгновенье.

Ничего не понимая, зажмурился Прошка, а его въ это время схватили свадѣ за плечи, вытащили въ коридоръ, хлопнули дверью, и голосъ Фалалея надъ ухомъ прошипѣлъ:

— Что вы за нахаль такой, въ самомъ дѣлѣ...

Молча высвободился Прошка изъ его рукъ, поспѣшно ушелъ на лѣстницу и, уже на дворѣ, набралъ полный ротъ воздуха, закашлялся и сказалъ:

— Вотъ неприятность.

Дѣйствительно, все, чего не понималъ Прошка, казалось ему неприятнымъ и враждебнымъ. Читая, напримѣръ, современные стихи, чувствовалъ онъ неудобство и сердился, словно авторъ водилъ его, завязавъ глаза, по улицѣ, гдѣ лягались лошади.

Но книгу стиховъ бросить можно подъ столъ, а отъ Фалалея и Семиразова этакъ не отдѣлаешься.

Прошка сѣлъ на извозчика и, согнувшись, сталъ думать: зачѣмъ это его путаютъ и морочатъ, когда и такъ все вообще залуточно и заморочено. Никогда, напримѣръ, не догадаться, куда это бѣжитъ толстый офицеръ, гремя саблей, или что означаетъ на вывѣскѣ слово: пекліе; все—извозчики, вертлявыя дамы, зеленые дураки съ афишами—пролетаетъ мимо глазъ, и не успѣешь ни понять ничего, ни разглядѣть, словно во всемъ городѣ настоящій и есть одинъ Прошка, а остальное—призраки. Совѣтъ не то въ деревенской, снѣжной теперѣ, степи, гдѣ понятенъ каждый кусти, и если бѣжитъ собака—значитъ чувствуетъ заячьи слѣды.

— Можетъ быть, тамъ въ коридорѣ показалось только...— подумалъ Прошка.— Надо бы еще недѣльку полежать въ клиникѣ.— Онъ поднялъ голову, желая увидѣть хоть просвѣтъ во мглѣ, но вверху летѣлъ матовыми облаками все тотъ же душный, желтый туманъ.

IV.

Въ клинику Прошка попалъ послѣ конкурсныхъ экзаменовъ, передъ которыми три мѣсяца работалъ день и ночь, съ пятнадцатю такими же, какъ самъ онъ, птенцами изъ провинціи, желающими пробить скорлупу свою въ Петербургѣ.

По ночамъ, чтобы не заснуть, нюхали они всѣ нашатырный спиртъ, умудряясь надъ задачами Шмулевича, и только два часа на дню отдыхали, играя въ чушки, или купались въ Финскомъ заливѣ.

Вотъ тамъ-то на берегу и увидѣлъ Прошка удивительную дѣвушку. Она была одѣта въ купальную рубашку, и красный ея чепчикъ походилъ на мухоморъ; притворивъ будку, она, смѣясь и шурясь на солнце надъ косогоромъ, пошла, весело расплескивая воду, по мелкому дну, относя голую руку и приподнимая рубашку до колѣнъ. Увидя все это, Прошка, словно каменный, повернулся лицомъ къ лѣсу, и спать съ тѣхъ поръ не могъ. Онъ сталъ видѣть наяву всякую чепуху, въ которой всегда участвовала та дѣвушка съ худыми руками и колѣнями, какъ медальоны.

А на другой день послѣ экзаменовъ, ночью, раздѣлся Прошка до бѣлья и съ будильникомъ въ рукахъ побѣждалъ на улицу кого-то прельстить (будильникъ же взять по привычкѣ, чтобы не проспать), но товарищи связали его, отвезли въ лечебницу, гдѣ Прошка и пролежалъ два съ половиной мѣсяца, вплоть до сегодняшняго дня.

Къ лечебницѣ этой Прошка теперь подѣзжалъ, стараясь казаться безопаснымъ.

Навстрѣчу ему въ общую залу, гдѣ стоялъ бильярдъ, выбѣжалъ кретинъ, ростомъ съ младенца, но уже старый, обхватилъ Прошкину ногу и замычалъ, стараясь выговорить что-то опущимъ своимъ ртомъ, но языкъ, выпадая, не слушался, и уродецъ заплакалъ. Прошка обнялъ его и обратился къ стоявшему около бильярда высокому старику въ соломенной шляпѣ и съ парусиновымъ зонтомъ:

— Не придется намъ, видно, больше играть—уѣзжаю я на волю.

— Ну, и чертъ съ вами,—отвѣтилъ старикъ и, сунувъ зонтикъ подъ мышку, сталъ быстро писать несущестующимъ перомъ по несуществующей бумагѣ, бормоча:— Я приказъ пошлю, кому нужно, вернуть васъ живого или мертваго.

Съ тоскою глядѣлъ Прошка на старика, потомъ замолчалъ и подумалъ:

„Вѣдь они безумные, а не я“.

Но неотступно давила его одна мысль, которую никакъ онъ не могъ разрѣшить.

Въ задумчивости уложилъ Прошка чемоданъ, зашелъ къ доктору, простился со всѣми и, садясь уже на извозчика, подпрыгнулъ вдругъ, радостно закричавъ:

— Конечно же, вѣдь это куклы были, Господи Боже, какъ я радъ...

Но радоваться Прошкѣ было нечему, потому что дальѣйшее еще хуже разбередило его еще не поджившую волю.

V.

Вбѣжавъ въ Фалалееву квартиру, бросилъ Прошка въ прихожей чемоданъ и схватилъ Фалалея за пуговицу, говоря весело:

— Напугали вы меня, Фалалей Петровичъ... Ну и шутникъ же вы, ну и мастеръ! Вѣдь это были куклы! Покажите же мнѣ ихъ хорошенько.

Фалалей усмѣхнулся, побренчалъ цѣпочкой, на которой висѣли двое часовъ съ двухъ сторонъ, и спросилъ:

— А вы что-нибудь видѣли въ комнатѣ?

— Конечно.

И Прошка рассказалъ все, какъ было.

— Не знаю, можетъ быть, вы и не врите...—сказалъ Фалалей.—Только я ставлю одно условіе: никакуда, кромѣ своей комнаты, не заходить.—Онъ прислушался и поднялъ къ носу палецъ:—Идемте, я сейчасъ шгуку покажу.

На цѣпочкахъ прошелъ Фалалей въ коридоръ, держа за руку Прошку, взобрался вмѣстѣ съ нимъ въ сундукъ такъ, что глаза обоихъ пришлось въ уровень узкаго и длиннаго окна, выходящаго въ швейную мастерскую, и велѣлъ смотрѣть.

Прошка увидѣлъ безголовые манекены на одной ногѣ, и, взглядываясь, внезапно вадрогнулъ, жарко покраснѣвъ.

Между манекенами на полу, пестромъ отъ лоскутковъ, стояла, опираясь ладонями о бока, та самая купальница, но на головѣ у нея, вмѣсто краснаго чепца, лежали двѣ золотныя косы, подъ тяжестью которыхъ сгибалась тонкая шея... До пояса дѣвушка была обнажена, и рубашка ея, бѣлая и мягкая, падала поверхъ платья до коленъ.

У ногъ дѣвушки присѣдала и быстро поднималась очень худая женщина, похожая на Фалалея; сжавъ губами пучокъ бумажекъ, мѣрила она и прикладывала куски яркой матеріи.

— Пустите-ка, дайте-ка посмотрѣть,—шептала Прошка, толкаясь.

Пенсне его запотѣло, и, выдергивая изъ кармана платокъ, онъ покачнулся и соскочилъ съ сундука, загремѣвъ башмаками. Фалалей сжалъ Прошкину руку и побѣждалъ вмѣстѣ съ нимъ, закрывая ротъ, чтобы не засмѣяться. Велѣвъ за ними въ Прошкину комнату вошелъ Семиразовъ, совсѣмъ уже гнусава:

— Опять балерину смотрѣли, мнѣ-то не показываете.

— Зачѣмъ она раздѣта?—закричалъ Прошка.

— Чтобы платья лучше сидѣли,—отвѣтила Семиразовъ:—я объ этомъ уже писалъ: женщины вообще на что угодно способны изъ-за моды.

Но Прошка не слушалъ объясненій; сидѣлъ онъ на диванѣ, облизывая пересохшія губы, и, не мигая, смотрѣлъ на обои, будто слышалъ шорохъ платья тамъ, за стѣной.

Фалалей и Семиразовъ подняли Прошку и повели на улицу, гдѣ онъ, и безъ того косолапый, толкалъ прохожихъ, громко разговаривая, возбуждая все болѣе, на что одинъ мимоидущій старичокъ сказалъ, опираясь на трость и повертывая постную голову:

— Сволочь, а еще студентъ.

Фалалей до слезъ смѣялся, а Семиразовъ хихикалъ, обходя лужи, словно кошка.

Въ прихожей ресторана „Южный полюсъ“ взглянулъ Прошка мимоходомъ въ зеркало и не узналъ круглое свое, до зелени блѣдное, съ огромными глазами и ключьями волосъ на вискахъ, взлохмаченное лицо...

„Хорошъ,—подумалъ Прошка,—точно трущъ“,—и поспѣшно прошелъ въ низкій залъ съ двумя шипѣвшими подъ потолкомъ фонарями, ограженными въ одной зеркальной стѣнѣ.

На противоположной стѣнѣ нарисованы были картины изъ жизни южнаго полюса, все же остальное, какъ вездѣ оркестръ, вѣвка у буфетной стойки и незнакомые люди за столиками.

Фалалей, обнявъ за талию угрюмаго лакея съ прокуренными усами, поговорилъ съ нимъ по-хорошему и заказалъ ужинъ; Прошка осматривалъ картины на стѣнѣ, а Семиразова тошнило отъ голода, и онъ, морщась, глядѣлъ на сосѣдняго ѣдока.

Когда принесли вино и одинъ антрекотъ, Прошка быстро захмелѣлъ и сталъ восхищаться вслухъ картинами изъ сѣверной жизни. Это замѣтилъ сосѣдній ѣдокъ, красный и толстый господинъ, сидѣвшій у стѣны, и, сунувъ короткій свой палецъ въ горчицицу, онъ повелъ имъ по сѣверному

сіянію и медвѣдю. Это ужасно раасердило Прошку, и онъ, стукнувъ кулакомъ, закричалъ, а красный господинъ, смѣясь, все мазаль.

— Не скандальте, оглянитесь-ка лучше назадъ,—сказалъ Фалалей, подмигнувъ Семиразову.

Прошка оглянулся: у противоположной стѣны сидѣлъ второй, точно такой же господинъ, и мазаль по медвѣдю горчицей.

— Ахъ, вотъ какъ,—сказалъ Прошка и быстро опустил глаза.

Такъ молчалъ онъ, смутно соображая, откуда идетъ неприятность, покуда Фалалей, допивъ все и доѣвъ, не повелъ обоихъ друзей въ кегельбанъ.

Стѣны кегельбана были досчатая, изъѣденная мокротой и въ грибахъ, а воздухъ такой густой, что лампа медленно мигала, тускло освѣщая узкую дорожку, по которой гоняютъ шары, кегли въ концѣ ея и надъ ними чернѣя циферблатъ со стрѣлкой.

— Недурно,—сказалъ Семиразовъ,—запашокъ!

Фалалей, сбросивъ пиджакъ, схватилъ огромный шаръ, подпрыгнулъ и, покотивъ его въ кегли, сказалъ Прошкѣ:

— А я еще головой своей туда залущу.

Прошка дико на него посмотрѣлъ и попятился; Семиразовъ сталъ смѣяться, чихая и кашляя, отъ этого ослабъ, не могъ играть и, подсѣвъ къ столику, сталъ пить пиво.

„Какіе они странные оба,—думалъ Прошка,—въ особености Фалалей; онъ совсѣмъ мѣдвѣдникъ, а между тѣмъ въ немъ страшная сила... или это голова у меня очень кружится? Теперь бы съѣсть у ея ногъ и сказать, трогательно, со слезами: „Я боленъ, полюби меня, иначе я умру, милая моя дѣвушка“. А адъсь такъ скверно“.

— Вы думаете, кто таковъ Фалалей—человѣкъ по-вашему?—перегнувшись черезъ столъ, спросилъ Семиразовъ у Прошки.—Онъ чортъ, ей-Богу.

„Къ чему онъ это сказалъ,—подумалъ Прошка, искоса

глядя, какъ Фалалей, прищуря глазъ, съ грохотомъ валилъ кегли.—Смѣются они надо мной, а я знаю, что не все адѣсь чисто“.

— Я еще больше скажу,—продолжалъ Семиразовъ:—онъ людей дѣлаетъ; люди, какъ люди, только не любятъ дневного свѣта и всего настоящаго—травы, напримѣръ, предпочитаютъ нарисованное; при этомъ чувствены, какъ наѣкомья; въ Петербургѣ ихъ много по сырости ходить, а въ Москвѣ и Киевѣ мало.

— Вы сами не такой ли?—спросилъ его Прошка, криво усмѣхаясь. Фалалей же въ это время, надѣвъ пиджакъ, погрозилъ Семиразову, говоря:

— Ты опять проболтался,—и шепнулъ Прошкѣ:—А хтите я сейчасъ полную залу балеринами напущу?

— Я это знаю,—пробормоталъ Прошка:—у насъ въ деревнѣ одинъ мужикъ могъ полную избу водой напускать и сквозь бревно лаазить.

И, пристально взглянувъ на Фалалея и Семиразова, внезапно сѣвшихъ точно такъ же, какъ давеча, со стаканами вина, измѣнился Прошка въ лицѣ, надвинулъ картузъ и побѣжалъ къ выходу, широко разставляя ноги и бормоча:

— Черти, ахъ, черти. Зачѣмъ они меня морочатъ?

VI.

Выйдя изъ кабака на воздухъ, увидѣлъ Прошка, что улица круто поднялась вверхъ, но не очень высоко, потому что фонари кончались невдалекѣ, должно быть опускаясь оттуда подъ гору.

„Взберусь“,—подумалъ Прошка, и, обливаясь потомъ, повѣвъ—было наверхъ, но тротуаръ быстро опустился, ноги дрыгнули въ воздухъ, и Прошка упалъ на руки, ворча:

— И тутъ подвели, подлецы; пойду-ка я посрединѣ улицы.

Но улица продолжала опускаться, и Прошка уже бѣжалъ, раскачиваясь и растопыря руки.

Въ это время ухнуло впереди, заквакало, и длинное черное тѣло, узкое и вертявое, съ четырьмя мѣдными фонарями на головѣ, понеслось навстрѣчу.

Прошка остановился, протянувъ руки, присѣлъ и пустился зигзагами на утекъ, разинувъ ротъ для крика, а сади рвануло его крыломъ по спинѣ, и пронесся мимо автомобиль, въ которомъ сидѣлъ человекъ въ цилиндрѣ и дама, съ крикомъ, при видѣ падающаго Прошки, выглянувшая въ окно...

— Это вы,—крикнулъ ей Прошка,—съ кѣмъ это вы!—и долго смотрѣлъ вслѣдъ. Потомъ поднялся, обервъ ладони о пальто, влѣвъ на извозчика и сказалъ свой адресъ.

Извозчикъ задергалъ вожжами, пролетка задрезбужала, и хромая лошадь, наконецъ, распряглась. Сѣзая, извозчикъ оглянулся. Посмотрѣвъ на него, Прошка стиснулъ зубы и закрылъ глаза, потому что на мѣстѣ лица у извозчика болталась кожаная рукавица, съ однимъ большимъ пальцемъ въ видѣ носа.

Такъ зажмуренный и добѣжалъ Прошка до дому, не желая видѣть всю эту гадость.

Проходя къ себѣ, остановился Прошка при видѣ Семиразова, который склонивъ къ плечу голову, сидѣлъ у стола, спиной къ раскрытой двери. Въ рукѣ держалъ онъ тоненькую вставочку, которой и написалъ только что нѣсколько строкъ.

До этого ходилъ Семиразовъ изъ угла въ уголъ и, бормоча, придумывалъ сладострастный рассказъ.

Начало было готово: „Бе вали Зина, у ней было мучительно сладострастное тѣло, ждущее ласкъ“... но далѣе шла трудность. Семиразовъ отлично понималъ, для чего практичныя романисты размазываютъ любовь на трехстахъ страницахъ (Семиразова трудно было провести), тогда какъ всякій романъ заключается въ трехъ словахъ, давно еще сказанныхъ кѣмъ-то. Стало быть, необходимо писать кратко. Но въ этомъ-то и коренилась трудность: вывернуться такъ загребисто, чтобы цензура пропустила, а въ редакціи сказали: „Да вы, батенька, павиангъ!“.

— Начало очень недурно,—думалъ Семиразовъ,—те-

перь одурманить читателя.—И онъ сталъ нырять шею, какъ утенка, приводя себя этимъ въ чувственное настроеніе, и внезапно продолжилъ:—„Когда Зина снимала юбки, онъ пахли женщиной, и какіе-то чувственные цвѣты повисли надъ кроватью“... Далѣе не было еще придумано, и Семпразовъ сталъ вянуть надъ листомъ бумаги, на краяхъ которой были нарисованы маленькіе и большіе пистолеты, что опредѣляло мрачный характеръ автора.

„Дуракъ этотъ Прошка,—думалъ Семпразовъ,—я еще напишу про него неприличный разсказъ; а въ кегельбанъ научусь, буду играть съ Фалалеемъ на деньги“.

Въ это время, заикаясь, окликнулъ его Прошка:

— Семпразовъ, вы сейчасъ были въ ресторанахъ?

— Нѣтъ, не было,—отвѣтилъ Семпразовъ и, скривившись, сдѣлалъ тошное лицо.

— Ага,—сказалъ Прошка тихо,—вотъ оно что...—вошелъ къ себѣ, затворился на ключъ и, сдернувъ башмаки, легъ и раздѣваясь.

Тотчасъ кровать пошмыла и закачалась. Прошка хотѣлъ отлѣпнуть отъ подушки голову, но не могъ, и въ особенности томилъ его зеленый отсвѣтъ фонаря на потолкѣ.

„Никого здѣсь нѣтъ,—думалъ Прошка,—ни отца ни матери; заѣхалъ я сюда и пропаду, какъ собака“.

Прошка покрутилъ головой и заплакалъ. Слезы облегчили его, и понемногу мысли устремились къ тому, къ чему всегда возвращался Прошка—къ милой, свѣтловолосой женщинѣ, представлявшей то на морскомъ берегу, то среди пыльных манекеновъ швейной мастерской, то склонившейся къ нему изъ окна автомобиля.

Виднїя эти путались съ несообразностью, которую напустилъ Фалалей, и вновь Прошка тосковалъ, не зная, какъ выбиться изъ проклятой этой путаницы.

Наконецъ, изъ-за печки вышелъ Фалалей и спокойно сѣлъ въ ногахъ Прошкиной кровати, обхвативъ колѣно. Прошка отодвинулся, пристально глядя на хозяина.

Фалалей не двигался, лицо его было совсѣмъ зеле-

ное, свѣтился въ глубинѣ зрачокъ и ротъ былъ полуоткрытъ.

— Фалалей Петровичъ,—позвалъ Прошка жалобно. Фалалей, не оборачиваясь, сталъ шевелить губами, и вотъ, отовсюду: изъ-подъ дивана, кресель, изъ Прошкинаго чемодана—выползали черные тараканы, тихо треща крыльями.

— Вѣришь въ мою силу?—спросилъ Фалалей.

— Да,—отвѣтилъ Прошка.

Тогда Фалалей замахнулся, и тараканы, злобно пятясь, отползли по тайнымъ своимъ мѣстамъ.

— Все это будущіе люди,—сказалъ Фалалей,—изъ одного такого, напримѣръ, я Семпразова сдѣлалъ.

„Вотъ оно что“,—подумалъ Прошка, и вдругъ привсталъ отъ рѣзкихъ ударовъ сердца.

— Сдѣлай мнѣ ее, Фалалей, приведи мнѣ ее, мою дѣвушку, сейчасъ же!

— Нѣтъ,—сказалъ Фалалей, усмѣхаясь,—ты слишкомъ грязный, а я сдѣлаю твоего двойника.

VII.

Прошка спалъ, скрипя зубами, и голова его, казалось, была расколота на маковкѣ и туда насовали окурковъ.

Въ серединѣ дня, когда въ комнату, и безъ того душную, проникъ холодный чадъ изъ кухни, проснулся Прошка, стелая, и сѣлъ, еле разлѣпивъ глаза.

Кухарка принесла взмятый самоваръ и сахаръ въ мѣшкѣ; за окномъ носился туманъ пуще вчерашняго и стучали капли влаги съ крыши на карнизъ.

— Больше пить не буду,—сказалъ Прошка,—напишу домой и начну жить по-новому.

Наливая чай, онъ клонулъ надъ столомъ, вздернулъ голову и продолжалъ:—Что за чепуху видѣлъ я вчера... очень что-то плохое. Развѣ такъ можно жить—нѣтъ воли никакой, будто бы я не человѣкъ. Только баба на умѣ.

Долго Прошка хлебала чай, потом рѣшилась пойти узнать расписание лекцій. Проходя коридоромъ, вспомнилъ, что отсюда начались вчерашнія неприятели.

— Господи, дай, чтобы все было обыкновенно,—сказала Прошка, заглядывая къ Семиразову, который спалъ на спинѣ, сложивъ кисти рукъ. Ничтожное лицо его было жалкое, какъ у немощныхъ дѣтей.

— Слава Богу,—сказала Прошка,—все въ порядкѣ,—и, волнуясь, полѣзъ на сундукъ.

Швейная мастерская была такая же, какъ и вчера, только у стола сидѣли три блѣдныя дѣвочки и шили, поджавъ губы, платье для балерины Першинской.

„Все правильно,—подумалъ Прошка:—вотъ пятно на пыльномъ стеклѣ—это я пальцемъ протеръ... нѣтъ, нѣтъ... лучше не вспоминать, сердце ноетъ“.

Спрыгнувъ на полъ, долго медляя Прошка у третьей двери, потомъ осторожно, словно боясь, что кольнуть въ глаза, просунулъ голову: посреди комнаты, надѣвая подтяжки, стояла Фалалей.

— Извините, — пробормотала Прошка, и вышелъ на улицу.

Въ густомъ туманѣ зажигались, отсвѣчивая на тротуарахъ, фонари, а изъ мелочныхъ лавокъ пахло овощами и спичками.

— Ахъ, Боже мой, они, конечно, пробѣжали какой-нибудь второй дверью и сѣли, притворяясь куклами, пока я медлялъ въ коридорѣ. Но кто же схватилъ меня за плечо?.. въ испугѣ я навѣрно повернулся къ нимъ спиной, Фалалей и схватилъ, а мнѣ показалось, что изъ коридора. Все-таки непонятно—зачѣмъ они сѣдали это. Пугали меня, что ли? Нѣтъ, нѣтъ.

Медленно брелъ Прошка по тротуару, стараясь думать о вещахъ обыденныхъ, но мысль его, какъ испорченное часовое колесо, соскакивала и вертѣлась въ направленіи противоположномъ.

„Что было на самомъ дѣлѣ, а что представлялось—не разберу я,—думалъ Прошка.

— Надо вспомнить что-то, и все станетъ яснымъ,—воскликнулъ онъ, останавливаясь у подъѣзда, около котораго только что стоялъ автомобиль.

Швейцаръ торопливо распахнулъ дверцу, и, опустивъ на подножку мѣховой ботинокъ, показалось сначала обгнутае шепкомъ колѣно, муфта, и на тротуаръ выпрыгнула балерина Першинская, въ собольихъ мѣхахъ. Прошка открылъ ротъ и снялъ картузъ, а изъ автомобиля тѣмъ же путемъ вылѣзъ господинъ въ цилиндрѣ, и—оказался Прошкой...

Когда за балериной и господиномъ закрылась дверь подъѣзда, Прошка, круто повернувшись, побѣжалъ прочь, бормоча:

— Вспомнилъ, теперь все вспомнилъ!

Настоящій собачій страхъ гналъ его по улицамъ, и чѣмъ больше старался Прошка стряхнуть съ себя дремоту—увидѣть вещи, какъ онъ есть, тѣмъ страшнѣй становилось, и всѣ непонятности казались возможнѣй.

— Вотъ папиросы „Нюхъ-Нюхъ“,—бормотала Прошка, глядя въ окно табачной лавки,—я ихъ постоянно курю, вотъ я топаю ногой, вотъ слѣдъ на стеклѣ отъ моего пальца... Все это существуетъ. Существуетъ все, что я вижу, а я еще не видѣлъ всего, значитъ я могу увидѣть вещи гораздо страшнѣе, чѣмъ сегодня...

— Ну вотъ ты,—обратился онъ къ дворнику, который, подойдя, внимательно слушалъ,—ты существуешь, а, скажи, видѣлъ ли ты поддѣльныхъ людей, которыхъ дѣлаетъ Фалалей...

— Проходи, проходи,—сказалъ дворникъ строго.

— Куда же я пойду? Да, спасибо. Я пойду и все выясню.

Вновь подойдя къ тому же дому съ подъездомъ, Прошка торопливо оглянулся и полѣзъ во второй этажъ, гдѣ, прочтя на двери имя Першинской, сталъ звонить, хотя палецъ его долго крутился около кнопки. На вопросъ горничной Прошка объяснялъ, что по очень важному дѣлу нужно ему на минутку барыню, и остался ждать въ ярко освѣщенной дубовой передней, глядя на соболью шубу, отъ которой пахло духами и еще не оставшей теплотой.

„Шуба-то какая, — подумалъ Прошка: — куда я

лѣзу“—и, когда изъ комнатъ къ прихожей слышались легкіе шаги, мгновенно вспогѣлъ отъ страха, пробормотавъ:

— Что я ей скажу, что я ей скажу?..

Балерина вошла, какъ наскѣкомое, легко волоча за собой шелкѣ платя, улыбаясь и наклоняя лицо; при видѣ Прошки темныя рѣсницы ея испуганно взмахнули.

— Это очень странно,—поспѣшно заговорилъ Прошка, прикладывая картузъ къ груди,—вы такая красивая, какъ... я не знаю, а я, вообще, не стою ничего, но вышла глухая исторія, я остался въ дуракахъ, а онъ очень доволенъ, хотя онъ, конечно, чернѣй тараканъ, у меня такихъ подъ кроватью—тысячи.

Глаза балерины снова дрогнули и съ угловъ вдругъ сузились смѣхотъ...

— О комъ вы спрашиваете,—сказала она очень мягко,—я немного не поняла...

— Я, можетъ быть, неясенъ... я спрашиваю о Прошкѣ Черемисовѣ... можетъ быть, онъ у васъ по-другому называется,—тотъ, кто съ вами прѣѣхалъ.

— А,—сказала балерина и, слегка приподнявъ спереди, чтобы не наступать, юбку, быстро вышла, въ дверяхъ еще разъ обернувъ къ Прошкѣ любопытное свое, актерино лицо... Вскорѣ въ прихожую вошелъ, громко стуча каблуками, тотъ господинъ и, сдвинувъ брови, спросилъ:

— Чѣмъ служить могу?—при этомъ отгѣснилъ Прошку къ двери.

— Извините,—заговорилъ Прошка, двигая губами, какъ на морозѣ,—намъ необходимо объясниться: это важно для обоихъ,—и, словно во снѣ, глядѣль, какъ въ зеркало, въ лицо господину,—вы—настоящій?

— Что-съ?—переспросилъ господинъ надменно.—А не угодно ли объясниться на площадкѣ,—и тотчасъ надѣлъ кашне, въ видѣ чулка.

На площадкѣ Прошка взялся за перила, перегнулся и сказалъ отчаянно:

— Нечего притворяться: я настоящій, а вы поддѣльный!

И желаю быть на вашемъ мѣстѣ, а вамъ не угодно ли къ балалееу...

Господинъ нахмурился, переспросивъ, чѣмъ угодно Прошкѣ помѣняться.

— Всѣмъ,—крикнулъ Прошка,—у меня костюмчикъ ободранъ, а вы съ ней въ автомобильъ развѣзжаете. Вообще, вы должны пропасть, я черезъ васъ учиться не могу и жить не могу.

— Э, да вы нахалъ,—сказалъ господинъ и, взбершивъ усъ, ушелъ въ квартиру, а Прошка подпрыгнулъ къ звонку и сталъ звонить, не отрываясь отъ кнопки.

Такъ онъ звонилъ, пока снизу не пришелъ швейцаръ, взялъ Прошку за плечи и, толкая внизъ, сказалъ:

— Ахъ ты, желтоглазый, счастье твое—дворникъ въ участокъ ушелъ,—ткнулъ еще въ потылицу и подалъ кнелеса.

— Погоди у меня,—говорилъ Прошка, стоя на улицѣ,—и тебя укараулю,—и грызъ костяшки на кулакѣ.

Балеринины освѣщенные окна выходили на каналъ, къ крыльцѣ котораго прислонился Прошка. Ждать ему пришлось очень долго. Проѣхали съ грохотомъ мимо ломовики; стриженой мальчишка изъ лавки перебѣжалъ улицу, чтобы сплунуть въ воду и, при видѣ Прошки, пронзительно свистнулъ; а вдалькѣ фонари казались звѣздами, упавшими въ туманъ; Прошка, не мигая, глядѣль на зеленоватые ихъ лучи и радуги, слабо очерченныя въ зыбкомъ туманѣ, переводилъ взоръ на зеркальныя окна второго этажа, и все видѣнное укладывалось въ мозгу его по-собачьи, безъ пониманія. Такъ простоялъ бы онъ всю ночь, дрожа отъ злости, то вновь теряя сознание, но звякнула вдругъ дверь подъѣзда, швейцаръ крикнулъ извозчика, и тотъ господинъ, выйдя, пошелъ гнѣшкомъ, постукивая тростью о тротуаръ. Прошка оторвалъ руки отъ холодной рѣшетки и сталъ красться за господиномъ по другой сторонѣ, вдоль канала. Господинъ, войдя въ свѣтъ фонаря у лавочки, поднялся на цыпочкахъ и перешелъ на Прошкинъ тротуаръ. Теперь Прошка ясно

видѣлъ покакую его спину, вихлястый задъ и полоску пробора подъ цилиндромъ.

— Неужели я такой со спины?—подумалъ Прошка, и глаза его налились кровью.

Господинъ обернулся и сказалъ:

— Ты преслѣдуешь меня, негодяй...

Но не успѣлъ кончить, потому что Прошка охватилъ его поперекъ и, прижавъ къ рѣшеткѣ, сталъ клонить, опрокидывая въ воду. Господинъ вскрикнулъ и, отыскавъ Прошкино горло, рѣзко ударилъ черенкомъ палки по лицу. Прошка ахнулъ и сѣлъ въ грязь, а господинъ, удаляясь, кризывалъ полицію.

„Бѣжать, бѣжать“,—думалъ Прошка и, хватаясь за рѣшетку, съ трудомъ поднялся и побѣжалъ.

VIII.

Сознаніе почти покинуло Прошку, пока онъ кружилъ по незнакомымъ улицамъ, заворачивая на мосты. Одинъ разъ, когда онъ стоялъ у ресторана, захотѣлось ему пить; онъ вошелъ и спросилъ пива, но лакей, перешептавшись съ хозяиномъ, сообщилъ, что пьянымъ они спиртного не отпускаютъ, и мигнулъ швейцару... Прошку взяли подъ руки и вывели, а гости обернулись въ это время и вразъ захохотали, покраснѣвъ, какъ прокаженные.

— Обложили со всѣхъ сторонъ, нѣтъ выхода, теперь мнѣ конецъ,—бормоталъ Прошка, пройдя площадь Маринскаго театра,—я одинъ и есть живой въ городѣ, а всѣ остальные—Фалалеево отродье... отъ этого и травятъ меня.

Поглядѣвъ на фонари театра, на черную стѣну извозчиковъ, догадался, наконецъ, Прошка, гдѣ его домъ, добрелъ до своей комнаты, измученный и промокшій, сѣлъ на диванъ и запрокинулъ голову, не думая, не чувствуя ничего, пока сонъ не опуталъ лицо его и глаза паутиной.

Проснулся Прошка отъ горячаго свѣта на своей щекѣ:

нечь пылала, и передъ ней сидѣлъ Фалалей, въ желтомъ пиджачкѣ, помѣшивая кочергою угли.

— Сейчасъ Фалалей обернетъ голову и улыбнется,—подумалъ Прошка.—Если сдѣлаетъ такъ—значить все, что я помню, было со мной на самомъ дѣлѣ, а если не обернется, значить я видѣлъ сонъ за эти два, должно быть, часа, пока спалъ на диванѣ.

Подумалъ все это Прошка спокойно и ясно, испутившись необычайной этой ясности.

Фалалей обернулъ голову, улыбнулся и спросилъ:

— Ну, какъ себя чувствуете?

Прошка ахнулъ негромко, не отвѣчая, поднялся и пошелъ къ выходу, чувствуя, какъ холодъ бѣжитъ по тѣлу морозными лапками. Выйдя на воздухъ, оглянулъ Прошка всѣ пять рядовъ освѣщенныхъ оконъ и, сунувъ руки въ карманы, повернулъ къ воротамъ, не зная еще—какъ и какой ловкостью спастись.

Но въ воротахъ стоялъ дворникъ, глядя на Прошку, и бѣжала рыжая собачонка.

Прошка хитро подмигнулъ и, повернувъ ко второму двору, сказалъ:

— Я изловчусь, не на такого напали.

На второмъ дворѣ оставалась не замкнутой дверь drovниного сарая. Прошка, поднявъ голову, надѣясь увидѣть хотя бы клочокъ яснаго неба, но солнце давно закатилось за городомъ, и туманъ свертывался въ частую, невидную изморозь.

Проскользнувъ въ сарай, отрѣзалъ Прошка перочиннымъ ножомъ конецъ веревки, протянутой для бѣлья, связалъ петлю и, подставивъ полѣно, привязалъ веревку за деревянный гвоздь.

Все это сдѣлалъ быстро и аккуратно. Наложилъ петлю на шею подъ воротничокъ и, мелкой дрожью засмѣявшись, прыгнулъ съ полѣна, поджавъ ноги подъ себя.

Горло рвануло, и отъ отвращенія высунулъ Прошка языкъ, стараясь пальцами оторвать веревку...

Тогда представилось ему—влетѣла въ сарай балерина,

распахнувъ соболью свою шубку, охватила Прошку за шею и прижалась тѣсно.

Острая радость напрягла все Прошкино тѣло, и на лицо ему, не давая дышать, легла мѣховая муфта...

Такъ окончился глупый и ничтожный кругъ Прошкиной жизни.

Въ винной лавкѣ за стойкою Коля Шавердовъ грызъ каленые подсолнухи и тоскливо слушалъ, какъ Сашка, сидя противъ него на табуреткѣ, докладывалъ, въ третій разъ сегодня, наблюденія свои надъ дякомъ Матвѣемъ Паисычемъ, бѣгавшимъ, по словамъ Сашки, въ страшномъ видѣ по огороду.

У Сашки было круглое и бѣлое, съ лисьимъ подбородкомъ лицо, томные глаза и гнилые зубы. Въ селѣ прозывался онъ вдвоемъ попадѣи Марьи—сыномъ.

Но, несмотря на такое отличіе отъ сѣраго народа, всё звали его просто Сашкой, потому что, выгнанный изъ духовнаго училища, вернулся онъ лодыремъ въ село разъ и навсегда и былъ битъ попадѣей Марьей при помощи уполовной ложки на смѣхъ и зазоръ шабрамъ, смотрѣвшимъ черезъ окно.

А спустя недѣльку побили его и парни за двухъ-орлявый пятакъ въ орляночной игрѣ и наказали близко не подходить къ дѣвкамъ, до которыхъ Сашка былъ великій охотникъ. Шавердовъ же, какъ старинный другъ, не то что любилъ Сашку, а просто выдавалъ ему изъ бакалейной ихъ—Шавердовской лавочки десятокъ папиросъ въ день и терпѣливо слушалъ вранье.

— Я тебѣ говорю,—разсказывалъ Сашка:—непремѣнно онъ выигралъ по билету, мнѣ почтмейстеръ къ нему изъ Петербурга письмо показывалъ; по-пусту такъ не станешь летать; по капустѣ, знаешь, такъ и кидается, бормочетъ: „гдѣ, говорить, они, окаянные, очки завалились—я бы всёмъ это

письмо прочелъ; выкусь-ка, говоритъ, получи такое письмо. Ахъ, говоритъ, что мнѣ капуста: потопчу ее всю, какъ заяцъ,— мнѣ все равно... Потомъ присядетъ да какъ захохочетъ и рыжими своими сапожниками пошелъ кочаны топтать... Я, знаешь, за плетнемъ стою и говорю ему: „Здравствуйте, Матвѣй Паисычъ. Что вы, говорю, такъ летаеи, или въ церковныхъ суммахъ какой недочетъ вышелъ“? Подпустилъ, знаешь, ему шпильку, а онъ ко мнѣ кинулся, плетень ухватилъ, трясеть: „Я, говоритъ, въ горниці сидѣть не могу, у меня отъ радости одышка нутро завалила“. И, вижу я, лѣзетъ цѣловаться; я, знаешь, плюнулъ въ него и ушелъ. Противный такой...

— Ну, впрочемъ, ты не плюнулъ,—сказалъ Коля Шавердовъ.

— Ей Богу, плюнулъ! Что же ты мнѣ не вѣришь? Вотъ другъ!

— Я тебѣ не другъ,—грызя подсолнухи равнодушно отвѣтилъ Шавердовъ,—а это ты ко мнѣ лѣзешь, мои палиросы куриши, только мнѣ не жалко, кури...

— Ахъ, милый,—молвилъ Сашка, скрививъ голову и сложивъ губы бантомъ,—а не помнишь развѣ наше дѣтство? Вотъ было веселье: у тебя тогда я въ розовый альбомчикъ стишки написалъ. Вотъ дай припомнить...

Ты капризна, мила и лѣнива,
И твой чудный законъ...

Что? Видишь, какой я тебѣ другъ.

— Это стихотвореніе подходяще къ женщинѣ, а не къ мужчинѣ,—молвилъ Шавердовъ и поглядѣлъ на вошедшаго съ улицы мужика.

Мужикъ, медленно притворивъ стеклянную дверь, снялъ мѣховую шапку и сталъ шарить глазами образъ, чтобы перекреститься. Не найдя, онъ подвинулся и положилъ на прилавокъ пригоршню мѣди, сказавъ натужнымъ голосомъ:

— Вина три полбутылки.

Все, какъ и голосъ, было у него натужное и натруженное,

словно самимъ этимъ мужикомъ пахали землю, и лицо отъ того стало землистое и корявое, сивые волосы стояли бугромъ, а сваленная рыжая борода росла повсюду, гдѣ только можно.

Шавердовъ, схвативъ съ полки полбутылки, стукнулъ ихъ о прилавокъ. Но мужикъ не ушелъ, а залѣзъ внутрь коричневыхъ своихъ портовъ и вынулъ оттуда пустую посуду.

— Получить,—сказалъ онъ.

Шавердовъ швырнулъ бутылку подъ лавку и отсчиталъ деньги. Мужикъ долго ихъ на ладони пересчитывалъ, потомъ сказалъ:

— Запоматовалъ я...—и изъ-за паузы вынулъ еще нѣсколько бутылокъ, потомъ изъ кармановъ армяка и еще чортъ знаетъ откуда. Все это было перемазано, затертое и теплое. Шавердовъ сказалъ:

— Что, или загулялъ, Митрофанъ?

И, когда мужикъ, надвинувъ шапку на глаза, вышелъ, обратился къ Сашкѣ:

— Такъ зачѣмъ же ты опять къ дьяку бѣгалъ?

Сашка хитро усмѣхнулся:

— Прибѣгаю я опять, а онъ уже ставни красить, честное слово, зелеными птичками пускаетъ... Я ему говорю...

Но тутъ Сашка вдругъ искривился на табуретѣ, поднялъ палецъ и хихикнулъ, такъ какъ въ лавку, трепаный и красный, вбѣжалъ самъ дьякъ—Матвѣй Паисычъ Перетовъ.

II.

Матвѣй Паисычъ, какъ только вбѣжалъ, ухватилъ Шавердова за локоть и потянулъ къ себѣ, лица облобызаться, но, вида со стороны Коли равнодушнаго, отскочилъ и беззвучно принялся смѣяться, кривляясь всѣмъ тощимъ своимъ тѣломъ въ пѣгомъ подрысникѣ; на Сашку онъ не обратилъ вниманія.

— Многие теперь съ ума сходятъ отъ дурости,—сказалъ Шавердовъ.

— Дурость,—сейчасъ же согласился дьякъ,—глупость. А выходить такъ, что поступить мнѣ иначе нельзя...

Дьякъ присѣлъ, поднявъ палецъ, и, слегка раскрывъ ротъ, поглядѣлъ на собесѣдника.

— Почему дьякъ Матвѣй по огороду бѣгаетъ?—проговорилъ онъ скороговоркой.—Почему дьякъ ставни красить? А я не только ставни, а и крылечко выкрашу, я на полу помочички разстелю,—отъ покойной дьяконницы въ сундукѣ остались. Какъ это понять? Вотъ этотъ вотъ юнкеръ (дьякъ ткнулъ пальцемъ въ Сашку) весь день у меня на плетнѣ висѣлъ: любопытство одолѣло. А я не сержусь: всякому человѣку знать интересно, почему у дьяка Перегноева третій день голова нечесана. А я не желаю голову чесать и объ этомъ объявляю всенародно.

При этомъ дьякъ поднялся на цыпочки и широко развелъ руками.

— Не желаю, и не желаю, пока...

Дьякъ присѣлъ и щемкнулъ языкомъ:

— Что пока? Ахъ вы, шельмецы. Что это такое за „пока“?

Дьякъ [попа получилъ? Дьякъ капиталъ въ Содомскомъ банкѣ выигралъ? Суета, юнкера... Вамъ бы все деньги. У меня корова есть — разъ, яицъ пятьсотъ штукъ на Пасху, да десять мѣшковъ хлѣба къ Рождеству—два. Гречиху я сѣялъ или нѣтъ — три... А молелье о дождѣ?... А народъ православный жениться, помирать долженъ? Я по двенадцатымъ — коровьимъ масломъ власы мажу. Такъ что за причина, почему дьякъ обезумѣлъ?

Въ эти слова Матвѣя Паисыча Шавердовъ, вслушавшись внимательно, и костлявое, съ пушкомъ на щекахъ, худое лицо его стало необычайно серьезно. Сашка же безмѣрно ржалъ, сидя на своей табуреткѣ.

— Восемь, вѣдь, лѣтъ, птицей пролетѣли,—продолжалъ дьякъ,—какъ далъ я тогда дочери моей Аннушкѣ двѣ сотни рублей и въ столицу отправилъ. Пустяки сказать — столица. Тамъ тебѣ такъ вотъ—Святѣйшій Синодъ, а эдакъ Правительствующій Сенатъ, а между ними Государь Императоръ

находится. Вотъ что значить — столица! Не то что наша Утѣвка... Утѣвка,—презрительно сказалъ дьякъ,—тысяча двѣсти дворовъ и одинъ храмъ Божій. Лаптемъ щи хлебать... Здѣсь дочь моя нѣжное свое воспитаніе получила, да не съ вами ей жить пришлось: не къ тому рождена, душа у ней высокая... Въ столицѣ ее, какъ дочь родную, встрѣтили. У самого Мейергольда училась...

— У кого?—переспросилъ Сашка.

— Мейергольдъ—полный генералъ... По утру его Государь Императоръ къ себѣ призоветъ: развесели, говоритъ, генералъ, столицу и весь русскій народъ. Слушаюсь, Ваше Величество,—отвѣчаетъ генералъ,—кинется въ сани и маршъ по театрамъ. А въ театрѣ тебѣ все какъ есть представлять—испанцевъ, вдову какую-нибудь... Вотъ, что за человѣкъ! Аннушкѣ моей бумагу выдалъ—во всѣхъ городахъ играть—и фамилію перемѣнилъ: теперь Аннушка не Перегноева, значить, а—Волгина-Мирова... Поняли? Эхъ, юнкера.

Тутъ дьякъ, вынувъ, красный платокъ, вытеръ глаза:

— Восемь, вѣдь, лѣтъ не видѣлъ дочку... А, бывало, гладилъ свѣтлые ея волосики, а она глазки подниметь, спросить: „Вы что, папенька, или о маменькѣ вспоминали?“ Ручки на колѣняхъ сложить, аккуратненькая такая, чистый ангелъ; думаетъ что-то тамъ про кукалу, усмѣхается...

Дьякъ не смогъ продолжать и полѣзъ за прилавокъ къ Шавердову, который спросилъ тихо:

— Что же, Матвѣй Паисычъ, замужъ онѣ что ли выходятъ?

— Нѣтъ же,—завопилъ дьякъ,—въ томъ-то и дѣло, что не выходитъ. А такая штука, что я, какъ Давидъ, сканать долженъ и гѣтъ. А я плачу потому, что какъ же я со своей образной ей на глаза покажусь?

Образъ у дьяка былъ, дѣйствительно, несуразный: сѣрая его бороденка косицами росла на вальцахъ щекахъ, а выше поднимались бугромъ красныя скулы, изъ-за которыхъ выглядывали мигалки, носъ же былъ малый и ничтожный совсѣмъ.

— Так онъ сюда прѣзжаютъ?—спросилъ Шавердовъ и, оглянувшись на Сашку, нахмурился.

— Я ничего не говорилъ, ничего не говорилъ, — забормоталъ дьякъ испуганно и вдругъ, увидѣвъ Сашку на табуреткѣ, нагнулся къ нему, всматриваясь. Сашка забѣгала глазами и усмѣхнулся, ощеривъ гнилые зубы.

— Смотри ты у меня, — сказалъ дьякъ, едва не колотя попадьинаго сына по носу пальцемъ, — ты меня не знаешь, Сашка, я тебѣ голову сверну, гадъ навозный.

— Нашелся одинъ такой, — сказалъ Сашка весело, у дьяка же задрожали колѣни.

— Ты за нимъ пригляди, — обратился онъ къ Шавердову, — какъ же можно его Аннушкѣ на глаза показать! Ахъ, Боже мой, что за люди... Вѣдь, у ней душа нѣжная. А я вдругъ ее и свергну въ адакую пастырь.

— Да, — сказалъ Сашка, — они теперь барышня, отъ насъ носъ воротятъ, а когда-то вмѣстѣ купались.

— Сашка, — визгливо закричалъ дьякъ и стукнулъ кулакомъ по прилавку, — я тебѣ самъ въ руки дался... Аннушка моя завтра прѣзжаетъ... Дьякъ, дьякъ, заткнись... Забуду это, Сашка. Что за языкъ мой наказанный. Все я навралъ... Никто не прѣзжаетъ, и дочери у меня никакой нѣтъ... Въ Утѣвку... Вотъ ваша Утѣвка... тьфу!

Въ безмѣрномъ волненіи дьякъ заметался и, бормоча, поспѣшно вышелъ на улицу, гдѣ вѣтеръ подхватилъ сивые его волосы и бросилъ на глаза...

III.

Какъ только вышелъ дьякъ, Сашка перегнулся черезъ прилавокъ и прошепталъ:

— Другъ, я слышала, что она конфетка. Ахъ, другъ, вотъ радость... Актерки, знаешь, такія добрыя, а во-вторыхъ, я ей вродѣ начальства: она — дьякова дочь, а у меня дядя благочинный.

Шавердовъ молча поглядѣлъ на Сашку, замкнулъ кассу и пошелъ къ внутренней дверцѣ, ведущей въ домъ. Сашка проворно послѣдовалъ — было за нимъ, но въ дверяхъ Шавердовъ, обернувшись, ударилъ его кулакомъ въ грудь и затворился.

— Что ты, другъ, — жалобно вскрикнулъ Сашка и побрелъ на улицу, куда, пройдя домомъ, выходилъ Шавердовъ, чтобы замкнуть и бакалейную лавку.

Отойдя шаговъ на десять, исподлобья наблюдалъ Сашка, какъ Шавердовъ спокойно навѣсилъ замокъ, попробовалъ его рукой, и, не оглядываясь, ушелъ опять въ домъ.

Худая его, костлявая фигура въ нагольныхъ сапогахъ и пиджачкѣ, надѣтомъ на косоворотку, дѣлала всѣ движения раздѣленно и спокойно, потому что Коля Шавердовъ по матери былъ изъ Саратовскихъ нѣмцевъ и лицо сохранилъ, Богъ знаетъ сколько поколѣній, тевтонское — большое и угловатое.

Отецъ его, волостной писарь, потомъ винный сидѣлецъ, отморозилъ себѣ въ оврагѣ руки и ноги и померъ, оставивъ послѣ себя восемь человѣкъ дѣтей, бакалейную лавку и Каролину Ивановну — супругу, у которой въ изобиліи росли борода и усы; кромѣ того у нея были еще и лошадинные зубы; но, несмотря на все это, Каролина Ивановна нѣжно любила свой пришедь и весь день хлопотала и кудахтала по дому, только подъ вечеръ выходя посидѣть на скамеечкѣ въ огородъ, надъ рѣчкой.

Глядя на степную зорю, которая тоскливо отражается въ водѣ за ивой, смежилась Каролина Ивановна, шепча:

— Васенька, Васенька, зачѣмъ ты не сидишь рядомъ со мной со своимъ добрымъ лицомъ, — хотя у покойнаго Шавердова лицо вовсе не было доброе, и сидѣть въ огородѣ надъ рѣчкой онъ терпѣть не могъ.

Погрустивъ, Каролина Ивановна спохватывалась и спѣшила домой, зова громкимъ голосомъ:

— Ванька, Васька, Федька, Лешка, noch ein mahl Лешка, und lieber Коленька, идите ѣсть, паршивцы...

Услышавъ въ обычный часъ маменькинъ этотъ голосъ, Коля Шавердовъ вошелъ въ большую кухню и, сѣлъ за чисто выскобленный столъ. Тотчасъ изо всѣхъ дверей налетѣли братишки и усѣлись по лавкамъ, болтая ногами; дѣвочки Лешки—забѣйка и нытикакъ—все время щипались, пока Коля не ударилъ ихъ ложкой по головамъ. Каролина Ивановна поставила щи и придвинула къ себѣ единственную тарелку съ вилкой; остальные ѣли ложками, куная куски солонины въ чашку съ горчицей.

Братишки чавкали, какъ поросята, маменька, ощеривъ зубы, морщилась отъ чернаго хлѣба съ горчицей, который очень любила, а Коля сегодня ѣсть не могъ.

— Дьякова дочь прѣзжааетъ, Анна Матвѣевна,—сказала она, бросивъ ложку.

Каролина Ивановна усмѣхнулась:

— Говорять, она съ офицеромъ живетъ... Дьякъ—то не знаетъ?

— Это, маменька, не вашего ума дѣло!—воскликнула Коля.—Ѣли бы лучше да молчали,—и онъ всталъ изъ-за стола, захвативъ съ себя книжку.—Рады языкъ почесать... Противно.

Каролина Ивановна промолчала, но, когда Коля вышелъ, нашлапала по щекамъ Лешку-забѣйку и Лешку-нытика, и тѣ долго ревѣли.

А Коля прошелъ къ лошадямъ, завалилъ сѣна, закрылъ ворота, посадивъ на цѣпь собаку и полѣзъ по лѣсенкѣ на крышу сарая, гдѣ изъ вѣтокъ и соломы сдѣлана у него была вышка—шалашъ. Въ шалашѣ лежали, до-нельзя засаленныя красная перина, двѣ розовыя подушки и въ мѣдномъ тазу стоялъ огорокъ, который Коля сейчасъ же и зажегъ.

Здѣсь, въ уединеніи, лежа подъ тулупомъ, Коля могъ смотрѣть на звѣзды и читать приложенія къ „Свѣту“. Но сегодня не занимали его ни похождения игрока въ „большомъ свѣтѣ“, „ни развратная графиня Кармоньякъ“. Глядя на пламя свѣчи, надъ которымъ толкалась мошकारа, думалъ Коля:

„У самого Мейергольца училась, имѣеть бумагу, поди-ка, высокая теперь стала, полная, голосъ задушевный. А какъ уѣзжала, говорила—не забывай меня, Коленька...“

Коля оперся на локоть, лицо его стало дѣтскимъ и задумчивымъ.

„Я-то не забыть, а меня, конечно, давно забыли. У нея все перемѣнилось, а здѣсь всѣхъ перемѣнитъ и есть, что пройдетъ зима—лѣто настанетъ, и я въ шалашѣ живу. А все-таки,—Коля глубоко вздохнулъ и пожалѣлъ самого себя,—никто ее такъ не любитъ, какъ я... Я бы слѣдочки ея цѣловаль... она взяла бы аршинъ мой, напримѣръ, я бы это огорокъ у плетня, чтобы никто, кромѣ меня, не дотрагивался... Ручки у нея духами пахнутъ... Съ офицеромъ живетъ! Эхъ, маменька! Вдругъ же люди безъ совѣсти, безъ понятія. Людямъ до всего дѣло есть. Только я всѣмъ покажу, какъ языки чесать, первому пащенку Сашкѣ языкъ оторву. Какъ онъ смѣетъ. Ахъ дрянъ...“

Коля сбросилъ тулупъ и сѣлъ въ сильномъ волненіи. „Онъ непременно подѣ нее подкопается, онъ, я знаю, чего придумалъ“.

И Коля сталъ поспѣшно одѣваться, путаясь, бормоча и сердясь все сильнѣе.

Потомъ, задувъ огорокъ, сбѣжалъ по приставной лѣсенкѣ внизъ и вышелъ на улицу. Изъ-за крыши поднялась луна, и длинныя отъ нея густыя тѣни легли на свѣжую дорогу; отсвѣчивали неравныя окна избъ, а за рѣчкой отставной солдатъ кричалъ источнымъ голосомъ.

IV.

Сашка, раздумывая надъ Колинымъ невѣжествомъ, стоялъ у лавки, потомъ щелкнулъ пальцами и побѣжалъ по огородамъ къ дьяконову дому. У самыхъ воротъ нагналъ онъ Матвѣя Паисычаи, кривляясь, забѣжалъ впередъ, засматривая дьяку въ глаза.

— Неужели вы, Матвѣй Паисычъ, шутокъ не понимаете?—сказалъ онъ слащавымъ голосомъ.—Я, напримѣръ, ужасно уважаю Анну Матвѣевну и всегда готовъ ей услужить...

Дьякъ остановился и, не поднимая головы, наостричь ухо.

— Я чувствую, кто онъ и кто я,—продолжалъ Сашка:—я неучъ и лодырь, а онъ—образованность, пріятность въ обращеніи, рафинадъ.

— Вѣрно,—сказалъ дьякъ и вмѣстѣ съ Сашкой нехотя вошелъ на крыльцо.

— Я на тотъ предметъ говорю, Матвѣй Паисычъ,—у Сашки даже голосъ сталъ томный,—что если онъ прокатиться пожелаетъ, у васъ вѣдь, Матвѣй Паисычъ, лошади даже нѣтъ, а у маменьки два жеребца, такъ я всегда, только крикните, прибѣгу и доставлю...

— Это хорошо ты насчетъ жеребца...—молвилъ дьякъ и вдругъ схватилъ Сашку за руку.—Не знаю я, парень, что у тебя на душѣ... Ахъ, Сашка, не вѣрю я тебѣ... Растравилъ ты меня...

— Матвѣй Паисычъ, отецъ вы мой родной, Анна Матвѣевна какъ сестра мнѣ, вмѣстѣ вѣдь выросли.—Сашка даже захныкалъ и вдругъ зашепталъ, близко наклоняясь:

— А Шавердовъ-то, какъ вы ушли, говоритъ: лопни мои глаза, если я ей салазки не загну...

— Врешь,—сказалъ дьякъ басомъ и оттолкнулъ Сашку.—Шавердовъ не скажетъ...

Сашка виталцямъ даже крестъ изъ-за паузухи, чтобы побожиться, и вмѣстѣ съ дьякомъ вошелъ въ домъ. Разстроенный Матвѣй Паисычъ прошелъ прямо въ зальце, гдѣ стояли сундуки, покрытые кошмою, на окнѣ висѣлъ въ клѣткѣ воробей и повсюду были посланы чистые половички...

— Поль-то ножищами не топчи,—сказалъ дьякъ отчаянно и, схватясь за голову, сѣлъ на табуретъ. Напротивъ него помѣстился Сашка и, тронувъ дьяка за колено, продолжалъ:

— Мнѣ маменька сегодня говоритъ: „Вотъ хоть бы ду-

шенька наша, Аннушка, пріѣхала; хочу глазкомъ на нее поглядѣть“.

— Ну, такъ и сказала?—спросилъ дьякъ.

Сашка опять принялся божиться.

— Я чай,—маменька говоритъ,—выросла Аннушка-то. А что же у васъ, Матвѣй Паисычъ, карточки ни одной ея нѣтъ?

— Есть,—сказалъ дьякъ и вдругъ весело подмигнувъ,—въ завѣтномъ мѣстѣ запряганы, боюсь украдутъ: тебя боюсь... А показать?...

Сашка, зная дьяка, смолчалъ; тогда у дьяка даже руки вспотѣли—до того хотѣлось ему показать—и, наконецъ, едва не плача и говоря: „позднее время, Сашка, иди спать, уходи“, вытащилъ изъ сундука шкатулку съ карточками и, вздувъ лампу, еще разъ сказалъ: „уйди“.

Снята была Аннушка множество разъ, сначала въ простенькомъ платьѣ, съ косою и удивленными глазами, потомъ коса исчезла, появилось драповое пальто, даже пенснэ на одной фотографіи,—„ученость“,—прошепталъ на это дьякъ; далѣе платья улучшились, изъ снова выросшихъ волосъ завилась прическа, и на послѣдней, наконецъ, фотографіи снялась Аннушка въ бальномъ туалетѣ съ открытою грудью и руками,—такая прекрасная, обернутая гордымъ своимъ профилемъ, съ едва начинающейся нѣжной полнотой, что дьякъ, закрывъ ладонью дочку, въ волненіи сказалъ:

— Пошелъ прочь, Сашка, недостойнъ...

Тогда произошло очень странное: Сашка такъ сильно оперся о край круглаго столика, что онъ хрустнулъ, и всѣ фотографіи, кромѣ одной посыпались на полъ; дьякъ взмахнулъ руками и тотчасъ присѣлъ, подбирая, а Сашка, быстро схвативъ карточку Аннушки, въ бальномъ платьѣ, сунулъ въ карманъ...

— Показывай тебѣ, растяпа,—ругалъ его дьякъ. Сашка же, повертѣвшись еще съ минуту, надѣлъ картузикъ набедренъ и, нащупывая въ карманѣ трофей, побѣжалъ домой.

Планъ у Сашки возникъ внезапно, и онъ зналъ теперь,

что дьякова дочь не откажетъ ни въ чемъ, потому что очень хитро и ядовито было придумано дѣло.

Круглая и рыхлая попадья Марья тоскливо ѣла ланшу, сидя въ столовой, когда вошелъ Сашка.

Мебель у попадья стояла въ нарусиновыхъ чехлахъ, надъ столомъ висѣлъ увеличенный портретъ попа и въ шкафчикѣ аккуратно были разставлены золоченыя чашки; но, несмотря на всю эту роскошь, на кружевные занавѣски и пальму въ углу, тосковала попадья по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, сегодня свиснули у нея изъ кухни два ржаныхъ хлѣба, а во-вторыхъ, ей было вообще скучно. Кругомъ жили одни воры, да ругатели и ругательницы—Шавердова, новая попадья, писарша и весь народъ; не съ кѣмъ поговорить по-человѣчески: покойный погъ „Ниву“ хоть выписывалъ и былъ балагуръ, а Сашка неизвѣстно въ кого уродился: дуракъ въ дуракомъ.

На вшедшаго сына попадья не взглянула и сказала:— Садись, жри.

Сашка немедленно сообщила:

— Дьякова дочь прѣзжаетъ, актерка.

— Ну!—всполохнулась попадья.—Такая дрянъ смѣтъ являться... Она съ телеграфистомъ живетъ.

Сашка съѣлъ ланшу и сказалъ:

— Дайте-ка мнѣ, мамаша, палашину фотографическую камеру, я штуку подстрою...

— Что у тебя въ головѣ,—молвила попадья уныло,—свиной ты огрызокъ, зачѣмъ только я тебя рожала...

И попадья-Марья долго бранила Сашку, потомъ всѣхъ людей, зѣвнула, наконецъ, перекрестивъ ротъ, и окончила:

— Что за жизнь—тоска, хоть бы поколѣтъ скорѣй.

— Живите, маменька, подмигнувъ Сашка, хлебая ланшу,—я васъ развеселю.

И онъ рассказалъ свой планъ; попадья сначала не слушала, потомъ положила толстые локти на столъ и усмѣхнулась:

— Такъ ей, потаскушкѣ, и надо,—сказала она.—подстрой, пожалуйста, Сашка, это,—мы поржемъ...

— Не беспокойтесь, мамаша, я ее передъ всѣми оголю, и мастеръ...

— Голикомъ ежей бить—подхватила, колыхаясь, попадья, и оба они, наклонясь другъ къ другу, принялись хихикать, показывая гнилые зубы, поводя масляными глазами, схожіе, какъ два блина.

V.

Тѣмъ временемъ, Коля Шавердовъ, подойдя къ дьякову дому, поглядѣлъ черезъ окно и удивился: на полу около лампы сидѣлъ Матвѣй Паисычъ въ одиѣхъ розовыхъ кальсонахъ и рылся въ карточкахъ, кидая ихъ въ стоящую около шкапулку, а въ комнатѣ валялись кошмы съ сундукомъ, и вся мебель была перевернута.

Коля стукнулъ пальцемъ въ окно, и дьякъ, вскочивъ, подбѣжалъ, взглянулъ и закричалъ:

— Убирайся, разбойникъ; рано еще салазки загибать, не прѣехала.

— Какія салазки?—спросилъ Коля.— Поди-ка сюда, Матвѣй Паисычъ, дѣло есть.

Дьякъ поднялъ оконце и, высунувъ голову такъ, что животъ его уперся въ подоконникъ, схватилъ Колю за плечо и притянулъ къ лицу своему, шепча въ остервенѣніи:

— Пріятель твой, гады навозный, карточку самую прекрасную подтибрилъ—и ты за этимъ пришелъ?... Я васъ обоихъ въ храмъ опозорю, я донесу...

Дьякъ ощерился, показавъ единственный нижній зубъ, а Коля, въ испугѣ, взявъ дьяка за обѣ руки:

— Матвѣй Паисычъ, милый мой, не вините меня, это онъ все подстраиваетъ, а я за Анну Матвѣевну жизнь готовъ положить. Вы знаете, зачѣмъ онъ карточку укралъ? Онъ давно мнѣ хвалился, что можетъ у какой угодно карточки голову отрѣзать и къ голой дѣвкѣ (снята у него такая) приставить и всѣмъ показать.

— Что ты!—сказалъ дьякъ, и оба они, замолчавъ, глядѣли другъ на друга. Наконецъ, Матвѣй Паисычъ жалобно воскликнулъ:

— Что же это въ самомъ дѣлѣ за бѣда такая съ людьми.. Вѣдь жить нельзя!

— Нельзя,—подтвердилъ Коля.

— Къ отцу родному прійдетъ, а тутъ мальчишки съ голыми карточками осрамятъ. Эдакъ и затравятъ, а?

— Не затравятъ,—рѣшительно сказалъ Коля и, вдругъ потянувшись, поцѣловалъ дьяка въ губы.

— Прощайте, Матвѣй Паисычъ. Я все устрою, а если что выйдетъ—моя вина... Аниѣ Матвѣевнѣ скажите, что есть одинъ человѣчекъ на свѣтѣ, который.. ну, да что тамъ..

И онъ быстро зашагалъ на длинныхъ ногахъ, освѣщенный луною, словно догонялъ свою же тѣнь..

— Юнкеръ, юнкеръ, вернись,—звалъ перепуганный дьякъ.

Коля торопился, потому что было уже половина десятаго. Вступивъ на мостъ, онъ остановился перевести духъ. Направо рѣчка разливалась въ большой прудъ, невидный за темными ветлами, на которыхъ отъ луны блестѣли влажные листочки.

Налѣво же два раза выбѣгала изъ-за изѣбъ ясная, чуть дымная, та же рѣка.

— Миленъкая Аннушка,—сказалъ Коля,—помнишь ли?..

И, вздохнувъ, потому что очень защемило сердце, онъ побѣжалъ быстрѣе въ конецъ села къ мазанкѣ, безъ крыши и воротъ, гдѣ жилъ Митрофанъ.

VI.

Митрофанъ стоялъ посреди избы, держась рукой за низкую перекладину полатей и говорилъ троимъ своимъ сыновьямъ, сидѣвшимъ съ ярко-рыжими бородами, у стола на одной лавкѣ.

— Я васъ родилъ, я васъ женилъ, я васъ виномъ пою, чтите?

— Чтимъ,—сказали сыновья, и отпили изъ чайной чашки.

— А теперь я скажу, что есть крестьянинъ? значитъ, вашъ отецъ? корень видѣли, корень я и есть, чтите?..

Но въ это время въ избу зашелъ Коля, всѣмъ поклонился, сѣлъ на лавку и сказалъ:

— Я къ вамъ, мужички, съ поклономъ..

— Это ты правильно,—сказалъ Митрофанъ..

— Ведромъ кланяюсь,—продолжалъ Коля взволнованно,—уважьте, мужички..

— Можно,—отвѣчали всѣ сразу,—мы всегда, самъ знаешь.

— Сашку, попадына сына, знаете?

— Какъ не знать, хахаль..

— Поучить нужно..

Рыжіе парни быстро переглянулись, а Митрофанъ сказалъ:

— Мы хлѣбопашествомъ занимаемся, мірине..

— Я знаю,—вскочивъ, заговорилъ Коля и прошелся по изѣбѣ,—вѣдь не до смерти, а только, если его не поучить, житья намъ не будетъ..

— Къ дѣвкамъ очень пристаётъ,—сказали рыжіе парни,—мы и сами по себѣ на счетъ этого думали.

— Отчего не поучить,—прохрипѣлъ Митрофанъ,—отъ этого человѣкъ всегда въ разумъ входитъ, самъ же потомъ въ ноги падетъ.

Такъ они и порѣшили. Коля пообѣщавъ накинуть еще юмведра и, уговорившись о времени, ушелъ.

Не доходя моста, онъ повернулъ къ пруду. Темный и тихій лежалъ прудъ въ окаймляющихъ его густыхъ ветлахъ, а съ того края до этого прорѣзала его ясная полоса лунной зыби, двигаясь къ бѣлой кущальнѣ въ кустахъ.

Коля зашелъ на березовый полуостровокъ и сѣлъ въ корняхъ у воды.. Все еще думая о томъ, какъ будутъ

бить Сашку, онъ понемногу отходилъ и сердце его наполнилось воспоминаніями этихъ мѣстъ.

Когда полоса свѣта дошла до купалки, онъ вспомнилъ Аннушку, еще дѣвочкой, стоящую по колѣно въ водѣ, брызгая на него, друга своего, ладошками. Надъ прудомъ тогда горѣло солнце и въ капляхъ воды, когда онъ валили, изгибалась крутая радуга, а сквозь радугу тоненькое тѣло Аннушки казалось цвѣтнымъ, словно раковина.

Коля тогда громко смѣялся, сидя на мосткахъ, и нагнувшись длинной камышиной съ метелкой на концѣ, щекоталъ Аннушкѣ щеки и плечи, а она, прижавъ острые локти, закинувъ голову, подставляла шею, хохоча на весь прудъ.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ это было?—думалъ Коля, глубоко затягиваясь папирской, и вадрогнулъ, когда надъ водой низко, со свистомъ, пролетѣли утки и сѣли въ камышъ...

Это повернуло его мысли; Коля закурилъ новую папирску и легъ на спину.

Аннушка представилась ему взрослая, необычайной красоты и таинственная. То воспоминаніе о ней—купающейсѣ, связалось съ новымъ представленіемъ, и отъ этого Коля почти чувствовалъ шелестъ ея платья и тотъ запахъ, который издають дѣвушки, когда разгорятся на солнцѣ...

Коля не смѣлъ, но думалъ все дальше, пока не перевернулся ницъ и закрылъ горящее лицо руками...

— Господи, да она дня здѣсь не останется, — сказалъ онъ,—не будетъ же она у меня въ лавкѣ подсолнухи грызть, съ попадѣй пить чай. А я слова ей не сумѣю сказать. Поживетъ денекъ и уѣдетъ навсегда. А я что буду дѣлать? Опять вино продавать, Сашку слушать, у мамыши вѣтъ хлѣбъ съ горчицей?. Да вѣдь я не могу больше всего этого дѣлать... Поймите. Я все это дѣлалъ до времени. До пока. А что послѣ пока? Все попрежнему останется... И куда я отсюда не уйду...

Въ отчаяніи Коля застылъ, ни о чемъ не думая. Поне-

многу голова его, подвернутая въ руки, заболѣла и, приподнявъ ее, онъ сталъ вглядываться въ то мѣсто около купальни, гдѣ былъ яръ; клочекъ прозрачнаго тумана заколебался надъ яромъ. Былъ ли то туманъ, Коля не зналъ хорошо, но сердце его задрожало радостью, какъ никогда. Это бѣлое отдѣлилось и, тихо летя по лунной зыби, приблизилось къ березовому полуостровку и изъ неясной тѣни отдѣлились двѣ легкія руки...

„Русалка“,—подумать Коля, и сладкая любовь разлилась по всему его тѣлу. Захотѣлось положить голову въ руки той, кто была и русалкой и Аннушкой вмѣстѣ.

„Подойди поближе, — думалъ Коля, — я тебя люблю“. А лягушки квакали, и звукъ ихъ летѣлъ сквозь тѣло призрака...

— Я приду къ тебѣ,—говорилъ Коля, — у меня голова очень болитъ,—и, уныбаясь, все тянулся, пока не упалъ руками въ прудъ. Тогда онъ молча всталъ и отряхнулся. Высокая луна поблѣднѣла въ утренней зарѣ. Колина одежда и волосы были мокры отъ росы и голову ломило; онъ нѣсколько разъ, всхлипывая, вздохнулъ, помоталъ головой и, не оглядываясь на прудъ, пошелъ въ село, гдѣ уже мычали на дворахъ коровы и просыпались воробы.

Подойдя къ дьяконову дому, Коля увидѣлъ, что на крышѣ сидитъ верхомъ Матвѣй Паисычъ въ новомъ подрясникѣ и шляпѣ.

Коля прижался къ забору; свѣтало быстро, и дьякъ наверху вытягивалъ шею, сѣлся высмотрѣть что-то вдали. Когда же солнце поднялось алымъ бугромъ надъ полями, увидѣлъ Коля пылъ на дорогѣ, уходящей черной лентой въ росистую степь.

Матвѣй Паисычъ заслонился отъ свѣта ладонью, и скоро утренній вѣтеръ донесъ ясный звонъ колокольца... Тогда дьякъ привсталъ, поднялъ обѣ руки, и преобразилось радостное, красное лицо его, все въ слезахъ.

Рано утромъ Королина Ивановна, доя посреди двора корову, увидѣла сына Коленку, входящаго въ ворота, и воскликнула, повернувшись на скамеечкѣ, но не отрывая рукъ отъ сосковъ:

— Напился, съ кѣмъ же это ты насандалился такъ, паршивецъ?

Коля блаженно вдругъ засмѣялся, запѣвъ: „Во зеленомъ, во садочкѣ!“ полѣзъ въ хибарку свою на крышѣ, откуда и крикнулъ:

— Аннушка прѣехала.

— Скажите, радость какая, — проворчала Королина Ивановна, а корова въ это время ступила въ блестящую дойницу, что и привело Шавердову въ дурное настроеніе, продолжавшееся до самаго вечера, когда случился скандалъ.

Хотя Королина Ивановна и дѣлала видъ, что нѣтъ въ прѣздѣ Аннушки никакой радости, но, убравъ скотину, вымыла она въ горницѣ полъ, постлала на столъ вязанныя скатерочки и къ обоямъ приколотла бумажную розу.

Потомъ испекла пирогъ съ зеленымъ лукомъ и яйцами, подавая обычно который говорила гостямъ:— у насъ пирогъ, извините, съ яйцами,— надѣла зеленое шерстяное платье и вышла на крыльцо, такъ какъ сегодня было воскресенье.

По площади мимо лавки проходили благообразные мужики, въ новыхъ рубахахъ, перепоясанныхъ подъ грудями, и въ картузахъ; всѣ они кланялись Каролинѣ Ивановнѣ, а она, грызла подсоленухи такъ быстро, что изо рта у нея шла шелуха, застревая на подбородкѣ, и, глядя на мужиковъ, думала:

„Постой, обѣдня пройдетъ, нальете зенки“!...

Все время въ церкви звонилъ колоколъ; миловидная баба, съ младенцемъ у груди, подошла, поклонилась Каролинѣ Ивановнѣ и сказала:

— Утромъ къ дьяку барышня прѣехала, нарядная, какъ ягодка; бабы говорятъ, будто это не его дочка...

Каролина Ивановна попросила бабу сѣсть рядомъ и стала расспрашивать, а потомъ, поджавъ губы, сказала:

— А мой то старшенькій съ утра напился; не премѣнно съ этой актеркой, ну да я ее вытравлю отсюда.

Вдова попадья Марья тоже съ нетерпѣніемъ ожидала прихода Аннушки, но не готовилась, какъ Шавердова, а нарочно перебуторила все въ комнатѣ и напустила изъ кухни чаду, чтобы показать прѣзжей зазнайкѣ, какъ порядочныя женщины могутъ думать „о дѣвицѣ, которая пугается со всякими и въ театрѣ за деньги голыя груди показываетъ“.

Сашка, запершись въ чуланѣ, все утро мастерилъ свою штуку и прибѣгалъ нѣсколько разъ къ мамашѣ показать; разглядывая штуку, попадья уныло радовалась, сердясь при этомъ, что актерка не идетъ. Наконецъ, въ нетерпѣніи, послала она стряпку къ дьяку за сметаной, наказавъ узнать, какъ тамъ и что.

Но стряпка скоро вернулась, сообщивъ, что у дьяка кругомъ заперто и ставни заложены, а на стукъ никто не отвѣчаетъ. Тогда попадья пошла сама на огорода и, подобравъ вязанныя юбки, долго глядѣла на дьяконовъ домъ, ничего особеннаго не замѣтила и, возвращаясь, столкнулась съ Каролиной Ивановной, которая тотчасъ сообщила, что бѣгала къ дьяку за капустой, но у него ужъ очень тихо и надо бы доложить объ этомъ попу.

Попадья Марья, брезгливо поджавъ губы, оглянула Каролину Ивановну и сказала со злобой:

— Вотъ что, вы ужъ сына вашего къ намъ не пускайте, больно лѣзетъ. Сашка и такъ жалуется. Вотъ что...

— Какъ! — завопила Каролина Ивановна, — это вашъ паршивый сынокъ...

Но попадья уже ушла за плетень, довольная, что обидѣла нѣмку, а Шавердова долго еще грозила ей кулакомъ, выкрикивая непріятности...

Такъ прошло время до обѣда. Аннушка не выходила изъ дома, и въ селѣ только и было разговора, что о ней.

Наконецъ, на пыльной и знойной площади передъ лавкой появился Сашка въ ярко-пунцовой рубашкѣ, въ гороховомъ пиджакѣ, съ часами и картузѣмъ на-бекрень. Сашка прошелся мимо шавердовскаго крыльца, стуча лаковыми сапогами, дождался, пока бородатая Каролина Ивановна появилась въ окнѣ, вышескивая изъ полоскательницы, и тогда подскочилъ.

— Убѣрайся отъ нашего дома, — крикнула Каролина Ивановна.

Сашка заржалъ, вынулъ изъ кармана карточку, поднесъ ее къ самому носу Каролины Ивановны и спряталъ, тотчасъ-же обратно, сказавъ:

— Дьякову дочь видѣли?

Каролина Ивановна успѣла только разсмотрѣть голую дѣвку, верхомъ на стулѣ; любопытство одолѣло ее до того, что, забывъ обиду, полѣзла она въ окно, ухмыляясь во весь широчайшій ротъ. Сашка же, отступивъ, сказалъ:

— Колька-то на ней жениться хотеть. А мамаша къ вамъ запретила ходить, говорить, вы казенное вино водою добавляете...

Захотавъ, Сашка убѣждалъ показывать карточку и шаршѣ, а Каролина Ивановна кинулась на дворъ къ сыну, разбудила его, кидая палки въ шалашъ, и рассказала все.

Спавшій, не раздѣваясь, Коля молча слѣзъ, смуромъ выслушалъ маменькинъ докладъ и тотчасъ же пошелъ въ винный погребъ, крикнувъ братишекъ — Лешку-забѣяку и Лешку-нытика.

Вмѣстѣ они вынесли шесть четвертей и понесли вино къ Митрофану.

Коля по дорогѣ былъ растрепанъ и молчаливъ. До самой ночи его никто болѣе не видѣлъ.

VIII.

Дьякъ Матвѣй Паисычъ, навравъ дочкѣ, что любить подремать передъ обѣдомъ, и этимъ заставивъ ее отдохнуть послѣ утомительнаго пути, лежалъ на сундукѣ въ сѣняхъ, нарочно всхрапывая...

Рукой онъ осторожно отгонялъ мухъ отъ потнаго лица своего и думалъ объ Аннушкиныхъ двухъ чемоданахъ.

Чемоданы эти изъ желтой кожи поразили его воображеніе; ему казалось, что дочка была очень важная и богатая особа. Точно такіе же два чемодана онъ видѣлъ однажды у графа. Это было очень давно, когда онъ еще, ученикомъ духовнаго училища, проходилъ мимо „центральной гостиницы“ губернскаго города. У под'ѣзда стоялъ извозчикъ, на котораго швейцаръ, съ галунами на картузѣ, положилъ кожаные чемоданы и низко поклонился графу, полному и высокому мужчинѣ съ просѣдью. Графъ сказалъ: — „пшелъ на вокзалъ!“ — и Матвѣй Паисычъ съ благоговѣніемъ снялъ фуражку...

Не представляя иначе аристократа, какъ летящаго съ чемоданами на вокзалъ, думалъ теперь Матвѣй Паисычъ:

„Вѣдь моя дочка — Перегноева, а до какой высоты дошла, такъ что я ей не отецъ прихожусь, а только родителъ. Платьевъ шелковыхъ навезла и даже кошелечекъ есть — маленекій, кожаный. И не горда, а какъ прежде: „палаша, милый, позвольте кваску попить“; а я не то что кваску, и самъ живьемъ передъ ней расхибусь. Вотъ Господь, — дьякъ перекрестился, — несмотря на грѣхи мои и пакости послалъ счастье. Что мнѣ нужно? Ничего. Теперь я могу съ радостью умереть. Посмотришь у людей — лодыри дѣти, пьяницы, сквернословы, прямо чорту на рога дѣвуть, а Аннушка моя бѣленькая такая, веселенькая, все улыбається, грѣсенки поестъ, утѣшаетъ старика“.

Дьякъ не могъ далѣе думать, — по щекамъ его въ бороду текли слезы, а изъ комнаты позвалъ звонкій голосъ:

— Папаша, вы все еще спите...

Дьякъ, испугано вскочивъ, плюнулъ на ладони, пригладилъ ими волосы и, съ порога еще присѣдая, вошелъ къ Аннушкѣ.

Анна Матвѣевна, въ нижней юбкѣ и батистовомъ съ цвѣточками лифчикѣ, сидѣла передъ зеркаломъ; когда вошелъ отецъ, она обернула круглое свое лицо, съ маленькимъ ртомъ и большими синими глазами и сказала, дуя на духовку:

— А я такъ и не спала, очень хочется пойти—на вѣхъ посмотреть. А вы зачѣмъ гримасничаете?

И Аннушка, тоненько засмѣявшись, быстро поднялась и обняла отца за шею нѣжными голыми руками, а дьякъ обомлѣлъ и отодвинулся, стараясь не замарать нарядную дочку.

— Не ходила бы ты къ нимъ, — сказалъ Матвѣй Паисычъ, — вотъ невидаль: попададъ, какъ попададъ, Сашка у нея сынъ, ну тамъ Шавердова... Они и слова съ тобой не сумѣютъ вымолвить.

— Такъ они же забавные, папаша, поймите, такихъ днемъ съ огнемъ не сыщешь. Я умру со смѣха, глядя на нихъ.

Аннушка захлопала въ ладоши, а дьякъ, потупившись, угрюмо молчалъ.

Черезъ часъ они подъ руку подходили къ дому вдовой попадади.

— Домъ ничуть не измѣнился и скворешня та же, — воскликнула Аннушка, подиавъ кружевной зонть.

Тогда къ окнамъ изнутри придвинулись два толстыя лица, испуганно отшатнулись, заколебался тюль и спустились занавѣски...

— Уйдемъ, уйдемъ, — заторопился дьякъ, понявъ въ чемъ дѣло, но Аннушка открыла дверь крыльца и столкнулась съ попададиной давнишней стряпкой, которая, глядя ко съ, забормотала ерунду.

— Барыня, молю, приказали уйти, потому что, молю, карточки подметываютъ...

— Васенка, — удивленно воскликнула Аннушка, и стряпка тотчасъ распылилась, засунувъ руки подъ передникъ.

Аннушка, смѣясь, поцѣловала стряпку и отворила дверь въ комнату, гдѣ и наступила на попададью, которая подсматривала въ щелку.

— Марья Николаевна, — заговорила, было, Аннушка, протягивая ей руки, но попададья, съ каменнымъ лицомъ, открывъ ротъ, стала отступать и захолопулась въ спальнѣ... Тогда другая дверь пріотворилась, выгнули быстрые глаза Сашки и скрылись. Потомъ стало очень тихо. Дьякъ увлекъ на улицу Аннушку и все время держалъ за руку. Аннушка оглянувшись на домъ попадади, странно улыбулась и пожала плечами.

Дьякъ велъ ее черезъ знакомыя мѣста: — гдѣ тѣ же стояли амбарушки съ четырехугольной дырой въ двери для пролаза кошекъ, тѣ же бревна у забора, колодезь съ колесомъ, мельня когда-то канавы, поросшія лопухами. Понемногу морщины на лбу Аннушки разгладились, она сказала весело: „вотъ чудачка“ — и захотѣла, не смотря на отговоры дьяка, пойти къ Шавердовой и посмотреть стариннаго своего пріятеля Колоу.

Въ залыцѣ Шавердовскаго дома никого не было, но за стѣной слышались шепотъ и возня. Аннушка потрогала бу-мажную розу, оправляя передъ зеркаломъ волосы и нетерпѣливо обернулась къ дверямъ. За стѣной, отдѣляющей кухню, хихикали все громче, и Аннушка, подиавъ голову, увидела въ узкомъ и длинномъ окнѣ подъ потолкомъ семь веселыхъ рожъ, съ прижатыми къ стеклу носами... Аннушка громко засмѣялась, высунула Шавердовскимъ мальчишкамъ языкъ, мальчишки завыли отъ веселья и показали ей кукиши.

— Это что за мода, оставь моихъ сыновей, — злобно крикнула вошедшая въ это время Каролина Ивановна.

Аннушка двинулась, было, къ ней, но нѣмка затрясла головой и губами.

— Безстыдства въ домѣ у себя не потерплю, не по-

зволю моимъ сыновьямъ языкъ казать, голыя карточки подметывать...

— Что вы, Каролина Ивановна, какія карточки, что она говоритъ?—жалобно спрашивала Аннушка, и глаза ея наполнились слезами,—за что меня?

Но въ это время, крикнувъ въ ладонь, выступилъ дьякъ, и сказалъ:

— Дочь моя сдѣлала вамъ честь, она дама и особа, а вы, Каролина Ивановна, какъ есть, баба деревенская и должны передъ ней стоять по швамъ, а на счетъ карточекъ, такъ это сынокъ вашъ и Санька подстроили, потому что я на всёхъ васъ плюю...

Дьякъ дѣйствительно плюнулъ въ лицо Каролинѣ Ивановнѣ и, захвативъ дочку, вышелъ, а Шавердова, нарочно не вытираясь, догнала гостей въ сѣняхъ и толкнула со всей силой въ спину Аннушку такъ, что та ударилась о косякъ. Матвѣя Паисыча дотянула за косу до полу, завyla, и выбѣжавъ на площадь, стала кричать всенародно, что ее избилъ дьякъ.

— Папаша, папаша, за что она меня,—спотыкаясь, вторяла Аннушка, задыхалась и хватала дьяка за рукавъ, а дьякъ тянулъ дочь съ площади въ огорода, говоря:—идемъ, идемъ, потомъ поплачемъ, на улицѣ-то люди осмѣютъ.

IX.

Аннушкѣ давно хотѣлось съѣздить въ родное село, показаться, чтобы всѣ видѣвшіе ее простой дѣвченкой сказали:—наша-то Аютка, кто бы подумалъ, актриса, въ газетахъ [про нее пишутъ... Надѣвая первое бальное платье, мечтала Аннушка о томъ, какъ удивятся старые друзья, если она, такая красивая и нарядная, вернется въ родныя свои мѣста погостить. Но собраться и поѣхать было дорого и склочно. Постепенно воспоминанія стирались въ памяти, и Аннушка только въ часы грусти плакала потихоньку о невозвратномъ.

Но нынѣшнимъ лѣтомъ, получивъ ангажементъ въ Самару, съѣла она на волжскій пароходъ, увидѣла зеленые берега съ бѣлыми монастырями, вылинявшие до грусти небо Заволжья, дымный просторъ воды, баржи и караваны плотовъ и, взволнованная, послала телеграмму отцу, что ѣдетъ.

День за днемъ, приближаясь къ роднымъ мѣстамъ, волновалась она все болѣе и радовалась; увидѣвъ же на разсвѣтѣ крыши Утевки и единственный въ степи дубокъ, на корѣ котораго еще осталось (или это показалось только?) вырѣзанное слово „Аюта“, заплакала Аннушка и вся въ слезахъ подѣхала къ дому отца.

Но сегодняшній пріемъ у попады и Шавердовой напомнилъ ей, что не милые люди жили въ этомъ пыльномъ селѣ, а злые и угрюмые мѣщане, обижавшіе когда-то дѣвочку Аютку, бѣгавшую въ ситцевомъ платьишкѣ, съ тоненькой косой.

Аннушка долго рыдала на огородѣ и отмахивалась отъ дьяка, думая, что какъ же ей жить съ чужими людьми, когда свои такъ грубо оттолкнули.

На завтра она рѣшила ѣхать въ Самару и послѣдно стала укладывать вещи, а дьякъ пошелъ къ вечернѣ, поклявшись, если что въ храмъ явится попады или пѣмка—показать имъ при всемъ народѣ кузькину мать.

Уложившись, Аннушка съѣла на крылечкѣ и долго вздыхала, глядя, какъ солнце клонится къ скучнымъ полямъ. Грачи летѣли въ гнѣзда на покой, и воробы на пыльномъ кусту чирикали, утомленные дневной вознею. Мимо крыльца пролегла мягкая отъ пыли дорога, и лугъ весь заросъ гусинымъ щавелемъ, который вдалекѣ щипали бѣлые гуси.

Аннушкѣ очень себя стало жалко и она растаскивалась, подперевъ рукою щеку... Неужели даже слѣдовъ отъ ея ногъ не осталось на этомъ лужкѣ, а сколько разъ съ Колей въ перегонки бѣгала она къ заброшенному погосту, чтобы ловить тамъ кузнецниковъ среди камней, источенныхъ водою и зеленыхъ бугорковъ... А съ погоста виденъ прудъ.

— Прудъ,—сказала Аннушка,—какъ я забыла къ нему

сходить—и, она пошла оглябая село по выгону, къ тому берегу полуостровку, гдѣ вчера спалъ и бредитъ Коля Шавердовъ. Сбѣвъ надъ водой, Аннушка сняла шляпу и прищурилась отъ милыхъ воспоминаній. Подъ березами было темно и влажно. Аннушка съ веселой улыбкой разстегнула кофточку, развязала шнурки юбокъ и, освободившись отъ всего, стала разуваться.

Оранжевое солнце, склоняясь у того края пруда за деревья, залило ей лицо, и Аннушка заглядѣлась на голыя свои руки, которыя сдѣлались прозрачными.

— Какъ страшно,—сказала Аннушка,—вода холодная, здѣсь ключи бьютъ—и, громко смѣясь, схватилась рукой за вѣтку, опустивъ ногу въ прудъ... Въ это время хрустнуло юзади, Аннушка быстро обернулась и увидѣла за березой Сашку, дѣлавшаго ей знаки рукой.

— Уйдите,—воскликнула Аннушка, прикрываясь рубашкой,—видите, я раздѣта.

Сашка выгѣвъ изъ-за дерева и, помахая карточкой, проговорилъ сбивчиво:

— Ты не фырчай, у меня документикъ есть... Будешь добрая—разорву, а не то въ газетѣ пропечатаю.

Сашка задыхался немного; отъ волненія рука, держащая карточку, дрожала, и прыгали щеки...

— Убிரайся, дрянной мальчишка, какой документикъ, я стану кричать,—путаясь въ платѣ, громко шептала Аннушка и глядѣла въ круглые глаза Сашкѣ, который медленно подходилъ.

Такъ, пятясь, Аннушка оступилась, Сашка схватилъ ее за голыя плечи и зашепталъ у самыхъ губъ...

— Аннушка, сдайся, я ласковый...

И, захвативъ ея руки, сталъ ломать, наваливаясь грудью. Аннушка молчала, чувствуя, какъ слабѣютъ и разгибаются мускулы, застилаеть глаза...

— Не надо, пожалѣй,—тихо сказала она.

Сашка тогда, высоко сгнувъ, навалился и ударилъ Аннушку колѣнкой, но въ это время громко заговорили со-

сбѣвъ близко грубые голоса и на волосы дѣвушки наступили сапогъ. Сашка рванулся, отдѣлился отъ ея тѣла, поднялся на воздухъ и протяжно, какъ заяцъ, которому пустанютъ въ носъ соломинку, закричалъ.

Аннушка, слыша только этотъ крикъ, оперлась руками о землю и побѣжала между деревьевъ. Одинъ разъ взглянула она на рыжаго мужика, который держалъ подъ мышку Сашку, а двое другихъ, тоже рыжихъ, били кулаками въ Сашкинъ открытый и окровавленный ротъ.

— Оставьте,—закричала Аннушка; все надрывалось въ ней отъ громкаго воя... Мужики уже опустили Сашку и наклонившись, копошились, тяжело дыша, а въ это время дорогу ей преградилъ Коля Шавердовъ, заломивъ руки.

— Солнышко,—сказалъ онъ и пахнулъ на нее вихромъ.

Не останавливаясь, хлестнула его Аннушка по щекѣ и побѣжала на косогоръ, едва касаясь ногами травы. А Коля крисѣлъ, вынулъ платокъ и сталъ сморкаться, вытирая глаза.

Въ ту ночь на площади передъ лавкой двѣ бабы и оставной солдатъ слушали вопли и крики, глядя въ окна Шавердовскаго дома, гдѣ, таская другъ друга за волосы, бранились Каролина Ивановна и вдовая попадья...

Да еще по узкой дорогѣ между хлѣбовъ и ковыля, потряхивалась, дребезжа, плетушка, на козлахъ сидѣлъ дякъ Матвѣй Паисычъ, а позади него, лежа калачикомъ на сѣнѣ, горько плакала Аннушка, уткнувъ лицо въ ситцевую подушку...

Мѣсяцъ свѣтилъ и летѣлъ навстрѣчу обрывкамъ ночныхъ облаковъ; по той-же дорогѣ шелъ Коля Шавердовъ. Прицѣпивъ къ поясу узелокъ и стуча палкой, думалъ онъ, что никогда ужъ больше не вернется въ проклятое село... А что дѣлать будетъ—не все ли ему равно, лишь бы жить въ городѣ, гдѣ Аннушка...

Заглянулъ мѣсяцъ и въ попадьинъ домъ сквозь щель

ставни, за которой, свѣсивъ съ кровати голову, стономъ отплывался Сашка, клянясь завтра-же поджечь Шавердовыхъ со всѣми потрохами... Но это ему не удалось...

Мѣсяць въ положенное время закатился за родными мѣстами и, когда нужно, снова взошелъ и свѣтилъ и лѣтомъ и зимою, много годовъ на село, на степь, на приволжскій городъ, гдѣ на крутомъ берегу, недалеко отъ пароходной конторки, торговалъ Коля Шавердовъ въ своей лавочкѣ лимонадомъ, арбузами и воблой...

Однажды Коля, подвѣшивая связку ядерныхъ баранокъ на дверь, увидѣлъ извозчика, который вабирался отъ конторки въ гору; на пролеткѣ лежали чемоданы и желтые сундучки, а среди нихъ, закутанная въ зеленую вуаль, сидѣла Аннушка, усталая и постарѣвшая, придерживая лѣвой рукой крошечную собаченку... Коля снялъ картузъ, низко поклонился и сказалъ: здравствуйте, Анна Матвѣевна, съ приѣдомъ... Но Аннушка не обернулась, должно быть не слышала за грохотомъ колесъ...

Все тотъ же мѣсяць, выглянувъ однажды сквозь сѣровыя облака, побѣжалъ вдоль холодной стали рельсъ, между которыхъ издали по занесенной снѣгомъ насыпи, шелъ Сашка, пробираясь послѣ долгихъ, тяжелыхъ лѣтъ въ родныя мѣста, гдѣ, должно быть, всѣ уже умерли...

Сунувъ обмерзшія руки въ рваные рукава, подставивъ плечо выюжному вѣтру, спотыкался Сашка и все брелъ не оглядываясь, въ страхѣ, что догонитъ его стражникъ, или повалитъ буранъ... Только въ отчаяніи можетъ помыслить человѣкъ — пробраться за десятки верстъ сквозь снѣговую степь, гдѣ живой только онъ одинъ и то не на долго.

Площадь Обсерваторіи на закатѣ послѣ дождя покрывается лиловыми лужами. Бронзовые листья каштановъ падаютъ съ увядающихъ вѣтокъ на бѣлые столики. И всегда передъ глазами, когда я пью черное кофе, стоитъ на камнѣ задорный французигъ изъ чугуна, маршалъ Ней, князь Московскій. Къ нему очень идетъ титулъ, и я всегда, глядя на него, чувствую гордость. А лѣвѣе, вначалѣ высокой аллеи, двѣ англичанки пищутъ эту же съ бронзовыхъ коней фонтана. Какъ, должно быть, надоѣло конямъ видѣть ежедневно передъ собой унылыхъ англичановъ съ мольтбертикомъ и ящичкомъ на ремнѣ, черезъ плечо. Я всегда иронически улыбаюсь, когда пейзажистки эти, возвращаясь, проходятъ мимо сафѣ, поглядывая на насъ смертныхъ. Онѣ ужасно довольны. Честь быть художникомъ для нихъ великая честь...

А вотъ я бы съ удовольствіемъ приобрѣлъ себѣ пару хорошихъ штановъ, которые у меня съ бахромой внизу и зеркальными колѣвиками. Но дѣло не въ этомъ; о художникахъ я распространился потому, что очень ужъ они раздражали меня самодовольствомъ. А радоваться не находилъ причины. О сафѣ-же упоминаю по той причинѣ, что въ немъ началась вся страшная эта для меня исторія, которую многие найдутъ смѣшной.

Бронзовые листья каштановъ послѣ дождя пахнутъ осенью; я очень чувствую этотъ запахъ, потому что обладаю талантомъ различать всевозможные ароматы; за другой талантъ выгнали меня изъ Россіи. Я говорю о двухъ стихо-

творенияхъ, за которыя меня и редактора одной газетки судили; его посадили, а я удралъ въ Парижъ.

Здѣсь я отпустилъ себѣ длинные волосы, завелъ галстухъ байтомъ и небрежно поглядывалъ на эмигрантовъ, заходя въ ихъ читальню показаться. Но меня почему-то не замѣчали; первый подходилъ я не умѣлъ и злился, а чрезъ годъ попривыкъ къ положенію своему—эмигранта-одиночки, Ивана Ивановича Горшкова. Такова моя фамилія—неказистая и мѣщанская; съ лица же былъ я очень некрасивъ, вѣрнѣе—уродливъ и не видѣлъ себя въ зеркалѣ воть уже десять лѣтъ, отъ витринъ же магазиновъ, проходя мимо, отвращивался. И, сидя одинъ въ сафѣ, думалъ Богъ знаетъ о чемъ, канителью думалъ, а больше всего о проходящихъ мимо дѣвушкахъ и женщинахъ.

Мнѣ болѣе нравились тѣ, у которыхъ плечи были опущены, большая шляпа закрывала половину лица, оставляя въ свѣту щеку и одинъ глазъ, а подхваченныя платьемъ ноги легко шуршали по песку.

Мечтая объ этихъ, я представлялъ прежде всего, что сниму очки и положу ихъ на ночной столикъ; въ очкахъ любовь немыслима—они должны тотчасъ запотѣть, съѣхать на кончикъ носа и насмѣшить любовницу. Проклятыя очки!—они мѣшали свободно мечтать, потому что я всегда начиналъ съ нихъ, засовывалъ въ ротъ усы, грызъ ихъ и расхолаживался.

Но, пусть не думаетъ читатель, что я этимъ только и занимался...

По утрамъ, отворивъ окно на улицу, съ которой долеталъ шумъ экипажей и толпы, я второй уже годъ работалъ надъ обширнымъ трудомъ: „Путь къ счастью“,—грядущее откровеніе, для всѣхъ.

Матерьяловъ у меня не было никакихъ, да я и не хотѣлъ набивать все это чужимъ умомъ, я писалъ новое, правда сбивчиво но, смѣло.

Потомъ, отложивъ перо, шелъ въ Люксембургскій садъ.

дѣвъ въ бассейнѣ французы и французскія дѣти пускаютъ кораблики.

Оперевшись о трость, смотрѣлъ я на нихъ, презрительно улыбаясь, и вздрагивалъ, когда шуршало вблизи женское платье.

Чортъ знаетъ для чего я все это дѣлалъ, но человѣкъ предчувствуетъ поворотъ въ своей жизни, и я передъ тѣмъ, какъ случилась странная вся эта исторія, былъ крайне возбужденъ.

II.

Въ памятный для меня вечеръ, къ столикамъ сафѣ торопливо подошла и неподалеку отъ меня сѣла молодая дѣвушка въ синемъ жакетѣ и сѣрой юбкѣ. Лица я не видѣлъ, но по движеніямъ плечъ и затылку догадался, что она заволнована.

„Иногда бываетъ, что дѣвушку обманетъ любовникъ, она разсердится и готова на всякое сумасбродство съ первымъ, кто подвернется!“—подумалъ я.

Подозвавъ гарсона, дѣвушка забыла, что хотѣла спросить; потомъ съ жадностью выпила вина, повернувшись на стулѣ, и глаза ея стали блуждать.

Я вспомнилъ, что видѣлъ ее, кажется, въ русской столовой, даже перемолвился. Лицо у нея было смуглае, глаза огромные и большой ротъ; изумительны-же были движенія округлыхъ и узкихъ рукъ...

Оглядѣвъ, я понемногу пересталъ ее видѣть и размечтался, пока не покраснѣлъ неволью отъ ея пристальнаго взгляда. Я вынулъ нечистый платокъ и, скомкавъ его, вытеръ носъ, который ко всему у меня былъ всегда и салдный.

Дѣвушка положила оба локтя на столъ и, удобно устроясь подбородкомъ на кулачкахъ, глядѣла на меня такъ, словно пила вкусную и отвратительную жидкость. Потомъ она спохватилась и заслѣшила, повернувъ направо на бумбваръ. А я остался, досадуя, что не поклонился.

Придя къ себѣ, я не могъ заснуть и при свѣчѣ сталъ писать письмо.

„Простите, что я къ вамъ обращаюсь; мнѣ показалось, что вы одиноки, я тоже страшно одинокъ. Я не знаю, что вы думали, когда смотрѣли на меня. Я показался вамъ навѣрно отвратителенъ и жалокъ, но увѣрю васъ—я не нахаль, не грубиянъ и могу быть очень нѣжнымъ другомъ. Неужели я обреченъ быть всегда одинъ, я ни передъ кѣмъ не провинился, и не понимаю, почему меня всѣ избѣгаютъ. Вотъ я вамъ и пишу, прося объ одномъ: не разорвать тотчасъ же это письмо, подумайте немного, что не за одну же красоту любятъ человѣка (не бойтесь, я не прошу меня любить) и согласиться выслушать, встрѣтись въ сабѣ.

Горшковъ“.

Я тотчасъ запечаталъ письмо, чтобы не перечитывать, а на утро побѣжалъ въ русскую читальню, и попросилъ, если придетъ такая то дѣвица (я описалъ ея наружность), передать ей мое письмо.

Мнѣ отвѣтили, что я, должно быть, говорю о Маріи Степановнѣ Гунтеръ, но она уже давно въ русскую колонію не заглядывала, и дали ей адресъ. Я опустилъ письмо и пошелъ бродить по улицамъ, разговаривая вслухъ. А къ вечеру очутился около моего сабѣ и сразу увидѣлъ ее, сидящую съ высокимъ и очень толстымъ господиномъ.

Она что-то поспѣшно говорила, ударяя кулачкомъ о столъ, поминутно прикладывала пальцы къ виску. Я прошелся вдалекѣ раза два и, когда возвращался въ третій, Марія Степановна сидѣла уже одна, сгорбившись, словно отъ боли.

Я сѣлъ напротивъ и поклонился. Она закинула голову и, захвативъ кошелечекъ и стаканъ, сѣла ко мнѣ, говоря нѣжнымъ голосомъ:

— Сейчасъ только я получила ваше письмо, спасибо вамъ, милый, я нуждаюсь въ преданномъ другѣ... я очень несчастна... И боюсь, что если узнаете меня—отвернетесь... Вамъ уже навѣрно наговорили про меня въ колоніи.

Она улыбалась и, хотя лицо ея было обернуто ко мнѣ, глаза, казалось, не видѣли, и темныя брови надъ переносьемъ двигались, какъ у осы.

Я-же молчалъ, смущенный ея движеніями, и украдкой втягивалъ запахъ сладкихъ духовъ.

— Мнѣ нуженъ другъ,—продолжала дѣвушка,—я выбираю васъ; вы сдѣлаете для меня все, правда?—она вдругъ покраснѣла, встала, выпрямивъ грудь, и мы пошли по Монпарнасу, причемъ я думалъ, что нужно сказать что-то очень красивое, но не могъ выдумать.

— Вотъ мой домъ,—сказала Марія Степановна.—Сегодня къ себѣ не зову, но завтра встрѣтимся, поидемъ ко мнѣ, поговоримъ и почитаемъ. Я многое должна рассказать... Вы поймете... сейчасъ я въ тискахъ, вздохнуть не могу... ахъ итъ, вы ничего не знаете...

Я долго мялся у подъѣзда, потомъ поцѣловалъ ея руку и пошелъ домой, напѣвая и посвистывая. Эту ночь я спалъ хорошо, прижавъ къ щецкѣ подушку, которая на утро оказалась мокрою отъ слезъ. Перевернувъ ее сухой стороной наверхъ, я долго не вставалъ, вспоминая мелочей вчерашнее, потомъ испугался и пересчиталъ деньги въ кошелькѣ. Оставалось сорокъ франковъ,—последнее, что было прислано мнѣ изъ Россіи!

— Вотъ счастье,—воскликнулъ я, и побѣжалъ покупать зеркало и чистый воротникъ.

„Какъ ее зовутъ“,—думалъ я по дорогѣ.—„Не все ли равно, милая, очаровательная...“

Принеся зеркало домой, я подошелъ къ окну и рѣшилъ на себя взглянуть. И въ синеватой поверхности отразилось мое лицо: скуластая, рябая, съ большимъ ртомъ и носомъ, какъ кусокъ глины, нечесаная рожа. Не знаю, можетъ быть я преувеличиваю.

Я вырвалъ зеркало, оно разбилось на мелкіе куски. Въ отчаяніи закрылъ я голову руками и легъ ничкомъ на кровать. А день былъ ясный, осенній, и звонко кричали на улицѣ продавцы.

— Все равно,—сказалъ я, наконецъ,—можетъ быть, пожалѣть...

...Въ сабѣ гарсонъ насмѣшливо на меня поглядѣлъ и подалъ карточку обѣда... Оказывается, было только три часа... Я заказалъ обѣдъ, бутылку вина и сигару. Но все-таки медленно проходило время. Выпивъ вино, я очень развеселился и, спросивъ бумаги и чернилъ, сталъ сочинять стишки:

Я одинокій былъ, и рвалъ себѣ власа,
А ты пришла, утѣшила меня, краса...

Что-то въ этомъ родѣ; потомъ принялся рисовать ея профиль и наконецъ, облокотясь, задумался, не помню о чемъ.

А потомъ ни о чемъ уже не думалъ, и тоскливо слѣдилъ за часами, нарочно, чтобы убить время, заходя для этого во внутрь сабѣ.

Но вечеръ наступалъ слишкомъ медленно, и я, вспоминая, что она обѣщалась придти только къ девяти, взмокъ, хотя руки были холодны.

Должно быть отъ волненія, я совсѣмъ обмился потомъ и сталъ самъ себѣ противенъ настолько, что, крикнувъ гарсону:—я сейчасъ вернусь, такъ и передайте, если придетъ барышня,—побѣжалъ за уголъ направо, въ торговня бани.

На мнѣ было единственное мое бѣлье, я раздѣлся, вымылъ его тщательно мыломъ, повѣсилъ на окно и легъ въ ванну, стыдясь своего тѣла, тощаго и раздраженнаго почти годовымъ постомъ. Бѣлье, конечно, не просохло, и я вновь надѣлъ его сырмъ, что было очень неприятно.

Ждалъ я въ сабѣ еще часа полтора, и когда, наконецъ, Марья Степановна подошла, незамѣтно окликнувъ меня сзади, я сидѣлъ противный и холодный, дрожалъ въ ознобъ и тотчасъ принялся рассказывать ей всю свою жизнь, исторію съ веркломомъ и какъ только что мылся и стиралъ бѣлье.

Марья Степановна съ безпокойствомъ на меня поглядывала, потомъ стала улыбаться и сказала:

— Ахъ, право, вы какъ женщина кокетливы, только не сердитесь, мнѣ ужасно смѣяться хочется,—и она вся даже согнулась отъ звонкаго смѣха, который былъ также похожъ на плачь.

Все это я хорошо запомнилъ, хотя былъ тогда въ лихорадкѣ. Всѣ, вообще, послѣдующіе дни памяты для меня отдѣльными мгновеньями, яркими до боли въ глазахъ, остальное же забылось,—должно-быть, я двигался тогда, какъ автоматъ, отвѣчая сознательно на одно только чувство.

Вскорѣ мы пошли къ ней; она развела огонь въ каминѣ, и я сидѣлъ безъ пиджака передъ жаркими углями и, хотя слушалъ ея рѣчь о какомъ-то безвыходномъ положеніи, объ какомъ-то Алехинѣ, но ровно ни слова не понималъ, а наслаждался теплотой камня и близостью дѣвушки. Когда она потянулась со щипцами, чтобы поправить угли, я взялъ ее за руку и расплакался... Она испуганно дернулась сначала, потомъ изъ-за пояса юбки вынула платочекъ, вытерла глаза мои и, нѣжно обнявъ за голову, сказала:

— Это хорошо, поплачьте...

И вдругъ расплакалась сама, сѣвъ на диванъ.

Все это было непонятно, но я и не хотѣлъ понимать; я цѣловалъ ея руки, присѣвъ передъ диваномъ на корточкахъ.

III.

Въ Люксембургскомъ саду ко мнѣ подошелъ тотъ русскій, у кого я спрашивалъ адресъ Маріи Степановны, взявъ за пуговицу и сказалъ:

— Совсѣту остерегаться этой женщины, я узналъ, что она ходитъ одна ночью въ Булонскій лѣсъ и у ней въ ридикольчикѣ понимаете что... и всякій можетъ насчитать... ну... попользоваться... И, вообще, она въ очень подозрительной компаніи...

На знакомого я молча посмотрѣлъ и отошелъ и, въ ожиданіи вечера, когда можно пойти къ Марьѣ Степановнѣ, (днемъ она запретила приходить, назначивъ часъ отъ семи до десяти), бродилъ по аллеямъ, невольно думая, зачѣмъ это она ходитъ въ Булонскій лѣсъ. А, когда опять встрѣтилъ того-же знакомого, догнавъ, замахнулся на него палкой: онъ испугался, должно-быть, а я пошелъ къ Марьѣ Степановнѣ, повторяя про себя:

— Вы знаете, госпожа Гунтеръ, кто ходитъ по Булонскому лѣсу ночью? Думаете, я не знаю?—но когда вбѣжалъ по винтовой лѣстницѣ, вдохнувъ привычный запахъ ея комнаты, и Марья Степановна, очень веселая, подошла ко мнѣ съ письмомъ въ рукѣ, сказала улыбно:

— Мишенька вы мой, о чемъ смѣетесь?

— Ступайте скорѣе,—воскликнула она,—достаньте костюмъ и заѣжайте за мной къ десяти, я получила билеты въ маскарадъ, ну-же, скорѣй...

Она была очень возбуждена. Я тотчасъ ушелъ и къ десяти часамъ, одѣтый въ старенькій костюмчикъ Пьеро, подъѣжалъ въ каретѣ къ Марьѣ Степановнѣ, радуясь, что буду вблизи нея весь вечеръ. И я даже предположить не могъ, что меня ожидаетъ.

Вбѣжавъ безъ передышки наверхъ, я сразу безъ стука отворилъ дверь въ комнату Марья Степановны и, какъ будто колючій свѣтъ ударилъ мнѣ въ глаза: Марья Степановна стояла спиной ко мнѣ, совсѣмъ раздѣтая передъ зеркаломъ, и надѣвала парикъ...

— Безсѣстный, — воскликнула она, — куда же мнѣ дѣться, отвернитесь, или уйдите въ прихожую.

И я, глядя на бѣлое и тоненькое ея тѣло, отступалъ за дверь, двигая сухими губами... Въ прихожей овладѣлъ мной страхъ и радость; я, не дыша, прижался къ стѣнѣ.

А когда, наконецъ, Марья Степановна, одѣтая въ бѣлое домино, распахнула дверь, я увидѣлъ ея отраженіе напротивъ въ зеркалѣ и рядомъ себя—Пьеро, съ длинными рука-

вами и красными пуговицами. Лицо у Пьеро было зеленоватое и багровое, торчали уши и поблескивали очки...

— А вы дѣйствительно ужасно безобразны, — сказала Марья Степановна, немного отступая...

— Марья Степановна, — сказалъ я, — покажитесь еще, вамъ не стыдно?

— Нѣтъ, не стыдно,—внимательно и странно глядя на меня, молвила Марья Степановна, — раздѣтой ничуть не стыднѣй, чѣмъ одѣтой... Если хотите, — и она развела было руками края домино и, полюбѣдивъ, добавила, — Нѣтъ, не надо, поѣдемъ, иначе вы меня задержите...

— Покажите, покажите, — завопилъ я, преграждая ей дорогу, но она, смѣясь, отстранила меня отъ двери, и мы вышли...

Все, что было потомъ, не такъ волнуетъ меня въ воспоминаніяхъ, какъ это невыполненное ея желаніе посмѣяться: ли надо мною, или дѣйствительно доказать, что у нея нѣтъ стыда. Я помню даже, какъ желтое и мягкое кружево, вдоль края ея домино, смялось подъ пальцами, обнаживъ узкую полосу тѣла и слегка согнутое колено...

IV.

Марья Степановна нетерпѣливо поцукала извозчика, и, когда мы подъѣхали, у театра стояло множество экипажей. Маскарадъ устраивали артисты, причѣмъ входъ былъ только по приглашительнымъ билетамъ; это былъ очень интимный и веселый маскарадъ.

Войдя въ пустую ложу, Марья Степановна оглядѣла маленькій красный залъ, придерживая маску, сказала:— о, нѣтъ,—сѣла, прижимаясь ко мнѣ плечомъ, и стала читать программу.

Я же видѣлъ только ея бѣлую руку, лежавшую на красномъ бархатѣ ложи.

— Онъ здѣсь, — сказала Марья Степановна, — онъ бо- рется, ахъ, Горшковъ, вы сейчасъ увидите.

— Марья Степановна,—спросилъ я,—кто онъ?..

— Кто онъ,—повторила она, и глаза ея сузились подъ прорѣзью маски,—я покажу...

Я прижался къ барьеру и сталъ разсматривать гуляющихъ въ партерѣ, внимательно отпечатлѣвая въ памяти всѣ подробности костюмовъ и лицъ; а въ головѣ звенѣло, и говоръ толпы казался далекимъ, какъ во снѣ...

Отъ прохода, огибая залъ и выходя въ коридоры, медленно двигалась пестрая толпа. Высокій галль, въ племѣ съ бычачьими рогами, обнималъ веселую цвѣточницу; лорнируя, на ципочкахъ ногъ выступая голубой фракъ временъ директоріи; одѣтая въ красныя тряпки, словно охваченная огнемъ, вертѣлась смуглая цыганка; ее дотонялъ арлекинъ, звеня поясомъ и бубенцами на колпакѣ; и синія, бѣлыя, черныя домино шептались вездѣ, строили интриги и ускользали изъ рукъ, прикрываясь вѣерами, сверкая зубами и глазами подъ прорѣзью масокъ...

Но вотъ ударили въ гонгъ и поднялся на сценѣ занавѣсъ. Изъ правой и лѣвой кулисъ вышли распорядитель во фракѣ и дама въ зеленыхъ блестяхъ, со шлейфомъ, палкой и надписью на ней „обозрѣніе“. Дама, красиво поводя рукою, стала что-то объяснять толпившимся къ оркестру маскамъ, распорядитель ударилъ въ ладоши, сбоку вышелъ человекъ, изображающій художника, въ клѣтчатыхъ штанахъ съ длинными волосами и трубкой, и за нимъ выкатили большой холстъ, изъ-за котораго выскочили пять совѣмъ голыхъ дѣвушекъ. Въ партерѣ пронесся шопотъ, легкій смѣхъ и разсыпался частый плескъ ладошей...

— Какъ имъ не стыдно,—услышалъ я голосъ Марьи Степановны, быстро обернулся и сказалъ.

— Вы красивѣй.

Она же разсмѣялась и, ударивъ меня вѣеромъ по плечу, сказала:

— Ахъ, милый, глупый вы еще, совѣмъ глупый...

Голыя дѣвушки сошли внизъ и тотчасъ многія женщины, должно быть, отъ духоты, стали снимать лишнія одежды.

Толстенькая цвѣточница забила въ кругу тѣснящихся ее мужчинъ и выпрыгнула вдругъ изъ своего платя, подъ крики: о, о! Она мнѣ показала не настоящей... Ее цѣловали, она вырывалась, присѣдая и тихо смѣялась...

— Смотрите на сцену,—прошептала Марья Степановна, направивъ бинокль, и такъ же, какъ я, прегнулася черезъ барьеръ... У ней распахнулось домино, я торопливо поправилъ... Толпа тѣснилась къ рампѣ, и одна изъ дѣвушекъ взобралась на плечи галлу, хлопая его по краснымъ щекамъ.

Изъ-за кулисъ вышли два борца, подали руки и отскочили.

Одинъ былъ черный и красивый, другой-же тяжелъ, тученъ и высокъ; я никогда не видѣлъ болѣе упрямаго и уродливаго лица; бритая голова его прямо переходила въ плечи, и бѣлые мускулы рукъ и груди висѣли. Когда онъ повернулся бокомъ, я узналъ въ немъ человекъ, сидѣвшаго съ Марьей Степановной въ сафѣ.

Красивый борецъ, подпрыгнувъ, схватилъ толстаго за шею, они смелись и тяжело упали на коверъ. Марья Степановна вскрикнула, и ногти ея вошли мнѣ въ плечо, я же, сморщившись, мысленно одобрялъ красиваго, прося побороть... Но, сколь онъ ни вывертывался, толстый, громко сопя, гнулъ его и ломалъ, пока не прижалъ спиной къ коврау.

Всѣ тогда запумѣли, дѣвушка, сидѣвшая на плечахъ у галла, вспрыгнула на подмостки, засовѣстилась вдругъ и убѣжала за кулисы, а Марья Степановна, рѣзко махнувъ рукою, сказала:

— Ахъ, дрянъ.

Распорядитель во фракѣ поднесъ стоящему руки въ бока борцу призывъ—цвѣточный горшокъ съ колючимъ кактусомъ. Всѣ засмѣялись. Марья Степановна, вѣвъ себѣ отъ волненія, воскликнула:

— Смотри-же, смотри.

Борецъ поднялъ кактусъ надъ головою, бросилъ его на полъ и сдѣлалъ жестъ; потомъ медленно повернулся и тяжело упалъ спиной на горшокъ. Залъ вздохнулъ. Марья

Степановна схватилась за голову, а же ничего изъ всего этого не понималъ. Медленно борець поднялся, и на спинѣ его, испачканной землей, висѣлъ между лопатками кактусъ; распорядитель осторожно одернулъ отъ тѣла колючій кактусъ и двумя пальцами извлекъ вѣззавшійся осколокъ горшка, и изъ того мѣста по спинѣ потекла кровь...

Марья Степановна, отбросивъ стулъ, выбѣжала изъ ложи и сейчасъ-же я увидѣлъ ее въ партерѣ, растаптывающую людей по пути къ эстрадѣ. Съ нея сорвали домино и два раза блеснула мнѣ спина ея и поднятая тонкая рука. А толстый борець медленно сошелъ къ ней навстрѣчу.

V.

Въ тотъ вечеръ я увидѣлъ Марью Степановну только разъ. Выбѣжавъ изъ ложи вслѣдъ за ней, я закружился въ широкомъ потокѣ маскированныхъ, и сколько ни толкался локтями, даже ругался по русски, меня увлекали въ тѣсные коридоры, гдѣ я потерялъ очки, очутившись словно въ туманѣ, гдѣ двигались силуэты.

Пробираясь вдоль стѣны, я шуршалъ на дамъ, и каждая казалась мнѣ похожей на Марью Степановну и всѣ необычайно красивыя; меня щелкнули по носу вѣеромъ, и вдругъ толкнули въ комнату, гдѣ хлопали пробки и веселая пѣсенка врывалась въ шумные голоса. Меня подхватили и заставили выпить нѣсколько бокаловъ шампанскаго подрядъ говоря:

— Бѣдный Пьеро, тебя опять обманули.

А я сквозь чадъ поднимававшегося уже во мнѣ опьяненія думалъ, какъ они могутъ все это знать.

Вдругъ позади сказали не громко, но ясно:

— Онъ потерялъ очки и ничего не видитъ.

Я быстро обернулся и пошелъ, сквозь туманъ различая все яснѣе и яснѣе фигуру у стола—толстаго челоуѣка, съ кружкой въ голой рукѣ и у ногъ его Марью

Степановну, положившую локти ему на колѣни... Оба они были розовые, выпуклые и не настоящіе — такъ все казалось страннымъ...

Когда я подошелъ, угрожая, борець плеснулъ на меня пивомъ и затрясся на стулѣ, хохоча; Марья Степановна отвернулась: да я и не хотѣлъ видѣть всю эту гадость. Покачиваясь, я пошелъ обратно; вѣшалки найти конечно не могъ и, обозаясь, выскочилъ на улицу, гдѣ меня сунули въ автомобиль.

„Жить бы теперь въ Россіи, въ деревнѣ, — думалъ я, глядя на несущіеся навстрѣчу зеленоватые огоньки фонарей,—сидѣть теперь одному въ домишкѣ, гдѣ печами нахлещетъ, пить чайекъ, Тургенева читать“...

Такъ мнѣ было тяжело, что я скорчился въ своемъ бѣломъ балахонѣ жалобно улыбаясь, совсемъ чужой въ этомъ городѣ...

Поферу я щедро далъ на чай и консержу сунулъ послѣдній франкъ, нарочно, чтобы не осталось болѣе денегъ...

Въ окнѣ моей комнаты было синеватое утро и я, присѣвъ къ столу, написалъ письмо:

„Марья Степановна, послѣ всего, что я видѣлъ, вы понимаете, за кого я долженъ васъ считать. Я такъ и считаю. Очень жалѣю, что увлекся вами необдуманно. Однимъ словомъ, я прекращаю съ вами всякое знакомство. Стыдно. А еще русская“...

Не раздумывая, отнесъ я письмо на пневматическую почту; вернулся, облокотился на столъ и вскрикнулъ такъ, что самого себя стало до слезъ жалко, и, глядя на быстро голубѣющее небо, сказалъ:

— Милая ты Машенька моя... Если захочешь, я прислуживать тебѣ буду...

Одинокіе люди всегда такъ: приласкаютъ ихъ мимоходомъ, и они, не знай какъ, дорожатъ челоуѣкомъ этимъ, словно въ немъ весь свѣтъ ихъ и жизнь. И нѣтъ страшнѣе—снова, оставшись одному, войти въ свою комнату, гдѣ

повсюду слѣды прошлаго одиночества, словно цвѣтки на желтыхъ обояхъ, на которые во время болѣзни глядѣлъ, обводя ихъ сухимъ пальцемъ...

Всю бумагу, которая у меня была, я изрисовалъ и исчеркалъ словами: „Машенька, пожалѣй меня“, и, когда вошло прямо передъ лицомъ моимъ солнце, обезсиленный, доплелся до постели и легъ ницъ...

Проснулся я въ сумеркахъ; и на стулѣ около сидѣла Марья Степановна, одѣтая въ обычный свой костюмъ, засунувъ руки въ карманы пальто, словно иззябшая.

Я долго съ любовью глядѣлъ на ея маленькія, покатыя плечи и опущенную голову, потомъ спросилъ тихо:

— Вы простили меня?

Глаза Марьи Степановны налились слезами, она моргнула, передернула губы и закрылась рукой. А я, подперевъ голову, ждалъ, когда она выплечется.

Наконецъ Марья Степановна отняла руки, встряхнулась, хрустнувъ пальцами и вдругъ съ нѣжностью наклонилась надо мной. Я приподнял ея, положилъ рядомъ, погладилъ и поцѣловалъ ея волосы.

Марья Степановна сказала:

— Я такая несчастная, меня нельзя любить, я васъ не стою. Вы добрый и чистый. Если-бы я могла умереть.

А я отвѣчалъ:

— Я не могу лежать съ вами, вы нарочно надушились такъ остро, или это запахъ отъ вашего тѣла. Позвольте мнѣ, я буду очень нѣжный...

— Хорошо,—сказала она тихо.

Тогда сердце мое такъ сильно защемило, что я не могъ пошевелиться, чувствуя дурноту и холодный, по всему тѣлу, потъ. Я боролся, словно со смертью, съ обморокомъ и быстро пересталъ все ощущать.

Пробужденіе было сладко—Марья Степановна гладила нѣжной рукой по моему влажному лбу. Она очень испугалась и, когда я приободрился настолько, что могъ встать,

вышла подъ руку и повела на улицу, направляясь къ нашему café.

По дорогѣ я глоталъ свѣжій воздухъ и старался не спотыкаться, но члены были вялы, все еще не слушающыя. Я не ѣлъ ничего около двухъ сутокъ и теперь думалъ объ ѣдѣ, даже не стыдясь своего безсилія, которымъ, вѣроятно, оскорбилъ Марью Степановну.

Войдя подъ каштаны, я сдѣлалъ усиліе и, вырвавъ руку изъ руки Марьи Степановны,—сказалъ, показавъ пальцемъ на сидящаго у столика вчерашняго борца.

— Нѣтъ, простите меня, съ нимъ я не желаю.

Борецъ, увидавъ насъ, весело закричалъ, поднимаясь, подошелъ и сталъ трепать меня по плечу, называя:—мой старикъ.

Это было настолько противно и нагло, что, не протестуя, я сѣлъ за его столъ и весь сжался отъ гадости. Мнѣ принесли стаканъ горячаго пунша, я выпилъ залпомъ, тотчасъ захмелѣлъ и выпилъ еще... Положивъ на столъ руки, а на нихъ голову, я старался уловить обрывки беспорядочныхъ своихъ мыслей.

„Какое мнѣ дѣло до ихъ отношеній... Пристегнулся къ нимъ третьимъ и пусть пристегнулся... Онъ беретъ свое, а я свое: она сказала: хорошо, значить подѣлили, а все-таки я главный, они за мной гоняются... зачѣмъ то я имъ нуженъ“...

Я поднялъ голову, и, заплетаясь, сказалъ борцу по русски:

— Дуракъ ты, я все понимаю, тебѣ гадость какую-то нужно сдѣлать, и я сдѣлаю, потому что я выше тебя, я русскій плачевный интеллигентъ, а ты любовницу ко мнѣ подослалъ...

— Дружокъ мой, успокойтесь,—прошптала Марья Степановна; а же со слезами на глазахъ принялся жаловаться:

— Поймите же, я все это неправду говорю, я же ничтожный, вотъ этакій жучекъ, прихлопнуть меня—умру, а брашно я, чтобы возвыситься въ своихъ же глазахъ. Вѣдь онъ, конечно, лучше меня—онъ здоровенный и смѣлый, а я по своей волѣ въ мертвую петлю залѣзъ...

Подъ конецъ я расхныкался совсѣмъ, и борецъ, на-блюдавшій все время съ улыбкой, хлопнулъ меня по плечу и сказалъ.

— Такъ вотъ, старина, значитъ ты согласишь, завтра же отвеземъ тебя къ Алехину.

Марья Степановна поблѣднѣла вдругъ и заметалась.

— Я ничего еще ему не говорила, — сказала она, — онъ не подготовленъ, не оставитъ-ли все это...

Борецъ покосился воловьими глазами на Марью Степановну и сказалъ мнѣ дѣловито:

— Г-нъ Алехинъ ищетъ личнаго секретаря; это вашъ соотечественникъ, богатый князь. Вы должны занять это мѣсто.

Я выпилъ еще стаканъ пунша и, глядя имъ обоимъ въ глаза, сталъ смѣяться, потомъ ударилъ по столу, заскрипѣлъ зубами и больше ничего не сдѣлалъ; воля моя оступилась (да была-ли она тогда у меня?); я забормоталъ жалкое и несвязное, наклонясь и качаясь надъ столомъ. Что потомъ было—не помню.

Должно быть, меня увезли на извозчикъ; проснулся я въ комнатѣ Марьи Степановны; сама она, закутанная въ пледъ, лежала за моей спиной, а борецъ всхрапывалъ, сидя въ креслѣ; котелокъ его валялся на полу.

Услышавъ мой кашель, борецъ вскинулся и схватилъ меня за руку теплой рукой. Марья Степановна повернулась на спину, оправдала юбку и сказала:

— Оставьте, онъ и не думаетъ убѣгать.

Отъ вчерашняго вина меня мутило, члены ослабли и не слушались.

Я покорно подчинился всему, и на автомобилѣ меня повезли въ Блисейскія Поля... Около прекраснаго отеля Марья Степановна, сжимая мнѣ руку, поднялась по лѣстницѣ и, позвонивъ, перекрестилась. Я тогда-же понялъ, что русской женщиной даже подлость зачтется какъ подвижокъ любви.

VI.

Не понимаю до сихъ поръ, почему Алехинъ согласился ваять такого оборванца въ секретари. Должно быть, прослышавъ о бѣдствіяхъ эмигрантовъ, просто хотѣлъ помочь.

Мнѣ неприятно было глядѣть ему въ глаза; за всѣ три дня только въ послѣднюю минуту, когда онъ шелъ по двору къ экипажу, я разсмотрѣлъ черезъ окно, что у него была каштановая борода, залызы на лбу и узкое лицо, спокойное и довольное. Вотъ это довольство, очевидно, тогда меня и рассердило. Ежедневно до десяти часовъ, стоя за конторкой, копировалъ я фамильную какую-то рукопись, не понимая ни слова, писалъ иногда письма и наклеивалъ ex libris на книги.

А послѣ шести шелъ въ Латинскій кварталъ къ Марьѣ Степановнѣ, на квартиру. Марья Степановна всѣ эти три дня плакала; я садился, молча, подлѣ нея. Словно обоихъ насъ придавило грузомъ. Что она чувствовала, я не знаю, но мой умъ было въ полуснѣ.

Борецъ являлся около десяти, обнималъ, съ хохотомъ, меня за талию и, взявъ пальцами обѣ щеки Марьи Степановны, цѣловалъ ее въ губы; она въ это время закрывала медленно глаза, дѣлаясь маленькой передъ нимъ, и особенно женственной, словно вымывалась сладкимъ молокомъ. Я же, глядя на нихъ обоихъ, думалъ:

„А если ударить его—кулакъ—отскочить“.

Сидѣлъ я обычно въ углу, на сломанномъ креслѣ и томительно ждалъ, когда они прикажутъ сдѣлать то, для чего я нанялся къ Алехину. Отказаться мнѣ въ голову не приходило, я даже хотѣлъ это сдѣлать. Ни раскаянія, ни страха—ничего не чувствовалось. Прошлое, вся прикрѣпленность моя къ людямъ—забылось, будущее было во тьмѣ. Жуткое чувство, какъ я теперь вспоминаю, но тогда я былъ безъ страха, какъ лунатикъ.

На третій день, вечеромъ борецъ долго не приходилъ; я молчалъ, потирая себѣ виски (жестъ, которому научился

за это время); Марья Степановна, ходившая за чѣмъ-то внизъ, вернулась и, поставивъ ногу на стулъ, стала, не стѣсняясь меня, перевязывать на ногѣ подвязку... Глядя на тоненькую ея ногу и кружево бѣлья, я быстро всталъ, обнялъ Марью Степановну и, перегнувъ, сталъ цѣловать въ глаза, щеки, ротъ... Она застонала и вяло меня отталкивала... Я ухватилъ ее и потянулъ къ дивану. Въ это время, звеня бутылками, вошелъ борець...

— Ва... Ва...—сказалъ онъ,—такъ нельзя.

Я же, покинувъ Марью Степановну, наскочилъ и принялся колотить борца по чѣмъ попало, толкая къ двери и крича:

— Вонъ... вонъ...

Но борець стоялъ, какъ деревянный, весело хохоча, потомъ поставилъ бутылки на столъ и, взявъ меня, какъ цыпленка, посадилъ въ кресло.

— А онъ задорный,—сказалъ борець.—Вотъ что, старина,—при этомъ, онъ вынулъ изъ кармана толстую пачку бумаги, окрашенную по обрѣзу,—эту штуку ты завтра положишь ему въ шапкъ, и вмѣсто нея возьмешь ассигнаціи, ихъ тамъ около пятнадцати тысячъ, получены недѣлю назадъ въ Ліонскомъ банкѣ.

— А если я не сдѣлаю этого,—спросимъ я...

— Если не сдѣлаешь...—повторилъ борець, словно удиляясь,—какъ это я не понимаю, что тогда со мной будетъ...

Я взялъ фальшивыя ассигнаціи и вышелъ.

VII.

Смутно помню, какъ провелъ я эту ночь; кажется, отъ Марьи Степановны побрелъ по бульвару до окраины города, гдѣ изъ тьмы и опять во тьму уходитъ земляной валъ; по валу и за нимъ проторены тропки тѣми людьми, которые не любятъ ходить по улицамъ днемъ. Въ Петербургѣ такіе люди живутъ въ пещерахъ, вырытыхъ въ кучѣ навоза на Горячемъ полѣ, здѣсь-же устраиваются въ курятникахъ за

укрѣпленіями, куда полиція заходитъ рѣдко... Зато подальше въ Венсенскій лѣсъ назначается каждую ночь дежурный офицеръ и солдаты. Они осторожно крадутся отъ дерева къ дереву и, завидя въ темнотѣ тоскливую фигуру бродяги, окликаютъ и стрѣляютъ, и лѣсъ никогда не выдаетъ тайны. Но здѣсь близки бульвары, и нравы кротче.

Однимъ словомъ, на валу встрѣтилъ меня одинъ изъ такихъ ночныхъ, въ пиджачкѣ съ поднятымъ воротничкомъ и въ чалмажкѣ; закрывъ одинъ глазъ, близко заглянулъ онъ мнѣ въ лицо и повелъ въ свой курятникъ... Тамъ меня связали, заткнули ротъ и вынули изъ кармана фальшивыя деньги... Я лежалъ и глядѣлъ на три склоненныя надъ ящичкомъ лица и досчатая стѣна ихъ почти собачьей будки, освѣщенная огаркомъ; вѣтеръ раскачивалъ кустъ вблизи, и дождь стучалъ по крышѣ...

Разсмотрѣвъ мои бумажки, ночные эти господа принялись смѣяться, развязали меня и напоили виномъ, но бумажекъ все-таки не отдали...

Можетъ быть, все это представилось больному моему воображенію:—пачку бумаги я выбросилъ куда-нибудь въ водостокъ и отъ Марьи Степановны свернулъ прямо домой...

Не знаю.

Проснуясь я у себя на постели и съ жуткимъ замираніемъ сталъ думать, что вотъ я теперь на послѣдней ступени, откуда два пути—и одинаково плохіе.

Потомъ сообразилъ, что не видалъ лица Марьи Степановны, когда бралъ фальшивыя деньги у борца. Она мучилась въ это время, конечно, она испугалась нашей драки, но глаза-то ея... Господи Боже... Его только, одного его нужно передать... И себя... себя тоже.

Я поспѣшилъ къ Алехину и, войдя въ его кабинетъ, сказалъ, не сядя и не подавая руки:

— Пришелъ вамъ сообщить, милостивый государь, что я... Но Алехинъ ласково тронулъ меня за рукавъ, извинился и вышелъ, передавъ нужную для переписки бумагу.

Ничего въ бумажкѣ не видя, я присѣлъ на свое мѣсто

и слушалъ, какъ Алехинъ приказывалъ подать кабріолетъ. Звонко стучали шаги его по паркету, удаляясь въ глубину дома, и затѣмъ онъ, должно быть, распаркиваясь, сталъ говорить кому-то лобзности. Въ тоскѣ я обернулся и... въ коричневомъ денежномъ шкафу увидѣлъ торчащій ключъ. Онъ торчалъ здѣсь часто, потому что Алехинъ вынималъ его, только надолго уходя изъ дому; но сейчасъ я особенно почувствовалъ эту неосторожность хозяина... Съ бумагой въ рукахъ побѣжалъ я догонять Алехина, но лакей, преградивъ дорогу въ гостиную, сказалъ, что къ барину нельзя...

Я, не видя, поглядѣлъ высокомо лакею въ лицо, взявъ его за пуговицу фрака и крикнуть:

— Поймите, я же пришелъ...

И, не окончивъ, вернулся, сѣлъ за конторку, обхвативъ голову руками... а блестящій ключикъ, налѣво отъ меня, словно подхихкивая, дразнилъ плоскимъ ободкомъ. Такое чувство испыталъ я однажды, сидя на открытомъ окнѣ седьмого этажа.

Усмѣхнувшись, я поглядѣлъ на ключъ, спустилъ даже одну ногу съ высокаго стула, мгновенно вспотѣлъ и позвалъ:

— Господинъ Алехинъ...

Въ это время на дворѣ загремѣлъ экинажъ: я подобрѣжалъ къ окну и увидѣлъ кабріолетъ, въ который Алехинъ подсаживалъ даму въ синемъ платьѣ. На Алехинѣ было свѣтлое пальто, коричневый котелокъ, и на ручкѣ трости его горѣло солнце...

Я забарабанилъ по стеклу. Алехинъ обернулся, улыбаясь, развелъ руками, какъ бы говоря:—извините, не моя вина,— ловко выринулъ въ кабріолетъ и, ударивъ желтой вожжей вороного, покатило по зеленой травѣ и плитамъ дворика.

— Дуракъ!..—крикнулъ я вслѣдъ и, дрожа отъ злости, распахнулъ тяжелую дверь шкафа, вынулъ двѣ пачки банковыхъ билетовъ, поможилъ въ лѣвый и правый боковые карманы, захлопнулъ дверцу и вышелъ, поглядѣвъ нарочно лакею въ глаза.

Въ воротахъ отеля въ меня вцѣпилась Марья Степановна, такая искаженная, что я испугался, не узнавъ ее, и два раза прошепталъ:

— Укралъ, укралъ!!

Я крикнулъ автомобилю, подсадилъ Марью Степановну и сжалъ ея руку, оглянувшись, не гонятся ли за нами, хотя никто, конечно, не гнался.

У сѣвернаго вокзала мы вышли; я купилъ два билета до Берлина, и сейчасъ же мы прошли въ купе. Необходимо было показать, что я спокоенъ: я позвалъ газетчика и, взявъ журналъ, бросилъ луддоръ. Газетчикъ приподнял картузъ и оживленно зашептаюся съ другимъ, поглядывая на наше окно перваго класса.

Марья Степановна сидѣла опутивъ голову, и пальцы рукъ ея, сложенныхъ на колѣняхъ, дрожали. Мы за все это время не перемолвились ни словомъ. Поѣздъ, наконецъ, тронулся, я опустилъ штору, замкнулъ дверь и, взявъ Марью Степановну за плечи, толкнулъ на койку. Она не сопротивлялась, не закрыла даже лица, а я, безъ поцѣлуя, безъ ласки, снявъ очки, сдѣлалъ ее женой. Послѣ она отвернулась лицомъ къ стѣнѣ, и плечи ея стали подергиваться...

Я же сказалъ, вытянувъ ноги:

— Что же твой борець?—вотъ разозлится, навѣрное...

Гадливость переполнила меня до тошноты, а Марья Степановна отвѣтила тихо:

— Онъ ѣдетъ съ нами въ другомъ вагонѣ...

На первомъ же полустанкѣ поѣздъ остановился, и въ наше купе вошелъ жандармъ въ галунахъ. Я сейчасъ же подалъ ему деньги, протянувъ руку, которую онъ охватилъ въпочку и пристегнулъ къ своей рукѣ.

Когда меня везли въ Парижскую тюрьму, я плакалъ, глядя на зеленяя, увядающія деревья; и было такъ полно мое сердце этимъ небомъ, голубымъ и лиловымъ, голубемъ, влетѣвшимъ изъ-подъ колесъ, грядущимъ освобожденіемъ и любимой, прекрасной жизнью.

Въ тюрьмѣ я написалъ эти записки, никого не жалѣя, ни о комъ не мучаясь, одинъ во всемъ виноватый, и въ душѣ моей былъ миръ.

Ноябрь 1910 г.

Нашъ городокъ былъ взволнованъ, какъ лужа въ грозу ночью приключеніемъ у штабсъ-капитана Абрамова; съ утра въ управленіи чиновники облѣпили столъ столоначальника Храпова, которому всегда и все извѣстно; офицеры въ собраніи пыхали другъ на друга папиросками и выпили стгоряча у буфетчика всю содовую; а барышни съ ямочками на локтяхъ (нашъ городокъ издавна славился такими ямочками) умирали отъ любопытства и смотрѣли сквозь толпавья занавѣски на улицу въ надеждѣ—не пройдетъ ли мимо неожиданный и страшный герой.

А на улицѣ медленно падалъ, со вчерашняго еще дня, первый снѣгъ, садясь на сосѣднія крыши, за рѣшетки палисадниковъ, а на столбахъ воротъ и на подоконникахъ лежали изъ него бѣлыя подушки, въ которыхъ приятно опустить пальцы, вынувъ ихъ изъ теплой варежки на морозѣ.

И повсюду, и въ комнатѣ гостиницы „Якорь“, гдѣ остановился Потапъ Алексѣевичъ Образцовъ, былъ тотъ же ясный и прохладный свѣтъ.

Потапъ Алексѣевичъ, лежа въ помятой рубашкѣ на кровати за ширмой, курилъ крѣпкія папирсы и морщился, говоря съ досадою:

— Фу, какъ это все неловко вышло... не офицеры здѣсь, а Богъ знаетъ кто. Я давно говорилъ: запасный офицеръ, будь онъ хоть самъ полковникъ, карту въ руки взять не умѣетъ и больше все лѣзетъ въ лицо. А я тоже хорошъ—съ перваго раза закатилъ имъ казацкій штосъ... Нѣтъ, нѣтъ, сегодня же маршъ отсюда...

Потапу и не хотѣлось вставать, и было скучно одному въ номерѣ; свѣсивъ съ кровати голову, онъ поднялъ сапогъ и бросилъ его въ дверь, призывая этимъ полового. Половой тотчасъ вошелъ, накинувъ для уваженія поверхъ тиковыхъ штановъ и косоворотки фракъ съ продранными локтемъ.

— Что это у тебя, братецъ, прыщи на носу?—сказалъ Потапъ, съ отвращеніемъ глядя на полового.

— Богъ дальъ-съ,—отвѣтилъ тотъ и почесалъ босой ногой ногу, приговаривая этимъ къ долговому разговорю.

— А что, меня еще никто не спрашивалъ?

— Да заходилъ офицерикъ одинъ, общался еще навѣдаться.

— Что ему нужно,—воскликнулъ Потапъ, скидывая на зашарканный коврикъ полныя ноги. Половой живо подскочилъ и натянулъ на нихъ панталоны со штрипками. Потапъ всталъ у зеркала и конской щеткой сталъ расчесывать львиными свои кудри съ просѣдью и русую бороду на двѣ стороны, подбородокъ же былъ голъ, то есть съ пролысинкой.

— А что офицеръ сердитый приходилъ?—спросилъ Потапъ сквозь зубы.

— Нѣтъ, не сердитый. Офицерикъ маленькій, зовутъ Пранякъ.

Тогда Потапъ сѣлъ на диванчикъ и выпустилъ воздухъ изъ надутыхъ щекъ; да и было отчего.

Вчера вечеромъ (Потапъ заѣхалъ въ нашъ городокъ на дняхъ) у штабсъ-капитана Абрамова устроили въ честь привѣжаго гостя банчокъ. Ночью, часу въ пятомъ, когда оплывшія свѣчи были усажены снизу, какъ ежи, окурками, когда молодой офицеръ уже лялъ вино на разстегнутый мундиръ, когда старые капитаны отмахивались только отъ табачнаго дыма, лежа на отоманкѣ, а пьяный денщикъ сидѣлъ, сидя у двери на полу, раскупорить бутылку, тогда Потапъ Образцовъ вдругъ предложилъ казацкій штосъ.

Всѣ очень удивились, отвѣтивъ, что такой игры въ полку не знаютъ. Потапъ приказалъ денщику подать пуншъ

и, когда всё его выпили, всталъ и объяснилъ прямо-громъ.

Намѣтивъ около банкюмета начку кредитныхъ денегъ, вдругъ дунувъ на свѣчи, лѣвой рукой схватилъ штабсъ-капитана за воротникъ, правой—кредитки и, какъ изъ пушки, крикнулъ:

— Штось!

Въ темнотѣ офицеры полѣзли другъ на дружку, прапорщикъ Бамбукъ выстрѣлилъ даже. Потапа у самой двери схватили за ноги, отняли деньги, помяли, и вообще вышло совсѣмъ не то, не по-товарищески и противно законамъ игры.

— Теперь всего можно ожидать,—сказалъ, наконецъ, Потапъ, поджавъ подъ диванчикъ ногу.—Въ сущности, что есть нравственность?—выдумка дамъ и разночинцевъ, а мы выше мѣщанскихъ понятий. Нужно только умѣть уважать себя.

Такъ рассуждалъ Потапъ, любя иногда отвлеченными мыслями, а за дверью офицеръ тихонько позвякивалъ шпорою.

— Звенять,—сказалъ половой, которому надоѣло торчать передъ Потапомъ:—выпустите, что ли?

Потапъ поднялся, сказалъ: „проси“, и шагнулъ къ двери, въ которую, пролѣзъ маленький, розовый, съ черными усиками, офицеръ, по прованію Пряникъ.

Потапъ раскрылъ руки и притиснулъ офицера къ себѣ, цѣлуя въ щеки. Пряникъ же, вставъ на цыпочки, поцѣловалъ Потапа въ губы.

— Я пришелъ-съ,—сказалъ офицеръ, заикаясь,—съ покорнѣйшей просьбой—объяснить мнѣ игру въ штось.

— Ого-го, батенька, это серьезная игра. А, кстати, офицеры не собираются меня бить?

— Что вы, да всё отъ васъ безъ ума.

— Ну,—сказалъ Потапъ,—ужъ и безъ ума... Вы всё славные ребята; мы еще перекнимся. А сведите-ка меня, покажите вашихъ дамъ; кстати, вчера я видѣлъ мелькомъ прехорошенькую бабенку.

— Боже мой, это была Наденька Храпова. Я весь въ поту, когда думаю о ней.

Пряникъ, дѣйствительно, ослабѣвъ, сѣлъ на стулъ. А Потапъ принялся громко смѣяться.

Наденька Храпова каталась въ это время на каткѣ, куда Потапъ и Пряникъ пошли вдоль Дворянской улицы, причемъ Пряникъ припрыгивалъ на ходу, Потапъ же, надѣвъ цилиндръ набекрень, распахнулъ волчью шубу и раздумываясь, повода выпуклыми глазами. Навстрѣчу черезъ улицу перебѣжалъ чиновникъ въ башлыкѣ, съ ужасомъ глянулъ въ лицо Потапу и, пропуская его, прижался къ стѣнѣ, втянувъ животъ.

— Удивляются вамъ очень,—сказалъ Пряникъ вкрадчиво,—вы ужасная знаменитость.

— Ну ужъ и знаменитость,—сказалъ Потапъ.

А Пряникъ просунулъ руку Потапу подъ локоть и строго взглянулъ на барышню, которая, хихикая, скользила по снѣгу противоположнаго тротуара. Гимназисты, чиновники, мѣщанки съ подсолнухами—всѣ шли на катокъ и всё оглядывались на Потапа. Вдоль улицы, разметая снѣгъ, летѣлъ полицеймейстеръ на отлетной парѣ. Увидѣвъ Образцова, онъ приложилъ два пальца къ шапкѣ, и воловий затылокъ его покраснѣлъ отъ удовольствія.

На каткѣ было черно отъ народа; играла духовая музыка, и всѣмъ извѣстный пиротехникъ Буровъ ставилъ шесты и привязывалъ колеса для сегодняшняго фейерверка.

Къ Образцову тотчасъ подошли офицеры, и штабсъ-капитанъ Абрамовъ съ лиловымъ носомъ, хохоча, обнялъ его при всѣхъ, говоря громко, какъ труба:

— Ну, Образцовъ, даешь отвѣтныи банкъ?

Офицеры замолчали; подошли штатскіе въ калошахъ, какой-то парень плевалъ сѣмячками на синю Прянику и вытиралъ пальцемъ носъ. Образцовъ сказалъ громко:

— Даю отвѣтныи, прошу сегодня ко мнѣ всѣхъ.

— А мы тебя штосомъ,—захотѣлъ штабсъ-капитанъ, но всё продолжали молчать, удивленные смѣлости Образцова.

Потапъ только сейчас сообразилъ, какъ въ руку ему сыграла вчерашняя выходка; намѣренія его были огромны, и недаромъ звали себя артистомъ Потапъ Образцовъ: онъ умѣлъ создавать событія и потомъ пользоваться ими, оставаясь всегда отставнымъ гусаромъ въ душѣ.

Сегодняшній день былъ словно бокаломъ шампанскаго натошакъ, и въ ясной головѣ Потапа возникъ необычайный планъ.

— Господа,—сказалъ Потапъ офицерамъ,—я васъ покидаю для пары хорошихъ глазъ,—и тотчасъ отошелъ крѣпко держа Пряника. Пряникъ сначала шелъ спокойно, потомъ заволновался, перегнулся черезъ перила и зашепталъ:

— Вонъ она, Наденька, Боже мой, она одна только и есть на каткѣ.

Дѣйствительно, Наденька, клонясь то вправо, то влѣво, скользила вдаль по льду, придерживая иногда заячьею муфтой мѣховую шапку.

Увидѣвъ Пряника и Потапа, Наденька круто завернула и съѣла около мужа на скамейку, опустивъ глаза; не подняла Наденька глазъ, когда Пряникъ представлялъ ей Образцова и когда Потапъ тайно вдругъ и быстро сжалъ ее маленькую руку въ бѣлой перчаткѣ, а только вспыхнула еще ярче и, вмѣсто отвѣта, унеслась по льду, тоненькая, какъ дѣвочка, въ уакомъ платьѣ и мѣхахъ.

А столоначальникъ Храповъ, которому Потапъ наступилъ на башмакъ, задралъ сѣрую бороду кверху и проворчалъ, глядя черезъ очки:

— Осторожнѣе бы надо.

Столоначальникъ былъ вообще гадокъ, и его сейчасъ же оставили.

А Наденька, обѣжавъ кругъ, прикрылась муфтой и блеснула изъ-за мѣха лукавымъ глазомъ на Потапа. Образцовъ перегнулся черезъ загородку и негромко, но ясно сказалъ:

— Милая.

Наденька ахнула и задумалась. Опустивъ голову и покачиваясь, она медленно двигалась по льду; а потомъ сильно оттолкнулась и понеслась гигантскимъ шагомъ. Пять разъ обгоняла она Образцова, на шестой взглянула на него, какъ на солнце, и влюбилась.

— Вы страшный человѣкъ,—сказала она, остановясь у загородки и глядя изъ-подъ шелковыхъ темныхъ бровей.

— Я люблю васъ,—сказалъ ей Потапъ. Пряникъ отошелъ, сморкаясь.

— Какіе вы пустяки говорите,—прошептала Наденька, и круглое лицо ея въ ямочкахъ и родинкахъ стало нѣжнымъ.

Дальнѣйшему разговору помѣшалъ подошедшій столоначальникъ. Потапъ только успѣлъ спросить — будетъ ли Наденька на каткѣ вечеромъ, и тотчасъ ушелъ. Пряникъ проводилъ его до гостиницы.

У себя Потапъ раскрылъ потертый чемоданъ, вынулъ изъ потайного дна „вѣрную“ колоду и, развалясь, крикнулъ полового.

— Опять зовете,—спросилъ половой,—что надо?

— Вотъ тебѣ на чай, хоть ты и дуракъ, какъ я вижу.

— Никакъ нѣтъ,—сказалъ половой, — не дуракъ. Это вамъ насчетъ вѣрной масти подкинуть?—я могу.

— Молодецъ, вотъ тебѣ еще на чай.

Половой разгладилъ бумажки на ладони, подмигнулъ и сказалъ:

— Къ намъ лѣтось тоже одинъ жуликъ прѣвзжалъ...

— Пошелъ вонъ,—воскликнулъ Потапъ.

Половой сейчасъ же выскочилъ, унося колоду. Потапъ раскрылъ столъ, бросилъ на диванъ медвѣжье одѣяло, попрыскавъ въ комнатѣ одеколономъ и раскрылъ форточку, заложивъ руки за голову. На бороду ему и лицо съѣли снѣжки. Потапъ вдохнулъ пріятный и морозный холодъ и сказалъ:

— Потопь, ты дурень, она погубитъ тебя. Бѣдная дѣвочка. А все-таки ей нужно узнать счастье.

Офицеры пришли всѣ сразу; за ними протѣснились трое штатскихъ въ нефтялиновыхъ сюртукахъ и, не смѣя сѣсть, стали у печки.

Штабсъ-капитанъ упалъ на диванъ и захоталъ, потирая руки. Потопь сѣлъ напротивъ, и его тяжелое, въ бакенбардахъ, лицо съ орлинымъ носомъ словно повисло между двухъ свѣчей.

Офицеры обступили столъ, Пряникъ сжималъ въ рукѣ мѣдную кредитку.

Образцовъ вынулъ дорогую табачницу, закурилъ, цу-ская дымъ сквозь усы, положилъ гладкій портсигаръ передъ собой и, постукая по столу, крикнулъ половому, чтобы принесли карты. Потомъ съ трескомъ разломил колоду и опустилъ глаза, сказалъ:

— Прошу, игра начата, въ банкъ тысяча.

Диванъ затрещалъ подъ штабсъ-капитаномъ.

— Половина,—сказалъ онъ съ трудомъ.

Штатские отошли отъ печки и нагнулись надъ свѣчами. — Дана,—спокойно отвѣтилъ Образцовъ во время молчанія, когда слышались только шелестъ картъ.

Такъ началась игра. Ловкія руки Потана словно летали надъ столомъ, разбрасывая „вѣрныя“ карты, и, отдавъ первую ставку, онъ сталъ братъ, складывая деньги подъ табачницу. Лицо Потана точно окаменѣло, и, словно освѣщая его, поднималъ онъ иногда злые, сѣрые глаза.

Штабсъ-капитанъ сидѣлъ съ распухшимъ носомъ и вытирался, офицеры хмурились, иные грызли усы и торопливо доставали бумажникъ, штатскіе осмѣливались даже наваливаться сзади на спины. Въ номерѣ съ полосатыми обоями было душно и прокурено. Вдругъ на улицѣ затрещали выстрѣлы, и морозные узоры на окнахъ освѣтились багровымъ свѣтомъ.

Потопь выронилъ колоду и, поспѣшно вставъ, подошелъ къ окну. Тамъ, наискосокъ, на каткѣ вертѣлись огнен-

ныя колеса, трещали бураки, рассыпались фонтаны. И въ этомъ аду бѣгаль, съ развѣвающимися рыжими волосами и все поджигалъ самъ широтехникъ Буровъ.

Образцовъ быстро повернулся, обхватилъ вставшаго подлѣ Пряника за плечи и шеннулъ:

— Ради Бога, ты меня любишь?

— Хочешь я палецъ отрѣжу,—прошептала Пряникъ.

— Хорошо, я вѣрю. Милый, бѣги сейчасъ на катокъ, скажи ей, что я люблю, надѣнь коньки, катайся съ нею, я приду.

— Образцовъ, что же вы, — зашумѣли офицеры, — мы ждемъ.

— Одну минуту, господа. Принимъ бѣги же.

— Потопь вернулся къ столу, сдѣлалъ карты, облоко-тился и, улыбаясь, задумался.

— Да ты, братецъ, раскись, раскись,—воскликнулъ штабсъ-капитанъ,—не во время, братецъ.

Образцовъ посмотрѣлъ на него, топороща усы, потомъ осторожно двумя пальцами взялъ нѣсколько картъ, рванулъ, бросилъ подъ столъ и сказалъ:

— Спросимъ новыя, правда? эти попачтаны.

На каткѣ въ это время по темному льду, по отблескамъ пламени изъ десяти адскихъ колесъ, свиваясь и легко наклоняясь, проносились, какъ тѣни, барышни и гимназисты; загородку обѣяли черныя народы, на заборахъ торчали головы и скрюченные мальчишки, а на льду на скамейкѣ столоначальникъ Храновъ брезгливо морщился, отворачиваясь отъ жены.

— Я не знала, когда выходила замужъ, что во мучитель,—говорила ему Наденька, вынувъ изъ муфты платокъ.— Что я сдѣлала вамъ плохого? Господинъ Образцовъ высшаго общества, и у него манеры, а вы ко мнѣ придираетесь. И вообще вы должны помнить, что я молодая женщнна.

Столоначальникъ, который терпѣть не могъ ни катка, ни фейерверковъ, обиженно молчалъ. Наденька прикладывала къ щекамъ платочекъ. Вдругъ она увидѣла подбѣгающаго Пряника, поднялась навстрѣчу, подала ему руки и, взмахнувъ краемъ юбки, унеслась по льду.

— Онъ васъ любить безумно,—сказалъ Пряникъ, задыхаясь.

— Тише,—прошептала Наденька,—за нами слѣдять,—и углы ея нѣжнаго рта воздушно усмѣхнулись.

Такъ скользили они и кружились, то вступая въ пламя фонтановъ, то пропадая въ тѣни, и все говорили объ одномъ, торопясь и перебывая. А длинныя, зыбкія тѣни двигались по зеркалу катка, и много было тонкихъ и тучныхъ и наклоненныхъ впередъ и взмахивающихъ руками, то сдѣланныхся, то пишущихъ круги, но ни одна тѣнь не походила на Образцова.

Наденька, наконецъ, примолкла и опечалилась. Пряникъ оглядывался на ворота. Наконецъ, онъ потихоньку сжалъ Наденькины руки и сказалъ:

— Вго не пускаютъ, я ужъ знаю, тамъ идетъ страшная игра. Наденька, если бы вы знали — онъ герой, честное слово.

И Пряникъ, сбросивъ коньки, побѣжалъ наискосокъ въ гостиницу, гдѣ у подъезда стояла тройка и толстый ямщикъ похлопывалъ рукавицами.

Распахнувъ дверь, Пряникъ въ табачномъ угарѣ увидѣлъ Образцова, который, сложивъ на груди руки и загнувъ голову, стоялъ у стѣнки; на него напиралъ штабсъ-капитанъ въ растрепанномъ мундирѣ; офицеры, протягивая руки, грозились и негодовали; Бамбукъ, позади всѣхъ, размахивалъ саблей; штатскіе, увидѣвъ Пряника, стали обяснять, что Образцовъ, обыгравъ всѣхъ, уваливаетъ теперь отъ игры...

— Пряникъ,—воскликнулъ Потапъ сквозь шумъ,—она ждетъ, да?

Пряникъ, мотнувъ головой, сдѣлалъ страшные глаза и показалъ за окошко. Потапъ тоннула ногой и крикнулъ:

— Хорошо, мнѣ нѣтъ больше времени, я ставлю послѣдній разъ всѣ деньги, прошу идти ва-банкъ. Пряникъ, мочи, мнѣ они не вѣрятъ.

Потапъ бросилъ на столъ толстую пачку денегъ и от-

вернулся къ окну. Пряника подхватили, сунули колоду въ руки, штабсъ-капитанъ, ломая мѣлъ, помѣтилъ карту, и Пряникъ сталъ класть направо и налево.

— Скорѣе,—крикнули ему.

— Бита,—отвѣтилъ онъ шопотомъ. Штабсъ-капитанъ схватился за голову и сѣлъ на полъ.

Тогда Потапъ, криво усмѣхаясь, повернулся отъ окна и сказалъ:

— Ну что, теперь отпустите меня?

— Нѣтъ!—заоралъ Бамбукъ. Штатскіе стали у дверей, а штабсъ-капитанъ протоналъ:

— Не пускайте его!

— Хорошо,—продолжалъ Потапъ,— тогда окончимъ игру, какъ вчера.

Онъ приостановился, провелъ по волосамъ и вдругъ крикнулъ:

— Казацкій штось!

Штабсъ-капитанъ, вскочивъ, кинулся на столъ, который затрещалъ и повалился вмѣстѣ съ нимъ; погасли свѣчи, и на обояхъ затанцовали тѣни рукъ и головъ и красныя пятна огней.

Потапъ въ это время, выбѣжавъ съ Пряникомъ на морозъ, вскочилъ въ сани, пересѣкъ улицу и, остановивъ тройку у воротъ катка, сказалъ Прянику:

— Милый, скорѣй, скажи ей, что я умру, если не придетъ.

Но изъ воротъ въ это время вышла Наденька; столоначальникъ сзади несъ ея коньки. Наденька ахнула и прижала муфту къ груди. Потапъ взялъ ее за руку, сказалъ: „Вашъ мужъ одинъ найдетъ домой дорогу“, и потянулъ къ себѣ. Наденька, слабѣя, ступила ногой на подножку, Потапъ увлекъ ее въ сани крикнулъ: „пшелъ“, и прозябшіе кони рванулись вскачь.

Столоначальникъ тотчасъ же побѣжалъ въ другую сторону за полицейскимъ, а Пряникъ, до котораго изъ морознаго вихря долетѣли слова Потапа: „скажи всѣмъ, что се-

годня я былъ честный человекъ“, долго еще стоялъ у воротъ казка, снимая и надѣвая бѣлые перчатки.

Потомъ уже, когда весь городокъ былъ потрясенъ скандаломъ, объяснили Прянику, что Потапъ былъ не иначе какъ подосланъ какимъ-нибудь графомъ—похитить Наденьку. Или былъ просто австрийскій шпионъ. Въ нашемъ городкѣ любятъ вообще создавать слухи.

Плетушка—хотя и прочный, но очень скверный экипажъ: куда въ немъ ни привалишь—желѣзка какая-нибудь такъ и вопьется въ спину или бокъ; а если, глядя на большія звѣзды надъ степью, задремлешь, успокоенный далекимъ посвистомъ перепела, натрешь себѣ затылокъ и онѣмѣютъ ноги, согнутыя подъ козлами, гдѣ лежитъ сундучокъ.

Лошади ровно бѣгутъ, ямщикъ согнулся да изрѣдка скажетъ протяжно: „но, милыя“, и подниметъ руку, а за плетушкой вьется невидимая пыль, обѣдая на сѣрую подъ звѣздами траву.

Скучно было ѣхать въ такую ночь Алексѣю Петровичу, да еще по неудобному дѣлу, хотя рядомъ и дремалъ, будто кивая кому-то козырькомъ, попутчикъ-землемѣръ. И, глядя спящими глазами на длинный носъ землемѣра, сунутой въ густые усы, на поблескивающія пуговицы воротника, слыша ровное дыханіе, думалъ Алексѣй Петровичъ Видниинъ:

„Развалился, чертъ, а ты трись объ его сундукъ. Хорошъ попутчикъ“.

— А вонъ и село горитъ, — сказалъ вдругъ ямщикъ, показавъ рукой въ ночную даль, гдѣ, медленно мигая, раскинулось дымное зарево краснымъ хвостомъ.

Ходятъ по ровному раздолью багровыя эти пожарница, освѣщая небо и землю, и мало, кажется, дневного зноя, чтобы выжечь хлѣба, высушить пруды и рѣчки, наслать моръ на людей, — полыхаетъ еще надъ деревнями по ночамъ и багровый огонь.

Долго разсматривал зарево Алексѣй Петровичъ, потомъ сказалъ:

— А ты не спи, ямщикъ, потрагивай.

Проснулся и землемѣръ, насунился, съѣлъ повыше и молвилъ:

— Горить въ сорока верстахъ отъ села Тараканова, куда ѣдете.

— Въ гости къ барину жалуете?—спросилъ ямщикъ.

— Такому гостю не обрадуется,—отвѣтилъ Видиня-пивъ.—Вотъ глупость,—живо обратился оно къ землемѣру,—повѣрилъ ему быковъ подъ простую расписку, а теперь поди разыскивай.

— Вызвать съ таракановскаго барина трудно,—усмѣхнулся ямщикъ;—а насчетъ быковъ мы стороной слышали: нѣкоторые еще живы, только тощи очень.

Ямщикъ совсѣмъ повернулся и продолжалъ:

— По-вашему, надо рабочему человѣку платить, или нѣтъ? Зять мой изъ Тараканова и рассказывалъ: баринъ ихъ, вмѣсто денегъ, ярлыками платитъ—, это, говорятъ, все равно: мы другъ съ дружкой на вѣру, а деньги осенью“. Такъ третью осень и ждуть. Баринъ кругомъ огородился: ни скотину прогнать, ни проѣхать; а за луга или другое что ярлыковъ назадъ не беретъ... Такой дошлый.

— Таракановъ большой оригиналь,—молвилъ, наконецъ, землемѣръ.—Развѣ вы ничего не знаете?

— Откуда же знать, когда я недавно въ уѣздѣ.

— Любопытно, — усмѣхнувшись, продолжалъ землемѣръ,—рассказываютъ про него многое...

II.

... Однажды Тараканова, Вадима Андреевича, выбрали предводителемъ, и почувствовалъ онъ на себѣ такую большую отвѣтственность, что сейчасъ же поѣхалъ въ Парижъ.

Въ Парижѣ надѣлъ мундиръ и думаетъ: кому бы это ви-

зять сдѣлать? Подумалъ и прямо явился къ маршалу Макъ-Магону. Маршала не засталъ и оставилъ карточку: Wadim, molte, Tarakanoff, maréchal de Noblesse.

Удивился Макъ-Магонъ—никогда про такого маршала не слыхалъ, и, на всякій случай, прицѣпивъ ордена, поѣхалъ отдавать визитъ.

А Вадимъ Андреевичъ, поджидая гости, икры накупилъ, шампанскаго и, когда Макъ-Магонъ вошелъ, опять-таки на всякій случай сдѣлавъ вѣжливые глаза, бросился къ нему Вадимъ Андреевичъ, схватилъ за руки, говоритъ: „Вотъ обрадовалъ“, сунулъ Магона въ кресло, самъ напротивъ съѣлъ и руки потираетъ. Французъ, конечно, спрашиваетъ:— чѣмъ заслужилъ такую честь и для чего русскій маршалъ сюда пожаловалъ? Ничего не понявъ по-французски Вадимъ Андреевичъ, но, чтобы отвязаться отъ разговора и скорѣе къ выпивкѣ перейти, гдѣ всѣ языки равны, припомнилъ кое-что и говоритъ: „Пуркуа, молъ, пердю Седанъ“. А впоследствии самъ рассказывалъ, что французы прямо невѣжи.

Приѣхавъ изъ Парижа къ себѣ въ уѣздъ, рѣшилъ Таракановъ завести порядки и, для начала, вездѣ поставилъ околицъ, наказавъ спрашивать проѣзжающихъ—кто и куда.

И такія развелъ строгости, что самъ, однажды, возвращаясь въ коляскѣ съ фонарями изъ гостей, ввелъ своего же сторожа въ большое беспокойство: окликнуть—обидится: не узнаешь, молъ, своего же барина, а не окликнуть—почему, скажетъ, приказа не исполняешь, и тоже обидится. Вотъ сторожъ и кричитъ на тонкій голосъ:

— Вадимъ Андреевичъ, кто ѣдетъ?

— Таракановъ,—отвѣтилъ Вадимъ Андреевичъ басомъ, и далъ сторожу на чай.

Дворяне были имъ очень довольны: четыре раза въ году устраивалъ Таракановъ обѣды, а потомъ каждый звалъ всѣхъ къ себѣ, извиняясь по средствамъ. Въ уѣздѣ жили очень весело: дарили другъ другу собакъ и коней, осенью съѣзжались на конскую ярмарку и, конечно, Богъ знаетъ, что вы-

творяли; женились всё друг на другѣ, и было будто одно теплое гнѣздо.

Но пришли тяжелые года: земля стала уплывать из-под дворянскихъ ногъ, да такъ живо, что остался въ уѣздѣ одинъ Вадимъ Андреевичъ, да и у того были отхвачены не малые куски.

Кругомъ въ имѣніяхъ засѣли новые люди, повыврубали сады, перекрасили дома, съ мужиками повели иные порядки. Одинъ кудрявый купчикъ сунулся-было къ Вадиму Андреевичу на поклонъ: можетъ быть, за дочку его Зою думалъ посвататься (про дочку его Богъ знаетъ что плетутъ, говорить: городская она совсѣмъ—въ городѣ воспитаніе получила, худая, какъ вермишель, стихи пишетъ и коньякъ пьетъ); но Таракановъ собственноручно сковырнулъ купчика съ крыльца, заперся и объявилъ: „покуда моля, всю, сволочь изъ уѣзда не выгонять—ноги не вынесу за околицу“. И слово свое сдержалъ...

III.

Много всякой всячины и ерунды разсказывалъ землемѣръ, а Видиняпинъ уже давно дремалъ, наваялся на его плечо. Вдругъ Алексѣй Петровичъ, подкинувшись, съѣлъ то кони стали у околицы...

— Приѣхали, — сказала землемѣръ, странно улыбаясь, а ямщикъ, прыгнувъ съ козель, постучалъ по околицѣ кнутомъ.

Спусти время изъ темноты послышалась голось:

— Проѣхать, что ли, надо? Вотъ народъ безпокойный: все ѣдетъ все ѣдетъ,—и со скрипомъ отворилась околица. Ямщикъ прикрикнулъ на коней, и понесли они вдоль деревни, гдѣ направо и налево стояли темныя, словно присѣвшія избы, съ шестомъ у воротъ, скворешней и засохшей вѣткой на ней.

Переѣхавъ шагомъ, подъ старыми ветлами, плотину, по обѣимъ сторонамъ которой залегали звѣздные сейчасъ пруды, взобравшись кони, испуганные громкимъ уханьемъ жабы, на изволокъ и стали у второй заставы, гдѣ, колотя въ колотушку,

ходяль мужикъ съ фонаремъ. Мужикъ, подойдя, посвѣтилъ въ прищуренное, съ косялиной бородкой, лицо ямщика, оглянуль сѣдоковъ, вздохнуль, запахнувшись въ чапанъ, и отошелъ.

— Что же ты не отворяешь,—крикнуль Алексѣй Петровичъ, — эй, поди-ка сюда, подожди, — и, выскочивъ изъ клѣтушки, схватилъ мужика за полу.

— Пропускать не велѣно въ эдакую пору,—сказалъ мужикъ сонно,—а ты меня не хватай, я тебя не обидѣлъ.

Видиняпинъ, взявъ мужика за плечи, сталъ трести; голова у мужика болталась, и онъ, говоря: „Какой же ты неуютный“, пропустилъ Алексѣя Петровича черезъ калитку въ дубовую аллею, откуда Видиняпинъ крикнуль землемѣру:

— Подождите меня часика два на селѣ, покормитесь, я живо оборочусь.

Дубовая аллея окончилась поляной, наверху полной звѣзды; изъ-за кустовъ угломъ вышелъ сюда бѣлый барскій домъ, съ плющемъ по стѣнѣ и пятнами облупившейся штукатурки; около стѣны, брехая, бѣгали черныя собаки на очень высокихъ ногахъ. На брехъ и на окликъ Видиняпина показались свѣтъ въ окнѣ, потомъ на крыльцо вышелъ бритый старичокъ въ длиннополомъ сюртукѣ.

— Здравствуйте, батюшка, — сказала старичокъ, — съ приѣдомъ, пожалуйста, — и, заслоня свѣчу, лукаво улыбнулся, отчего крошечное лицо его собралось въ морщины, слово сразу высохло.

„Охъ, какъ бы не попасть въ исторію“, — думалъ Видиняпинъ, идя вслѣдъ старичку по корридору, — „не заплатитъ онъ, еще отколотить велѣтъ... Не надо бы мнѣ одному являться“.

Старичокъ постучался въ широкую дверь и пропентальгъ: — Вы неправычный здѣсь, батюшка, такъ не обижайтесь, если выйдетъ чего: озорникъ онъ у насъ, а хороший баринъ.

Алексѣй Петровичъ вошелъ и въ изумленіи сталъ на порогъ.

Въ глубинѣ залы, освѣщенной одной свѣчей, по-

ставленной передь трюмо, сидѣлъ въ креслѣ за столикомъ Вадимъ Таракановъ; на голыхъ и растопыренныхъ ногахъ его лежалъ животъ, прикрытый ночной рубашкой, растегнутой на груди; въ рукѣ держалъ онъ стаканъ, а на кругломъ, съ татарской черной бородкой, лицѣ его, подъ изломанными бровями, прыгали свирѣбые глазки.

— Не подходи,—сказалъ Вадимъ Андреевичъ шопотомъ, подался впередъ и крикнулъ:

— Вонъ!

Старичокъ подхватилъ Видиняпина и, вытащивъ въ коридоръ, объяснилъ:

— Это пугнули васъ на всякій случай, а теперь онъ сбѣтается; идемте, я васъ пока наверхъ отведу; ничего, батюшка, не бойся.

IV.

Фыркая отъ обиды и ничего не понимая, поднялся Алексѣй Петровичъ по винтовой лѣсенкѣ въ низкую антресоль, сѣлъ на кровать и, ударивъ себя по колѣнямъ, крикнулъ:

— Каковъ нахалъ! Нѣтъ, сию же минуту подай мнѣ деньги, а?—при этомъ наморщилъ лобъ и потерял его. А дверь напротивъ въ это время пріотворилась, просунулась женская голова съ распущенными волосами, спросила: „Можно войти?“—и въ комнату подпрыгивающей походкой вошла худая дѣвушка въ бѣломъ и узкомъ платьѣ и сѣла на стулъ у окна.

Алексѣй Петровичъ всталъ, насупился и поклонился бокомъ. Дѣвушка длинными пальцами расправила платье на колѣняхъ и, сказавъ: „Васъ удивляетъ мое появленіе“,—подняла на Видиняпина великолѣпные, неправильно поставленные глаза и усмѣхнулась большимъ ртомъ, причеми углы его поднялись, словно у клоуна, кверху.

— Мнѣ сказали, что пріѣхалъ гость, а я ужъ давно никого не видѣла,—продолжала дѣвушка.—Мы живемъ только

ночью, потому что мужики хотятъ меня и папу убить. Я вамъ нравлюсь?—вдругъ спросила она просто и серьезно.

— Простите,—перебилъ Алексѣй Петровичъ,—но вашъ папа выгналъ меня, и мое положеніе здѣсь очень странное...

— Ахъ, вы не поняли,—воскликнула дѣвушка съ досадою,—онъ былъ пьянъ и самъ напугался... А вы любите пить?—Вѣдь счастье только во снѣ и въ забытьѣ.

Дѣвушка полузакрyla глаза, мечтательно улыбулась и охватила колѣно.

— Чего вы молчите? Вы боитесь? Я не провинциалка. Я семь лѣтъ жила въ Петербургѣ. Вы не поэтъ? Неправда. Я тоже пишу стихи. Хотите прочту?

Она вдругъ вытянула длинную шею; Видиняпину стало неловко. А дѣвушка хрустнула пальцами и сказала:

Я бы тебя затомила;
Я бы убила, любя.
Женская, темная сила
Страшна для тебя.
Цѣлуя бы я укусила
Твой алмый, твой алмый ротъ.
Знаетъ ли кто напередъ
Какая у дѣвушки сила?

„Что за чупуха“,—подумалъ Видиняпинъ въ страхѣ.

А дѣвушка чуть покосилась на Алексѣя Петровича, потомъ громко засмѣялась, прыгнула на подоконникъ, протянула руки и молвила:

— Подойдите сюда; правда, плохіе стихи? Ахъ, вы—трезвый человѣкъ. А стоитъ ли жить трезво?—скучно. Поглядите на звѣзды; это я ихъ разыскала. Хотите ихъ собрать? А любить вамъ хочется?

Алексѣй Петровичъ сильно провелъ по глазамъ ладонью: стыдно ему было—хоть плачь и, главное, путанно и отъ стиховъ и отъ неприличныхъ вопросовъ, которые, какъ осы, кололи со всѣхъ сторонъ.

— Я стиховъ не читаю, человѣкъ некрасивый и дикий,

а приѣхалъ насчетъ быковъ,—сказалъ онъ, глянулъ на дѣвущку и добавилъ поспѣшно:

— Хотя ничего, я побаловаться не прочь.

Тогда она ударила кулачками по подоконнику, застѣялась невесело, взяла Алексѣя Петровича за рукавъ, потянула къ своему лицу и стала глядѣть въ глаза скошенными глазами. Видиняпинъ вспотѣлъ и хотѣлъ увернуться, а она, гнѣвно мотнувъ головой, сказала:

— Что же вы не „балуетесь“... Страшно?

И Алексѣй Петровичъ, задѣвъ маленькую и твердую ея грудь, почувствовалъ необыкновенное волненіе, охватилъ дѣвущку за бока и сталъ тащить съ подоконника, подумавъ: „чортъ съ ними съ деньгами“.

Но дѣвущка ловко увернулась и сказала насмѣшливо:

— Такъ только мужики дѣлають, дамскій вы кавалеръ!

— Все равно, все равно,—бормotalъ Алексѣй Петровичъ,—я кавалеръ, ей Богу,—и тянулся, даже на колѣни всталъ, но дѣвущка, подобравъ платье, обошла его, толкнула раму окна, перегнулась къ деревьямъ сада и молвила равнодушно:

— Вы или глупы, или наивны.

Но въ это время постучали въ двери, и голосъ старичка произнесъ:

— Баринъ извиняются и сойти внизъ просятъ.

Видиняпинъ покраснѣлъ и вышелъ на лѣстницу, не понимая: что же теперь дѣлать ему послѣ всего?

V.

Вадимъ Андреевичъ, при видѣ гостя, приподнялся на своемъ мѣстѣ, протянулъ руки и обнялъ Алексѣя Петровича, прижавъ его къ жирной груди.

— А вѣдь я не узналъ тебя, не узналъ, Алексѣй Петровичъ... Напугалъ навѣрно? Прости, душа... Погостить приѣхалъ? А у меня, братъ, такая скучища—мы съ дочкой Зоей

совсѣмъ раскукусились. Забыли все старика, никому онъ не нуженъ. Да ты чего стоишь, плюнь на меня, садись, бери стаканъ, не стѣсняйся, душа; этотъ коньячокъ мнѣ пріятель изъ гвардіи присылаетъ. А твои дѣла—самъ вижу: похорошѣлъ, возмужалъ.

И Вадимъ Андреевичъ принялся пребольно похлопывать Видиняпина, отчего тотъ морщился, проливая вино на колѣни; а когда коньякомъ обожгло ему все нутро, подумалъ: „а вѣдь въ самомъ дѣлѣ—старикъ славный, не отложить ли должокъ?“ и поглядѣлъ на дверь, за которой прошумѣло платье Зои.

— А я, братъ, совсѣмъ профершичился,—продолжалъ Вадимъ Андреевичъ,—продалъ послѣдній лѣсокъ, а деньги, какъ птички—только хвостики показали. Да, Алексѣй Петровичъ, конецъ нашему уѣзду, крахъ. Двадцать лѣтъ назадъ—да мы царями сидѣли. Выкажишь, бывало, въ колѣскѣ—все шапки долой, кругомъ хutora дворянскіе, родня, благородство именъ: Собакины, Рѣньевы, шесть сыновей Осокина, Тепловъ старикъ и я—Таракановъ, столпы. А теперь сволочь какая-то сидитъ, сволочь къ тебѣ и въ домъ лѣзаетъ.

— Вадимъ Андреевичъ, не обижайте—сказалъ Видиняпинъ.

— Да я не про тебя—про остальныхъ, не хорохорься. Ты вотъ думаешь, что я старый дуракъ и спился. А я, быть можетъ, обдумываю планъ. Испугался? А какъ затрещитъ уѣздъ со всехъ концовъ, да встанетъ дворянство за свои коренныя права... У меня, быть можетъ, тайный комитетъ составленъ и адресокъ кое-кому припасенъ. Показать? Подождешь. А въ подвалѣ, вотъ здѣсь подъ тобой, бомбы-съ. А въ уѣздѣ дворянство на чеку, а въ Петербургѣ двѣнадцать тысячъ молодыхъ дворянъ моего слова ждутъ. Какъ объявлю—сейчасъ купца Шихобалова на березу, Синицына на березу, и пошла писать губернія. А я въ Петербургъ съ адрескомъ. Помилуйте, принуждены. Ага. А ты думалъ—я пьянаго дурака валяю. Сознайся:—думалъ, что я дурака валяю? Ну скажи: пьяный дуракъ!

Вадимъ Андреевичъ поднялся во весь ростъ и, упершись въ бока, распался гнѣвомъ, а Видиняпинъ, задрвавъ въ страхъ голову, сидѣлъ передъ нимъ, шепча: „ей Богу, не думалъ, Вадимъ Андреевичъ, ей Богу, нѣтъ“.

— Врешь. Я знаю—ты, мерзавецъ, за деньгами прѣхалъ. Чортъ съ тобой, бери мои деньги. Не это обидно, а что мое дѣло рухнетъ... Такъ, значить, ты противъ дворянства идешь?

— Господи, да какія тамъ деньги, Вадимъ Андреевичъ, конечно, я за васъ.

— Вотъ что,—воскликнулъ Таракановъ, топнувъ босой ногой,—мы будемъ на дуэли драться. Побьешь меня—твои деньги, или быковъ назадъ бери. Тутъ, братъ, дѣло вѣрное.

И Вадимъ Андреевичъ вытащилъ изъ ломбернаго стола кремневой пистолетъ, бормоча: „по очереди, братъ, по очереди, на узелки“.

Видиняпинъ, ухватясь за кресло, глядѣлъ на пистолетъ, выкативъ глаза. Въ комнату въ это время быстро вошла Зоя, взяла пистолетъ изъ рукъ отца и сказала: „Батюшка, сядь, довольно“,—потомъ налила себѣ въ рюмочку вина, отпила и присѣла у трюмо, въ синей глубинѣ котораго отразилась маленькая ея голова съ тѣнью подъ глазами.

— Ты думаешь, я шутки шучу,—потнше продолжалъ Вадимъ Андреевичъ, валясь въ кресло,—вотъ Зоя только спасла тебя, подстрѣлили бы, какъ муху.

— Его нужно хорошенько проучить, папа, — молвила Зоя,—онъ наверху бросился на меня.

— Господи, — завопилъ, наконецъ, Видиняпинъ, — да чѣмъ же я виноватъ! Ничего у васъ не пойму, вертится въ головѣ, чепуха какая-то лѣзетъ... Простите меня...

И, стоя посреди залы, подгибалъ Видиняпинъ колѣни, складывалъ руки у лица, до того перепуганный и пьяный, что Таракановъ вдругъ захохоталъ, а Зоя подошла къ Видиняпину, взяла его за руки и стала кружить. Видиняпинъ уперся-было сначала, потомъ поплыли передъ глазами его три окна, комодъ, часы, трюмо, диванный уголь, столикъ съ бутылками, Вадимъ Андреевичъ Таракановъ,

оленьи рога надъ дверью, потомъ опять окна, все быстрѣе и быстрѣй... И, блаженно улыбаясь, чувствовалъ Алексѣй Петровичъ нѣжныя, тоненькія и теплыя ладони дѣвушки, тянулася къ ея закинутому лицу, а Зоя медленно усмѣхалась клоуновскимъ ртомъ. Вдругъ она отпустила руки, подошла къ дивану и легла въ тѣни; а Видиняпина неудержимо потянуло прижаться къ полу, что онъ и сдѣлалъ... И сквозь дремоту казалось ему, что заиграли на рояли и ужасно стали топтать ногами. А спустя время, когда Видиняпинъ открылъ глаза, въ замѣ никого не было, и въ окно лился голубой лунный свѣтъ.

Алексѣй Петровичъ, не чувствуя головы, будто ея и не было, съ трудомъ поднялся на ноги и, пробираясь вдоль стѣны, чтобы не кинуло въ сторону, отворилъ дверь въ коридоръ. Тамъ, одѣтый, въ картузъ, засунувъ руки въ широченные штаны, стоялъ Таракановъ.

— Поди-ка, поди-ка сюда,—сказалъ онъ.

— Вадимъ Андреевичъ, шутки въ сторону,—удивляясь своей смѣлости, проговорилъ Видиняпинъ,—отдайте мнѣ быковъ, если платить не можете.

— Я тебѣ покажу быковъ,—сказалъ Таракановъ,—у меня ужъ и дрожки заложены.

VI.

Сидя на дрожкахъ позади просторной спины Тараканова, вздрагивалъ Алексѣй Петровичъ — до того его развезло, а рѣшн, въ которыя нарочно заѣхалъ Вадимъ Андреевичъ, пребольно хлестали по ногамъ, и на кочкахъ такъ потряхивало, что зубы щелкали и отбились нутро.

Обогнувъ старый садъ, Таракановъ вѣхалъ на плотину, откуда быть виденъ летавшій надъ прудомъ туманъ, грузно повернулся, указавъ на лѣсную опушку, на которой лежалъ скотъ, и сказалъ:

— Вотъ твои быки; у нихъ еще и приплодъ есть.
— Какой же у нихъ приплодъ, Вадимъ Андреевичъ, когда они быки, да еще холощенные?
— Значить, ты мнѣ не вѣришь, я вру?
— Вѣрю, Вадимъ Андреевичъ, мои быки были красивые, а эти пѣгіе и представляются коровами, мнѣ бы поближе посмотреть.

— Ближе не могу: глаза дальнзоркіе, рѣжетъ, когда близко гляжу.

Алексѣй Петровичъ вдохнулъ и попросилъ:

— А вы бы зажмурились.

Тогда Вадимъ Андреевичъ вплотъ придвинулся къ лицу Видиняпина и крикнулъ:

— Пошелъ съ моихъ дрозжекъ прочь,—и, когда Видиняпинъ слѣзъ, принялся Таракановъ махать невидимымъ пастухамъ, крича пронзительно:

— Вотъ я васъ, негодяи! Зачѣмъ скотину на лугъ выпустили! Гони ее въ лѣсъ, я васъ...

— Это ужъ Богъ знаетъ что,—воскликнулъ Видиняпинъ,—да вы меня прямо надуть хотите.

Тогда Вадимъ Андреевичъ схватилъ Видиняпина за грудки, подтащилъ къ себѣ, потрясъ, плюнулъ въ Алексѣя Петровича, и пихнулъ подъ плотину внизъ, гдѣ росли крапива и лопухъ. Отъ паденія и страха обморочнулся Видиняпинъ и долго лежалъ, а когда очнулся, просидѣлъ еще немного въ густой чилигѣ и ползкомъ выбрался изъ-подъ плотины.

Разбитый, припелся онъ обходомъ въ деревню, разыскалъ коней и землемѣра, легъ въ свою плетушку, сказалъ: „Все къ чорту пошло, увозите меня скорѣй“ и тутъ же заснулъ.

Когда онъ проснулся, лошади нешибко бѣжали по сѣрой дорогѣ; наверху были звѣзды, и мѣсяцъ всталъ надъ степью; ямщикъ согнулся на козлахъ, а землемѣръ кивать козырькомъ, словно здоровался.

— А что, долго я спалъ?—спросилъ Видиняпинъ.
Землемѣръ вскинулъ голову, потянулся и отвѣтилъ:
— Да, порядкомъ.
— Слава Богу,—пробормоталъ Видиняпинъ,—постой-постой, мы впередъ, что ли, ѣдемъ, или ужъ обратно?...

1911. Парижъ.

I.

Надъ столомъ, покрытымъ синей бумагой, въ чернильныхъ пятнахъ, горѣла, привѣшенная цѣпочкой къ потолку, небольшая лампа, освѣщая ворохъ писемъ и двѣ худыя, проворныя руки: лѣвая выхватывала письмо изъ кучи, подносила къ плоскому, съ красной бородавкой, носу въ пенснэ и перебрасывала правой, а правая совала въ ящички шкафа близъ стола.

Работа эта, ежедневная и однообразная, не обременяла мыслей почтового чиновника Крымзина; но мыслямъ некуда было дѣться, и онѣ дремали, а шибко бѣгали только беззащитные глаза. На углу стола шипѣлъ самоварчикъ.

Сонно было въ почтовой конторѣ и въ двухъ залахъ небольшой станціи и вокругъ на много верстъ, и ничто не могло потревожить важной работы Крымзина.

Но вдругъ лѣвая рука его, схвативъ голубой конвертъ и едва не перебросивъ правой, задрожала и остановилась. Крымзинъ сдернулъ пенснэ и, раздвинувъ локти, прочелъ адресъ на конвертѣ:

„Имѣнье Сосенки, Александру Петровичу Тименкову“.

Пятнами разлился румянецъ по впалымъ щекамъ Крымзина, тонкія губы, обросшія мочальными усиками, приподнялись кривой улыбкой. Онъ всталъ, подошелъ къ самовару и пробормоталъ:

— Соскучилась, Лизанька, вся, чай, изныла, безъ милаго друга... Ну, что ты тамъ нацарапала, душенька моя...

Дрожащей грязной отъ чернилъ рукой въ заусеницахъ подержалъ Крымзинъ конвертъ надъ паромъ самовара, осторожно раскрылъ и, понюхавъ хрустящій лепестокъ письма, сталъ читать, склонясь подъ лампой:

„Милый мой, золотой Сапа, я больше не могу жить въ разлуку. Вчера мужъ нашелъ твое письмо у меня на туалетѣ. Я испугалась ужасно и за тебя, и за себя. Онъ спросилъ: „отъ кого это?“ Я отвѣтила: „отъ подруги“... И онъ подозрительно покосился, знаешь—какъ. Я боюсь его, Сапа. Какъ онъ смѣетъ меня подозрѣвать? Развѣ я измѣняю ему съ тобой? Вѣдь я же люблю тебя, красавца милаго. Въ субботу мы встрѣтимся въ вагонѣ. Я не дождусь субботы. Какое счастье, что въ К. живетъ его тетка... Вотъ я ее терпѣть не могу, а мужъ очень доволенъ, что я хочу навѣстить тетку... До субботы. Лиза“.

Прочтя письмо, Крымзинъ усмѣхнулся хитро, поглядѣлъ на лампу и подмигнулъ:

— Правильно,—сказалъ онъ,—старого учить надо: думаетъ, за деньги жена еще и вѣрной окажется.. Многого захотѣлъ. Не раба-съ. А Петровиць—молодчина, въ вагонѣ устраивается... Изобрѣтатели.. Значить я ее въ субботу увижу, конечно, увижу. Вотъ штука!

Крымзинъ задумался, сказалъ: „такъ-съ“, мотнулъ головой, заклеилъ конвертъ и, улыбаясь, продолжалъ работу, согнувшись на своемъ стулѣ—худой, сутулый и потертый.

Когда ворохъ писемъ былъ разобранъ, Крымзинъ потянулся, налилъ чаю въ стаканъ и, кура и двигая ложечкой, продолжалъ думать о Лизѣ, причемъ глядѣлъ, не отрываясь, на чернильное пятно на стѣнѣ.

Клякса эта, неправильная, съ брызгами вокругъ и отекомъ внизъ, сидѣла поверхъ коричневаго цвѣтка, что на обояхъ, и Крымзинъ, думая, всегда глядѣлъ на кляксу и ненавидѣлъ ее до тошноты и головной боли..

Кляксу поставилъ почтовый чиновникъ, который служилъ двадцать лѣтъ на этой станціи и померъ отъ вина. На мѣсто покойника и поступилъ Крымзинъ, исключенный,

за слишком медленное прохождение курса, изъ реального училища. Родныхъ у него не было, товарищи скоро забыли. и онъ, съѣвъ на станціи, посреди степи, гдѣ ближайшее село было въ тридцати верстахъ, сталъ ежедневно видѣть однихъ и тѣхъ же лицъ: начальника станціи, двухъ стрѣлочниковъ, телеграфиста, куръ въ палисадникѣ, а вокругъ степныя дороги, путь и столбы.

Разъ въ сутки минуты на двѣ останавливался почтовый поѣздъ, полный народа; засидѣвшійся пассажиръ спрыгивалъ съ площадки и прожамывался мимо вагона, въ окна котораго глядѣли незнакомые люди. Вначалѣ Крымзинъ хотѣлъ подружиться съ начальникомъ и телеграфистомъ, но у телеграфиста пахло изо рта, да и какой прокъ изъ его дружбы, а у начальника постоянно хворали дѣти, и вообще онъ былъ угрюмъ. Надумалъ Крымзинъ пить, но отъ вина дѣлалась такая грусть, что однажды вынули Крымзина изъ петля въ дровяномъ сараѣ. Тогда попробовалъ онъ распечатывать письма, и это занятіе понравилось.

Засиживаясь съ каждой почтой за полночь, читалъ Крымзинъ чужія тайны и сталъ понимать, какъ живутъ люди, на какія пускаются хитрости и дѣла.

И уже не обижался больше, глядя на подкатившій поѣздъ, а хитро ему подмигивалъ, думая: „отъ меня не скроешься, господа, все про васъ знаю“. И скоро выучился отличать по надписи на конвертѣ любовныя письма отъ дѣловыхъ, просительскія отъ писемъ начальниковъ.

На просительскихъ званіе и титулъ были прописаны всѣми буквами, адресъ подробно, не подчеркнуть и старательно завернуть закорючки на буквахъ. Начальники подчеркивали городъ и фамилію, передъ которой стояло просто „Е. В. Б.“. Въ дѣловыхъ было все подчеркнуто, почеркъ торопливъ, но разборчивъ. А любовныя!—ихъ всѣ прочитывалъ Крымзинъ, наслаждаясь разнообразіемъ и подробностями содержимаго. У иныхъ почеркъ былъ трудно читаемъ, словно женщина трусила, боясь писать; другія карандаша каракулями, ставили кляксы, вклады-

вали цѣвты, а иногда торопливое перо, вонзаясь въ бумагу, брызгало; мѣстами, вмѣсто словъ, ставились точки, надъ которыми много смѣялся Крымзинъ, снявъ потное пенснѣ.

Крымзинъ радовался удачамъ любовниковъ, досадовалъ на препятствія, отвѣты ждалъ съ нетерпѣніемъ, а инныя письма переписывалъ въ тетрадь, гдѣ значилось: „пикантная переписка нѣкоторыхъ особъ“...

За нѣсколько лѣтъ Крымзинъ до того привыкъ думать и чувствовать чужими письмами, что не представлялъ, какъ можно кому-либо писать иначе, какъ черезъ него.

Недавно онъ распечаталъ письмо въ голубомъ конвертѣ: „Саша, какъ солнце свѣтитъ, такъ и я тебя люблю. Ты говоришь, что я красивая и нѣжная, у меня маленькія руки и ноги, но все это твое, пойми“... и дальше въ томъ же родѣ... все про любовь. Было подписано „Лиза“, и Крымзинъ долго думалъ—чѣмъ это письмо замѣчательно, словно случилось что-то серьезное. Потомъ письма въ голубыхъ конвертахъ полетѣли каждый день... Въ нихъ описывались и мелочи жизни, и такія женскія подробности, при чтеніи которыхъ надувалъ Крымзинъ щеки и говорилъ: „да-съ“, и стихи, и цѣвты, и нѣжныя слова на цѣлой страницѣ— все, чѣмъ ворожить молодая женщина, и, наконецъ, Крымзинъ получилъ фотографію, которую долго разсматривалъ и хотѣлъ срисовать, но ничего не вышло. Потомъ увидѣлъ Лизу о снѣ; затосковалъ, на другой день написанъ-было, но стало хуже, и, не зная, что теперь дѣлать, досталъ у жандарма пороху, ножомъ на рукѣ вырѣзалъ: „Лиза“,—подъ именемъ сердца и стрѣлу,—и все это затеръ порохомъ, чтобы почернѣло навсегда.

Отвѣты Александра Петровича Тименкова Крымзинъ пересталъ вскрывать, чтобы казалось, будто Лиза пишетъ ему—Крымзину, и однажды наединѣ онъ назвалъ себя: Александръ Петровичъ—даже холодеетъ отъ этого пробѣжалъ по спиѣ.

Въ свободное отъ разборки писемъ время, то есть весь день, Крымзинъ мечталъ о крушеніи поѣзда. Онъ—Крымзинъ,

бросается под обломки горящего вагона и выносить, съ опасностью жизни, Лизу на рукахъ. Лиза говоритъ ему: „спаситель, будьте моимъ другомъ“, и цѣлуетъ въ лобъ.

Мечтая, Крымзинъ вытиралъ платкомъ лобъ, чтобы не брызг на всякій случай мокрый, и въ чаѣ полоскалъ усы, отъ которыхъ пахло табачнымъ перегаромъ; глаза же его глядѣли на обон, и вотъ поверхъ коричневой розы онъ опять видѣлъ кляксу, поставленную отъ пьяной тоски... И клякса напоминала, что жизни у него нѣтъ.

II.

Послѣднее письмо съ назначеннымъ Александру Петровичу свиданіемъ было въ четвергъ, и два дня до субботняго вечера Крымзинъ жилъ самъ не свой, понимая, что, наконецъ, увидитъ Лизу.

Не зная, куда дѣться, Крымзинъ заходилъ за пути въ полынъ, роспу по ровному полю, и глядѣлъ на западъ, откуда, за телеграфными столбами, вечеромъ покажется поѣздъ. Изъ-подъ ногъ Крымзина вылетала перепелъ; суслики свистѣли на курганѣ, стоя колышкомъ, и солнце пекло.

Вглянувъ на солнце, думалъ Крымзинъ, что теперь Лиза обѣдаетъ и говоритъ мужу, невинно: „А я хочу сѣдять къ тетущкѣ“; мужъ молчитъ, прикрывшись газетой — грубое животное; лицо у Лизы испуганное и лукавое... А вдругъ откажетъ? „Поѣзжай“, — говоритъ мужъ, — мнѣ какое дѣло“. Долго ждать до поѣзда. Все сердце ныло... Она пошла въ комнату и надѣваетъ бѣлье съ кружевами — все для него.

Крымзинъ зажмурился и, помотавъ головой, пошелъ въ палисадникъ, сбивая сапогами съ подлани горькую пыль.

У коричневой, обшитою тесомъ стѣны Крымзинъ сѣлъ; около ногъ его заходилъ голенастый пѣтухъ, тряся гребешкомъ; двѣ курицы лежали въ пыльныхъ ямкахъ; листья на чахлыхъ тополяхъ были давно сожжены, и надъ головой, въ квартирѣ начальника, плакалъ ребенокъ.

— Эхъ, — пробормоталъ Крымзинъ, — хоть бы рѣчка была, здѣсь и воды-то нѣтъ; какъ только жить можно.

Ребенокъ надоѣлъ, наконецъ, нестерпимо; Крымзинъ, морща лобъ, побрелъ въ первый классъ, гдѣ былъ холодокъ. Но въ залѣ, тѣ же, что и десять лѣтъ назадъ, висѣли, сбоку израцовою печки, рекламы пароходовъ и гильзъ, напротивъ нихъ, заклеванное мухами — расписание поѣздовъ и давнишняя надпись на немъ карандашомъ: „Иванъ Синицынъ проѣзжалъ тутъ“; на кругломъ столикѣ графинъ съ желтой водой, которую никто не пилъ... Вотъ и все...

Крымзинъ замянулъ въ графинъ, потомъ послушалъ, какъ мухи жужжать на окнахъ, и ушелъ въ багажное...

Въ багажномъ, противъ выхода, на обитой желѣзомъ стойкѣ спалъ служащій, навзничъ; заскорузлая рука его лежала на животѣ, а вокругъ открытаго рта, обросшаго пепельной бородой, ползали мухи.

— Эй ты, не спи, — сказалъ Крымзинъ, тоскливо постоялъ и вышелъ на мощный дворъ. Службы, покрытыя дерномъ, были заперты, у коновязи хлопотали воробьи, а за казеннымъ заборомъ, за пыльной дорогой, была все та же степь, и далеко въ ней прыгала стреноженная лошадь.

— Мука вѣдь это, не могу такъ жить, — сказалъ Крымзинъ, — хоть бы поѣздъ скорѣе пришелъ.

Степной закатъ долго тускнѣлъ, линия и заливаясь ночью; наконецъ, высыпали мелкія звѣзды; на станціи зажгли огонь, семафоръ вдалькѣ опустилъ зеленое крыло и однообразно звонилъ колоколъ на столбѣ, показывая, что откуда-то идетъ поѣздъ. Крымзинъ сидѣлъ на лавочкѣ у двери, на перронѣ, глядя надѣво, въ степь. Легкій ознобъ трясъ его тоще тѣло въ короткой тужуркѣ, и въ головѣ стоялъ туманъ — слишкомъ долго Крымзинъ дождался...

А въ степи надѣво горѣла точка, должно быть костеръ, зажженный плугарями. Но точка будто все яснѣе становилась, потомъ разошлась въ три огня, и оттуда долетѣлъ,

словно жалуясь, дальній свистъ; тогда понялъ Крымзинъ, что бѣжать поѣздъ...

Крымзинъ вскочилъ со скамейки, оправляя фуражку; сердце стучало, и, вслѣдъ за свистомъ, съ противоположной стороны заллился колокольчикъ, все ближе, словно ѣдущій, тоже увидя поѣздъ, стегалъ по конямъ, стоя въ тарантасѣ. Когда же огни паровоза, пираясь и золотомъ заливая рельсы, настигли semaфоръ, на дворъ станціи влетѣла, гремя о камни, тройка.

— Онъ это, — быстро оглядываясь, подумалъ Крымзинъ.

Пылающіе фонари, погнавъ тѣнь отъ начальника станціи, подлетѣли вплотъ, паровозъ обдалъ гарью и паромъ, замелькали окна вагоновъ, все медленнѣе, — и противъ Крымзина остановился первый классъ, ярко освѣщенный. Сейчас же на перронъ черезъ дворикъ выбѣжалъ, оглядываясь, высокій человекъ въ крылаткѣ и съ расчесанной на-двое бородой. Крымзинъ быстро покосился на него и, привставъ на цыпочки, сталъ глядѣть черезъ прозрачное окно въ купѣ, обитое краснымъ.

Въ сѣткѣ купѣ лежала соломенная шляпа съ цвѣтами и ягодами, на крючкѣ висѣли кружевное пальто и зеленый шарфъ... „Лизино это“, — пробормоталъ Крымзинъ и, задрожавъ, обернулся, потому что съ площадки вагона раздавался женскій смѣхъ и голосъ:

— Сюда, сюда, Александръ Петровичъ.

Господинъ съ расчесанной бородой воскликнулъ: „ага“, поднявъ руку и по лѣсенкѣ вѣжалъ на площадку...

„Поцѣловались“, — сказалъ Крымзинъ, — „въ губы“... — и увидѣлъ, какъ дверь въ купѣ распахнулась и вошли, сначала она, щурясь и смѣясь, словно ее гладили, потомъ онъ, очень бодро...

Задвинувъ дверь купѣ, Лиза, словно страшно долго ждала этого, обхватила шею Тименкова рукой, сѣла, закинувъ голову, и Тименковъ, сверкнувъ глазами, сталъ ее цѣловать...

Тогда Крымзинъ примѣтилъ, что Лиза одѣта въ сѣрое

клетчатое платье, съ частыми пуговками, изъ нихъ три разстегнуты на груди; темные волосы ея касались плечъ, и локоть съ ямочкой двигался на плечѣ Тименкова, другая же рука лежала на бархатѣ, ладошкой вверхъ...

Крымзинъ, глядя на цѣлующихся, захныкалъ, не замѣтивъ этого; не слышалъ онъ, какъ ударилъ третій звонокъ и звякнули цѣпи...

Вдругъ окно поплыло, — и Крымзинъ побѣжалъ за окномъ...

Лиза и Тименковъ уже оторвались другъ отъ друга, держались за руки и, и раскрывъ рты, показывая бѣлые зубы, смѣялись.

Перронъ вдругъ окончился, Крымзинъ едва не упалъ, а поѣздъ уже унесся, открывъ на хвостѣ свосмъ два красныхъ фонаря.

Долго Крымзинъ смотрѣлъ вслѣдъ поѣзду, потомъ вернулся въ контору, засунувъ руки глубоко въ карманы и складывая губы розаномъ...

Въ конторѣ Крымзинъ вынулъ ключъ, отомкнулъ на почтовомъ мѣшкѣ замокъ, понатужась, вывалилъ письма на закапанннй столъ, присѣлъ, и быстро заходили его руки... А глаза вмѣсто всей этой дряни видѣли прозрачное окно и на красномъ бархатѣ двѣ цѣлующіяся головы. Быть можетъ, ничего этого нѣтъ, на самомъ дѣлѣ, а Крымзинъ выдумалъ двѣ эти головы, соединилъ и благословилъ на любовь.

Довольно же, — сказала Крымзинъ, тяжело дыша — поцѣловались и довольно...

Тогда она взялись за руки и принялись смѣяться... На щекѣ у нея показалась ямочка и наморщился маленькій носъ.

— Милые мои, еще поцѣлуйте, — сказалъ Крымзинъ, привставъ и опираясь о столъ...

Но профили чудесныхъ двухъ лицъ не сблизились; между ними появился обонный розанъ и на розанѣ — чернильная клякса...

Крымзинъ раскрылъ ротъ и, дрожа въ лихорадкѣ, вос-

кликнул: „пропади!“ И головы исчезли.. Тогда онъ схватилъ чернильницу и швырнулъ ее, перегнувшись черезъ столъ, въ кляксу. Чернильница разбилась, и чернила расплеснулись по стѣнѣ пятномъ, величиной съ баранью шкуру.

— Заполонило,—закричалъ Крымзинъ,—не поддамся, я тебѣ не чиновникъ... Плевалъ я на твою работу... Къ чорту...

Комка и разрывая письма, сталъ кидать ихъ Крымзинъ въ чернильное пятно, плевалъ въ него черезъ столъ и скрипѣлъ зубами.

Начальникъ станціи, зайдя за почтой, увидѣлъ все это, ударилъ и повалилъ Крымзина, потомъ велѣлъ его связать, а на утро отправилъ въ уѣздный городъ, въ больницу.

1912.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Невѣрный шагъ	7
Мечь	54
Чудаки	70
Въ лѣсу	83
Терентій Генераловъ	96
Туманный день	109
Родныя мѣста	131
Лихорадка	159
Казацкій штось	180
Ночь въ стени	191
Клякса	204

